

№3 (50) 2023

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

Слепокуров В. С.

Геополитические вызовы и стратегическое целеполагание системы российского образования в сфере культуры5

Востряков Л. Е., Волков В. А.

Консервативное измерение вектора культурной политики 15

Бычкова О. И., Костина Н. А., Саркисова Е. Г.

Эффективность стратегий региональной культурной политики Юга России23

Чижиков В. В.

Основные тенденции развития и взаимосвязи человека и общества: культурно-ценностные ориентиры35

Муромцева М. Ю.

Визуальные коммуникации в современном информационном обществе46

Литературоведение

Неженец Н. И.

Роман Л. М. Леонова «Русский Лес»: образно-смысловое содержание53

Искусствоведение

Синявина Н. В., Волобуев В. А.

Оружейная палата и Посольский приказ в контексте культуры XVII века61

Буцан А. С.

Творческая деятельность С. П. Дягилева в контексте тенденций отечественной культуры рубежа XIX–XX вв. 68

Сяоянь Ч.

Национальный китайский балет как воплощение культурного синтеза (на примере знаковых постановок 50–60-х гг. XX века) 76

Социально-культурные практики

Варакина Г. В.

Индивидуализация образования в практикоориентированных программах высшей школы 87

Павлова В. Е.

Реализация концепции обучения одаренных детей в музыкальных школах: коммуникативный аспект 96

Милицина О. В., Шишкина С. В.

Ценности индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности 104

Сабанцева Т. В.

Системность в хореографической педагогике как фактор результативности обучения 114

Библиотекосведение

Глазков М. Н.

Библиотечная политика в Российской Федерации в постсоветский период (1992–1999 гг.) 125

Соколов С. В.

Роль польских научных библиотек в продвижении публикаций по вопросам полонистики, польско-украинских отношений и полонизации Западной Украины 141

№3 (50) 2023

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.
Published since 2008.

CONTENTS

Theory and history of culture

Slepokurov V. S.

Geopolitical challenges and strategic goal setting
of the Russian education system in the field of culture5

Vostriakov L. E., Volkov V. A.

Conservative dimension of the vector of cultural policy..... 15

Bychkova O. I., Kostina N. A., Sarkisova E. G.

The effectiveness strategies of regional
cultural policy in the South of Russia.....23

Chizgikov V. V.

Main trends in development and relationship of man
and society: cultural-values guidance.....35

Muromtseva M. Y.

Visual communications in the modern information society46

Literary study

Nezhenets N. I.

L. M. Leonov's novel «Russian Forest»:
figurative and semantic content.....53

Art history

Sinyavina N. V., Volobuev V. A.

The Armory Chamber and the Ambassadorial Prikaz
in the context of Russian culture of the 17th century.....61

Butsan A. S.

Creative activity of S. P. Diaghilev in the context of trends
in Russian culture at the turn of the XIXth–XXth centuries 68

Xiaoyan Z.

National Chinese ballet as the embodiment
of cultural synthesis (based on the example
of iconic productions of the 50–60s of the XX century) 76

Socio-cultural practice

Varakina G. V.

Individualization of education
in practice-oriented higher school programs 87

Pavlova V. E.

Implementation of the concept of education
of gifted children in music schools: communication aspect 96

Militzina O. V., Shishkina S. V.

Values of individual and collective musical and creative activity 104

Sabantseva T. V.

Consistency in choreographic pedagogy
as a factor of learning effectiveness 114

Library Science

Glazkov M. N.

Library policy in Russian federation in postsoviet period (1992–1999) 125

Sokolov S. V.

The role of Polish scientific libraries in promoting
publications on polonistics, Polish-Ukrainian
relations and polonization of Western Ukraine 141

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.7

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

Виталий Сергеевич СЛЕПОКУРОВ,

доктор философских наук, профессор,
первый проректор, проректор по учебно-методической деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Аннотация: В контексте наиболее опасных проявлений глобального гуманитарного кризиса рассмотрены теоретические основания социокультурной практики диалога культур и практический аспект ресурса традиционной народной культуры. С позиции теории соционормативного регулирования культуры рассмотренные примеры социокультурных практик представляют собой исторический комплекс саморегуляции культуры. Именно этого механизма лишена модель культуры западного образца, основу которой составляет диктат, директива, подменяющая собой диалог культур в живой социокультурной практике, подменяющая осмысление пережитого опыта его дискредитацией – искажением истории в угоду сиюминутным политическим интересам.

Ключевые слова: геополитические вызовы, глобальный гуманитарный кризис, культура, система образования, социокультурное проектирование будущего, диалог культур, стратегическое целеполагание.

Для цитирования: Слепокуров В. С. Геополитические вызовы и стратегическое целеполагание системы российского образования в сфере культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 5–14. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

GEOPOLITICAL CHALLENGES AND STRATEGIC GOAL SETTING OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM IN THE FIELD OF CULTURE

Vitaly S. Slepokurov, DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector,
Vice-Rector for Educational and Methodological Activities,
Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Abstract: In the context of the most dangerous manifestations of the global humanitarian crisis, the theoretical foundations of the socio-cultural practice of the dialogue of cultures and the practical aspect of the resource of traditional folk culture are considered. From the standpoint of the theory of socio-normative regulation of culture, the considered examples of socio-cultural practices represent a historical complex of self-regulation of culture. It is precisely this mechanism that is lacking in the Western-style model of culture, which is based on diktat, a directive that replaces the dialogue of cultures in living sociocultural practice, that replaces the comprehension of the experience experienced by discrediting it – distorting history in favor of momentary political interests.

Keywords: geopolitical challenges, global humanitarian crisis, culture, education system, socio-cultural projection of the future, dialogue of cultures, strategic goal setting.

For citation: Slepokurov V. S. Geopolitical challenges and strategic goal setting of the Russian education system in the field of culture. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 5–14. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

Гуманитарный разворот науки во второй половине XX века предопределил внимание теоретиков к наметившимся тектоническим сдвигам в области культуры, которые принципиально меняют научные представления о ресурсной базе и перспективах цивилизационного развития (Х. Ортега-и-Гассет, П. Бурдьё, М. Кастельс и др.). Многие современные геополитические вызовы обусловлены игнорированием политическими элитами доминионов западной цивилизации глубинных механизмов воспроизводства культуры. Преодоление негативного влияния глобального гуманитарного кризиса на социально-экономическое и цивилизационное развитие нашей страны без рационального использования ресурсов культуры не представляется возможным. Это положение, в свою очередь, указывает на ключевую роль образования в сфере культуры и искусств в социокультурном проектировании будущего. Соответственно, особую остроту приобретает существенный методический вопрос о стратегическом целеполагании системы образования отрасли в свете геополитических вызовов.

Артикуляция геополитических вызовов и их анализ, по существу, сводится к правильной постановке текущих и стратегических задач, решение которых составляет содержательную часть культурной политики в её непосредственной связи с политикой международной, национальной, молодежной, научно-технической, информационной.

К наиболее опасным проявлениям глобального гуманитарного кризиса для будущего, с опорой на базовые стратегические документы государственной культурной политики Российской Федерации, отметим следующее:

1. снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
2. девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
3. рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;

4. деформация исторической памяти, негативную оценку значительных периодов истории, распространение ложного представления об исторической отсталости наших народов;
5. атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других людей, к представителям других национальностей и национальных культур [11].

Эти факторы создают непосредственные угрозы национальной безопасности государства в области культуры, которые сводятся к размыванию традиционных духовно-нравственных ценностей и ослаблению единства народа путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также к снижению роли наших языков и культур в мире, к попыткам фальсификации мировой истории и противоправным посягательствам на объекты культуры.

Вопрос о стратегическом целеполагании систем образования отрасли культуры в свете геополитических вызовов, таким образом, решается на высшем уровне государственного управления, если под государством понимать не механизм обслуживания интересов транснационального капитала, как трактуют ведущие западные аналитики, – а высшую форму коллективного самосознания проживающих на суверенной территории народов, т. е. социокультурный феномен, как рассматривают российские культурологи.

Эксплицируя это базовое положение в практическую область планирование деятельности конкретных учреждений образования отрасли культуры, следует подчеркнуть, что коллективное самосознание не является исключительно теоретической моделью или абстракцией. Как социокультурный феномен оно остается пластичным, проявляя важнейшее из системных свойств культуры в целом [5, с. 93]. Социокультурный феномен коллективного самосознания является результатом коллективной деятельности поколений на протяжении длительного исторического времени. Следовательно, сохранение и укрепление высшей формы коллективного самосознания (т. е. государственности) лежит в области организации и развития сложной совокупности различных форм коллективной деятельности.

Следует подчеркнуть, что только коллективная деятельность является источником базовых ценностей культуры, только в коллективной деятельности возникают и укрепляются механизмы производства и воспроизводства систем ценностей, на базе которых складываются культурная общность и коллективное самосознание.

Теоретически такая роль коллективной деятельности объясняется образованием общей сферы социальной практики, в которой вырабатываются

нормы саморегуляции культуры. В практическом же аспекте традиции народов России содержат ценный опыт воспроизводства культурной общности.

Чтобы сформулировать один из ключевых принципов международного сотрудничества на новом этапе цивилизационного развития и модернизации всех уровней системы художественного и культурологического образования, рассмотрим теоретический и практический аспекты формирования культурной общности и коллективного самосознания на конкретных примерах.

Теоретический аспект можно рассмотреть на примере основных положений модели соционормативного регулирования культуры. Наглядно она представлена схемой иерархии уровней соционормативного регулирования культуры (см. Рисунок 1).

Иерархическая структура модели указывает на обусловленность культурного порядка высшего уровня сформированными на предшествующем уровне нормами. Высший (интерпретационный) уровень включает в себя нормы интерпретации индивидом или сообществом социокультурной реальности, который складывается из проверенных на практике (средний уровень) базовых норм (исходный базовый уровень).

В механизме самоорганизации общества, кроме неперсонифицированных, используются и другие регуляторы, в частности директивные, предполагающие наличие конкретных субъектов, отдающих распоряжения исполнителям. В отличие от директивных регуляторов, ставящих в жесткие рамки поведение индивидов, социокультурные нормативные регуляторы обеспечивают индивидам свободу волеизъявления, возможность сознательного выбора линии поведения, соответствующей нормативным требованиям. За рамками свободы волеизъявления предложенная схема не функционирует. Именно свободный выбор индивидом нормативов деятельности

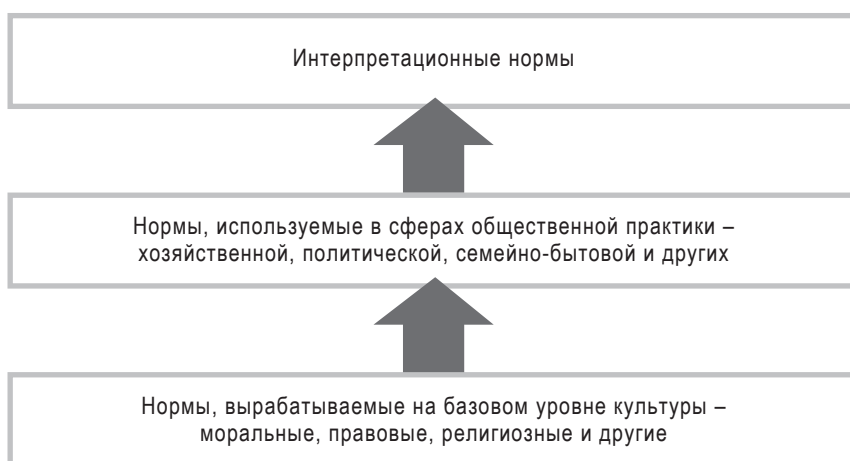

Рисунок 1. Модель соционормативного регулирования культуры

Рисунок 2. Схема директивного управления правовой культурой

обеспечивает преемственность и взаимную обусловленность уровней соционормативного регулирования культуры в процессе самоорганизации общества. В этом заключается одна из базовых функций социальной коммуникации – отбор успешных стратегий и технологий деятельности в процессе пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем, к которым следует относить и индивида, и коллективные коллаборации для осуществления целерациональной деятельности [4]. В схеме стрелки указывают на коммуникационную связь уровней соционормативного регулирования культуры, т. е. представленная модель не мыслится вне постоянно протекающего процесса социальной коммуникации.

Из приведенной выше схемы директивные регуляторы исключены. Тем не менее, без директивного управления не обходится ни одна организация, ни одна ведомственная вертикаль исполнительной власти, ни одно сообщество, нацеленное на реализацию общих интересов. По мнению одного из ведущих теоретиков реляционной теории коммуникации Роберта Крейга, кибернетическая модель коммуникации (директивная), основанная на широко известной схеме Пирса-Соссюра, доминирует и в теоретическом дискурсе, и в практиках управления [13]. Хотя, как известно, в рамках теории самоописания семиотических систем закреплено положение об исключительности «телеграфной» модели коммуникации, описанной Соссюром, не отражающей все многообразие возникающих в обществе коммуникационных связей [8], все же, учитывая, что любая директива базируется на интерпретационных нормах или сама является формой интерпретации реальности (иначе её исполнение входит в противоречие с реальностью и исключается из практики), необходимо схематично обозначить директивный канал в рамках социальной коммуникации (см. Рисунок 2).

Рисунок 3. Схема цикла регулятивно-директивного управления правовой культурой в политической коммуникации

На схеме (см. Рисунок 2) наглядно представлено, что директивное управление непосредственно влияет на область общественных практик и лишь опосредованно практиками может в некоторой степени изменять нормативы базового уровня соционормативного регулирования культуры.

Линейные схемы, наглядно представляющие иерархические связи, далеко не всегда в полной мере раскрывают специфику циркуляции информации в социальной коммуникации.

Скорости и объемы движения информации обуславливают необходимость циклических схем [9]. В частности, отображение цикла соционормативного регулирования культуры с учетом места в нем директивного управления позволяет наглядно представить инверсию регулятивных норм (стрелка «регуляция») в директивы (стрелка «управление») рационального управления на уровне их интерпретации, а также превращение рациональной директивы в нормы регулирования и самоорганизации общества на базовом уровне культуры (см. Рисунок 3).

Доминирование в западном теоретическом дискурсе кибернетической (директивной) модели коммуникации [13], выраженной упрощенной телеграфной схемой, обуславливает и стратегию культурной экспансии, и деградацию международной правовой культуры, поскольку исключает из управления область социальных практик, строящихся на диалоге и разрешающих диалектико-диалогическую напряженность конфликта директивы и самоуправления (Рисунок 4).

Опосредованность развития культуры социальными практиками, где применимы и директивы управления, и регулятивное волеизъявление, с позиций реляционной теории коммуникации (Л. Бакстер, Ф. Курен, Р. Т. Крейг

и др.) образует сферу диалектико-диалогической напряженности конфликта директивы (управления) и выбора (самоуправления). На позиции реляционной теории значительное влияние оказала диалогическая концепция культуры М. М. Бахтина. Получившая развитие в творчестве В. С. Библера [7] и А. С. Ахиезера [3] диалогическая концепция культуры позволяет современным российским культурологам осуществлять социокультурный мониторинг текущей ситуации, является одной из передовых. Это обуславливает стратегическое преимущество в области методического обеспечения культурной политики [1].

В отличие от западной директивной стратегии культурной экспансии, стратегия культурной политики России строится с учетом закономерностей развития культуры и более широкой трактовки социальной коммуникации. Это выражено, прежде всего, в отказе от одностороннего доминирования управляющего центра (модели советского времени) в пользу многосубъектности культурной политики и в установке на поиск и развитие новых её субъектов в гражданском обществе.

Необходимо отметить, что регулятивные нормы инертны в силу продолжительного времени их выработки. Они должны быть освоены непосредственно в социальных практиках, чтобы обеспечить ориентиры пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем (люди и их социальные коллаборации), отразившись в символах успеха деятельности [4] Как символы успеха деятельности на базовом уровне (мораль, религия, обычное право и пр.) они влияют на нормы деятельности в социальных практиках и задают рамки интерпретации реальности на высшем интерпретационном уровне. Директивы, как один из способов интерпретации реальности, необходимы, чтобы компенсировать инертность регулятивных норм, ускорив коммуникационный цикл обновления реальности (см. Рисунок

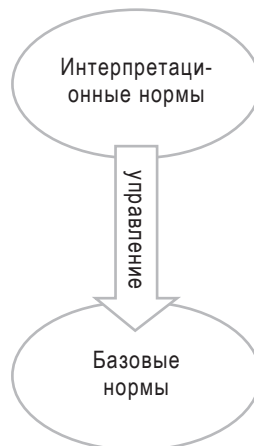

Рисунок 4. Схема директивной экспансии в управлении правовой культурой

3). Рациональное управление основывается на транслируемых обществом регулятивах, но задает директивные установки, которые общество в социальных практиках перерабатывает в нормы базового уровня.

Спецификой политической коммуникации в сфере культуры является сложная совокупность практик интерпретации реальности, в которую помимо юридического нормотворчества входит богатейший пласт языков культуры: виды искусств и художественного творчества, символика бытового общения (сленг, говор и пр.), жилища, одежды и др.

Переходя к практической применимости изложенных выше теоретических соображений, необходимо отметить, что предложенная схема цикла регулятивно-директивного управления правовой культурой в политической коммуникации (Рисунок 3) может масштабироваться в зависимости от области интерпретации реальности. Схема применима в любом виде художественного творчества или в различных формах социокультурной деятельности.

Изучение, сохранение и возрождение нематериального культурного наследия, является актуальной программой стратегического развития. Подчеркнем: программой не только теоретического осмысления прошлого, но и практического его освоения для построения будущего. С позиции теории соционормативного регулирования культуры, – это пример социокультурной практики, освобожденной от прямого директивного вмешательства, пример саморегуляции культуры. Именно этого механизма лишена модель культуры западного образца, основу которой составляет диктат, директива, подменяющая собой диалог культур в живой социокультурной практике, подменяющая осмысление пережитого опыта его дискредитацией – искажением истории в угоду сиюминутным политическим интересам.

Непосредственно в целеполагании систем образования в сфере культуры следует указать на бесценный ресурс диалога культур. Диалог культур, который включает в себя не только межкультурные горизонталы, но и вертикаль исторического времени, в отличие от практики культурной экспансии порождает новые смыслы на базе пережитого поколениями исторического опыта, закрепленного в нематериальном наследии традиционной культуры народов. Он препятствует снижению интеллектуального и культурного уровня общества, девальвации общепризнанных ценностей и искажению ценностных ориентиров, росту агрессии и нетерпимости, проявлениям асоциального поведения, деформации исторической памяти и негативной оценке истории. Прямой диалог культур как живая целерациональная социокультурная практика представляет собой совокупность мероприятий, основанных на коллективном участии в значимых культурных событиях представителей народов разных самобытных культур. Именно коллективная деятельность является базовым механизмом созидания, сохранения и освоения культурных ценностей, низводящих риск атомизации общества

до маргинального уровня контрпродуктивной девиации индивидуализированного сознания.

Соответственно, международные конгрессы, фестивали народной и академической культуры, разнообразные выставки, смотры, конкурсы и совместные концерты, пропагандирующие высокие достижения художественного мастерства в различных видах искусств в условиях нарастающих рисков глобального гуманитарного кризиса обретают непреходящее значение. Образование же в сфере культуры и искусств призвано обеспечить кадрами столь значимую отрасль социокультурного проектирования будущего.

Список литературы

1. *Астафьева О. Н.* Дискурсивные концептуализации культурной политики // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Сборник статей международной конференц-сессии (Москва, 17–21 мая 2021 г.). Москва: Научная библиотека, 2022. С. 10–20.
2. *Астафьева О. Н.* Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий // Культурная политика: от стратегии государства – к управленческим решениям организаций. Сборник статей. Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020–2021 гг.). Москва: Согласие, 2022. С. 28–46.
3. *Ахиезер А. С.* Сфера Между и ее осмысление // *Общественные науки и современность.* 2009. № 5. С. 125–133.
4. *Бакуменко Г. В.* Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // *Политика и общество.* 2015. № 7 (127). С. 964–977.
5. *Бакуменко Г. В.* Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. Москва: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
6. *Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г.* Виртуализация социокультурного фронта «tertius gomeae» // *Журнал фронтальных исследований.* 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.
7. *Библер В. С.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
8. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / ред. Н. Г. Николаюк, Т. А. Шпак. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
9. *Моль А.* Социодинамика культуры. Москва: ЛКИ, 2008. 416 с.
10. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов [и др.]. Москва: РГГУ, 2021. 604 с.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (с изменениями на 30 марта 2018 года) // АО «Кодекс», 2023 [Электрон-

ный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 30.04.2023).

12. Хезмондалиш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.
13. Craig R. T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161. (P. 120–121).

КОНСЕРВАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕКТОРА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 304.42 : 316.75 : 351.85

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-15-22>

Лев Евгеньевич ВОСТРЯКОВ,

доктор политических наук,
профессор кафедры управления и проектной деятельности в сфере культуры,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: lev-vostriakov@yandex.ru

Виталий Александрович ВОЛКОВ,

доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: vitv@rambler.ru

Аннотация. Государственная культурная политика, по мнению авторов, должна обеспечивать вектор развития гражданского общества и государства. Рассматривая культурную политику государства, следует определять и ее идеологическую составляющую, которая, в свою очередь, сама является частью сферы культуры. Стержнем новой государственной культурной политики становится утверждение центрального положения культуры как системообразующего фактора в развитии общества, а идеологией – концепция консервативного реализма, способная посредством сохранения традиционных духовных ценностей предоставить основу для преодоления современных разрывов и кризисов, начавшихся эпохой перестройки и сотрясавших российскую цивилизацию до восстановления ее государственной целостности, обеспечить единое культурное пространство страны и укрепление общероссийской гражданской идентичности многонационального народа. Поскольку реальная практика государственной культурной политики Российской Федерации начинает все более соответствовать концепции консервативного реализма, то уже самые первые шаги по реализации подобного подхода вызвали острую реакцию со стороны «мозговых центров» недружественных государств.

Ключевые слова: государственная культурная политика, идеология, консервативный реализм, разрывы в цивилизационном пространстве, традиционные ценности.

Для цитирования: Востряков Л. Е., Волков В. А. Консервативное измерение вектора культурной политики // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 15–22. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-15-22>

CONSERVATIVE DIMENSION OF THE VECTOR OF CULTURAL POLICY

Lev E. Vostriakov, DSc in Political Sciences, Professor at the Department of Management and Project activities in the field of Culture, Saint-Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: lev-vostriakov@yandex.ru

Vitaliy A. Volkov, DSc in Political Sciences, Professor at the Department of Theory and Philosophy of Politics, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vitv@rambler.ru

Abstract: The State cultural policy, according to the authors, should provide a vector for the development of civil society and the state. Considering the cultural policy of the state, it is necessary to determine its ideological component, which, in turn, is itself part of the sphere of culture. The core of the new state cultural policy is the assertion of the central position of culture as a system-forming factor in the development of society, and the ideology is the concept of conservative realism, which can provide a basis for overcoming modern gaps and crises, to ensure a unified cultural space of the country and the civil identity of the multinational people. Since the actual practice of state cultural policy of the Russian Federation is beginning to correspond more and more to the concept of conservative realism, the very first steps to implement such an approach have caused a sharp reaction from the «think tanks» of unfriendly states.

Keywords: State Cultural Policy, ideology, conservative realism, gaps in the civilizational space, traditional values.

For citation: Vostriakov L. E., Volkov V. A. Conservative dimension of the vector of cultural policy. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 15–22. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-15-22>

Сфера современной культуры претерпевает изменения, чреватые деструктивными противоречиями и катаклизмами. Следует признать, что история человечества знала эпохи испытаний, ставившие культуру на грань упадка и разрушения, но сегодня допустимо говорить о тотальном и тоталитарном характере культурных трансформаций. Если за множественностью определений культуры попробовать увидеть общий знаменатель, то он может быть сведен к усилиям по гуманизации человеческого рода, раскрытию его сущности. Сегодня Западная цивилизация ставит под вопрос определенность самого человека. Гендерная политика становится квинтэссенцией и доминантой западной культурной политики. Она претендует на универсальность, отрицает самые разные границы, от цивилизационных до границ в спорте, и потому носит тотальный характер. Антропологический компонент культурных трансформаций направлен на изменение онтологических характеристик человека. Сложная организация государственного контроля культурной политики приобретает форму режима «перевернутого тоталитаризма», по интерпретации Шелдона С. Уолина [8]. Такой режим обеспечивается быстро распространяющейся «культурой отмены», направленной идеологией глобализма против Российской цивилизации в целом.

Пространство культуры Российской Федерации находится в амбивалентном отношении к феномену западной культуры. С одной стороны, западная культура являлась длительное время одним из источников развития российской культуры, с другой стороны, современные трансформации культуры Запада воспринимаются как неприемлемые для развития России. Суще-

ствующее противоречие указывает на жизненную необходимость создания комплексной теории культуры, объясняющей видимость такого парадокса. Теоретическое осмысление культуры происходит постоянно, и этому предназначен целый ряд научных дисциплин, но потребность состоит в целостной картине социального феномена культуры. Вместе с тем, теория становится действительной тогда, когда ценности культуры воплощаются в общественной реальности, в общественных институтах. Теория культуры, раскрывающая связь определенных конструкций, объясняющих генезис, развитие и упадок культуры, единство и многообразие культур, раскрывает и ценности, воплощенные в ней. «Мы говорим о культуре (прошлого или настоящего) только в том случае, если характерные для нее ценности тем или иным способом перенесены (или переносятся) в общественную действительность» [4, с. 74].

В отношениях государства и гражданского общества культура выступает в качестве опосредствующей структуры. В Западной цивилизации доминирующую роль в таком опосредствовании играл институт права. В истории Российской цивилизации институт права приобрел свое значение несколько позже эпохи расцвета русской культуры, когда она стала играть значительную социальную роль. Русская литература в предшествующие века ярко выражала образцы гражданственности, которыми руководствовалось российское общество. Культура тесно связана со своей социальной цивилизационной основой. Механизм такого переноса воплощается в институте идеологии.

Идеология играет важнейшую роль в жизни общества и имеет тесную связь с культурой. Сфера культуры в современном обществе опосредована деятельностью государства. Государство видит свою миссию в выработке государственной культурной политики, обеспечивающей вектор развития гражданского общества и государства. Государственная культурная политика в своем основании ориентируется на определенную идеологию, которая, в свою очередь, является частью сферы культуры. Идеологии, как и культура, являются системами ценностей, но их особенностью является то, что это «такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии» [5, с. 130].

Таким образом, рассматривая культурную политику государства, необходимо определять и ее идеологическую составляющую. Идеология в российской политической системе, согласно Конституции, не может носить государственного характера. В то же время, ничто не мешает ей существовать и развиваться в форме живого духовного образования, набирающего силу, определенность, устойчивость в противоборстве с реально конкурирующими идеологиями в коммуникативном дискурсе.

Идеологическая позиция Российской Федерации формируется в деятельности партийного большинства в Федеральном Собрании как консерватизм. В предшествующий период управленческие практики в государстве опирались на идеологии либерализма, глобализма, сохранившие до сих пор сильные позиции вместе со своими носителями. Характерными для российской традиции остаются западничество, европеизм и почвенничество, славянофильство, евразийство как идеологические тенденции. Значительные позиции в Государственной Думе занимает коммунистическо-социалистическая идеология. Разнообразие идеологических позиций говорит о сложной конфигурации политических сил, претендующих на ведущую роль в государственном управлении. Доминирование в борьбе этих идеологических позиций приводит к влиянию соответствующих социальных практик, и наоборот.

Духовная ситуация последних двух десятилетий в России определена глубинной потребностью переосмысления трагических исторических разрывов и кризисов, начавшихся эпохой перестройки и сотрясавших российскую цивилизацию до восстановления ее государственной целостности. Разрывы в цивилизационном пространстве, разрывы между поколениями, между эпохами единой российской истории породили потребность поиска единства, сохранения традиции, целостности и духовного единства.

Стержнем новой государственной культурной политики становится утверждение центрального положения культуры как системообразующего фактора в развитии общества. Именно на это нацеливают обновленные Основы государственной культурной политики России. «Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации» [6].

В процессе своей реализации государственная политика должна стать основанием для развития других сфер деятельности и институтов государства. «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации» [6].

Тем самым вектор культурной политики ориентирован на преодоление кризиса и поиск духовного единства. Опорой такой политики становятся основы консервативной идеологии, призванной преодолеть разрывы между прошлым, настоящим и будущим. Консерватизм опирается на определенную систему ценностей, обоснование которых открывается в историческом пути народа. Отсюда следует, что историческая традиция более основательна, чем любая умозрительная система ценностей и является ее противополож-

ностью. С другой стороны, традиция органическим образом удерживает свою систему ценностей, которая становится основой идеологии консерватизма. Сохранение традиции является важнейшей задачей культурной политики. Эта задача была сформулирована в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Соединение традиции и ценности образует центральное понятие этого документа – традиционные ценности. Традиционные ценности создают единое культурное пространство страны и гражданскую идентичность многонационального народа. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» перечислены семнадцать таких позиций: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [7]. Системообразующим понятием среди них выступает понятие гуманизма, если руководствоваться логикой культурологического подхода. Все эти понятия нацелены на описание и раскрытие традиционных основ жизни российской нации. Традиционные религии являются источником, формирующим ценности, и православию принадлежит особая роль в становлении традиционных ценностей России.

Многочисленные угрозы традиционным ценностям со стороны различных субъектов воплощены в системе идей и ценностей, выраженной в понятии «деструктивной идеологии». Эти антиценности включают в себя: «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [7]. В связи с этим, сохранение и развитие традиционных ценностей может осуществляться по позитивному, либо негативному сценарию.

«Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» как стратегический национальный приоритет реализуется через сформулированные цели. Цели, которые ставит государство в политике по сохранению ценностей, носят двоякий характер. Во-первых, дают основу для культурного единства государства, во-вторых, раскрывают идеологические основания этого единства через принципы консерватизма: «формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей» [7].

Таким образом реальная практика государственной культурной политики начинает все более соответствовать концепции консервативного реализма, иначе говоря, тому, что имел в виду Президент Российской Федерации, когда еще десять лет назад в интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс назвал себя «прагматиком с консервативным подходом» [3]. В. В. Путин пояснял, что «консерватизм – это совсем не значит застой. Консерватизм – это значит опора на традиционные ценности, но с обязательным элементом, нацеленным на развитие» [3]. Два года тому назад Президент уточнил, что «консервативный подход – не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе ... [Наоборот] это прежде всего опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий» [2]. И это принципиальная концептуальная позиция.

Показательно, что уже самые первые шаги по реализации подобного подхода вызвали острую реакцию со стороны «мозговых центров» США. Вашингтонский Центр стратегических и международных исследований, в свое время признанный одним из лучших в мире «аналитических центров по обороне и национальной безопасности» подготовил специальный доклад «Кремлевский план действий 3» [10], впоследствии изданный в качестве книги [9].

Авторами работы выступили известный эксперт по России, директор программы CSIS по Европе, России и Евразии Хизер А. Конли и старший научный сотрудник программы Д. Руи (ныне – директор академии лидерства Центра), утверждающие о том, что Российская Федерация уже руководствуется консервативной идеологией, в соответствии с которой «Россия позиционирует себя как защитница традиционного порядка и консервативных ценностей – политического и культурного воплощения Третьего Рима» [10], используя эти ценности в качестве инструментов влияния. Тем самым консервативный реализм направлен, по мнению авторов, на «противостояние западным демократическим идеалам плюрализма и либерализма, в защиту действий России и в поддержку долговечности путинского режима» [10]. Отметим, что в самые последние годы близкие тенденции наблюдаются и в странах Юго-Восточной Европы, где все более широкое распространение, по оценкам ведущих европейских специалистов по культурной политике [11], получает практика «нелиберализма», или «нелиберальной демократии», в рамках которой государственные деятели и политические лидеры выступают против укоренения в их странах либеральных ценностей.

Таким образом, государственная культурная политика именно в консервативной идеологии находит основу для преодоления современных

разрывов и кризисов. Поэтому «формирование российской гражданской идентичности выступает в качестве приоритетной ценностной ориентации менеджеров социально-культурной деятельности. Способность идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации и доминировать в борьбе за идеологические позиции государства» [1, с. 15–16] задает вектор подготовки менеджеров социально-культурной деятельности, прежде всего, как активных субъектов социокультурной инициативы.

Список литературы

1. *Востряков Л. Е., Излиева И. А.* Социально-культурная деятельность в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики. Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. Т. 223. С. 10–22.
2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. События. 2021. 21 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>
3. Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс // Президент России: офиц. сайт. 2013. 4 сентября, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19143>
4. *Маркузе Г.* Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.
5. *Матц У.* Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис (Политические исследования). 1992. № 1/2. С. 130–142.
6. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 5. Ст. 777.
7. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: утв. Указом Президента РФ 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
8. *Хеджес К.* Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм // Социс (Социологические исследования). 2021. № 6. С. 147–153. DOI 10.31857/S013216250014472–2
9. *Conley H. A., Ruy D.* The Kremlin Playbook 3. Keeping the Faith. – Washington: CSIS, 2022. 116 p.
10. *Conley H. A., Ruy D.* The Kremlin Playbook 3. // Center of Strategic and International Studies: офиц. сайт. Analysis. 2021. December 21. URL: <https://www.csis.org/analysis/kremlin-playbook-3>

11. *Dragičević Šešić M., Stefanović M.* Theatre memories in a digital realm: Cultural leadership and memory narratives / M. Dragičević Šešić, M. Stefanović // Cultural management and policy in a post-digital world – navigating uncertainty. 11th Annual ENCATC Education and Research Session. November 9–10, 2020. Online. Brussels: ENCATC, 2020. P. 79–94. URL: https://www.encatc.org/media/5620-ebook-of-proceedings_encatc-annual-congress-2020_final.pdf

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЮГА РОССИИ

УДК 008

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>

Ольга Ивановна БЫЧКОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: bychkovaoi@mail.ru

Наталья Анатольевна КОСТИНА,

кандидат педагогических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: kostnat72@mail.ru

Елена Геннадьевна САРКИСОВА,

кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник,
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: gorlik93@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена оценке соответствия стратегических документов развития сферы культуры федерального и регионального уровня. Главной задачей проведенного исследования является обзор нормативно-правовых актов в области культуры регионов Южного федерального округа с целью обобщения накопленного опыта стратегического планирования, систематизации показателей, приоритетов и целевых индикаторов, выявления существующих недостатков современной системы регионального стратегирования и направлений ее совершенствования с целью разработки методических основ практической оценки эффективности реализации региональной культурной политики.

Ключевые слова: региональная культурная политика, нормативно-правовая база, региональные стратегии, региональная сфера культуры, показатели развития.

Для цитирования: Бычкова О. И., Костина Н. А., Саркисова Е. Г. Эффективность стратегий региональной культурной политики Юга России // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 23–34. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», № ГР: 121021500262–2.

THE EFFECTIVENESS STRATEGIES OF REGIONAL CULTURAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA

Olga I. Bychkova, CSc in Economics, Associate Professor, Head Scientist Researcher, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: bychkovaoi@mail.ru

Natalya A. Kostina, CSc in Pedagogy, Associate Professor, Head Scientist Researcher, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: kostnat72@mail.ru

Elena G. Sarkisova, CSc in Cultural Studies, Head Scientist Researcher, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: gorlik93@mail.ru

Abstract: The article is devoted to assessing the compliance of strategic documents for the development of the cultural sector at the federal and regional levels. The main objective of the study is to review regulatory legal acts in the field of culture of the regions of the Southern Federal District in order to generalize the accumulated experience of strategic planning, systematize indicators, priorities and target indicators, identify existing shortcomings of the modern system of regional strategizing and directions for its improvement in order to develop methodological foundations for practical assessing the effectiveness of the implementation of regional cultural policy.

Keywords: regional cultural policy, legal framework, regional strategies, regional cultural sphere, development indicators.

For citation: Bychkova O. I., Kostina N. A., Sarkisova E. G. The effectiveness strategies of regional cultural policy in the South of Russia. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 23–34. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>

Современные тенденции социокультурного развития оказывают огромное влияние на деятельность по формированию государственной культурной политики, нуждающейся в эффективных инструментах ее реализации. Одним из стратегических направлений, имеющих непосредственное отношение к безопасности страны, становится культура как система духовно-ценностного отношения к российскому наследию.

Разработка и продвижение эффективной культурной политики Российской Федерации (далее – РФ) непосредственно связана с оценкой результатов деятельности региональных органов власти в направлении реализации государственной политики в регионах.

В основе доминирующих целей и приоритетных направлений деятельности государства и регионов в отрасли культура обозначены следующие принципы: создание условий для равного доступа населения территорий к культурным ценностям, эффективное присутствие в мировом культурном процессе; встраивание сферы культуры в систему рыночных отношений, формирование гармоничной личности. Реализация данных принципов невозможна без

использования стратегического планирования, являющегося частью стратегий управления государственной политикой на территориальном уровне.

Основной целью нашего исследования является мониторинг стратегических приоритетов региональной культурной политики для разработки методических основ практической оценки ее эффективности. Данная цель конкретизировалась через следующие задачи:

- исследовать исторические предпосылки создания стратегий развития сферы культуры в южных регионах России.;
- изучить нормативно-правовую базу стратегического развития региональной культурной политики с целью охарактеризовать ее региональные особенности;
- на основе анализа стратегирования региональной культурной политики дать оценку степени эффективности ее реализации.

Изучение данных задач предполагает проведение комплексного анализа стратегической составляющей региональной культурной политики с помощью оценки изменений в законодательных и нормативно-правовых документах, произошедших за определенный период развития культуры в РФ.

Как явление культурной политики новой России стратегическое планирование в сфере культуры появилось в конце XX в. на основе программных документов, территориальных концепций и разного рода региональных программ. Для России теория стратегического планирования не является новым элементом данной системы. Широко известен опыт советских пятилеток, где на основе пятилетних планов осуществлялось долгосрочное отраслевое планирование на общесоюзном и региональном уровнях [1].

Исследование регионального развития экономических районов России советского периода показало, что его основой выступили территориально-промышленные комплексы [21], что потребовало пересмотра направлений деятельности, связанных с решением социокультурных проблем. Во главу угла ставилась реализация экономических задач, а социокультурная сфера выступала идеологической надстройкой, способствующей таким решениям. Организационные механизмы этой системы игнорировали не только вопросы культурной жизни территорий, но и экономику функционирования регионов, которая требовала элементарной самостоятельности хозяйствования территорий.

Трансформация российского государства, начавшаяся с 90-х гг. XX в. основательно изменила механизмы регуляции общественной жизни, что привело к появлению автономных субъектов системы управления, обладающих определенной степенью свободы в принятии различных решений в сфере культуры. Такими субъектами стали регионы, которые приобрели относительную самостоятельность в области экономического и социокультурного развития.

Одновременно с изменениями в административно-территориальном делении, с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени в новой России была сформирована база законодательных и правовых актов, послуживших основой как в целом для стратегического планирования России, так и для стратегического планирования в сфере культуры. Для культурного развития страны были приняты исторические Основы законодательства Российской Федерации о культуре [3]. Для системы стратегирования основным документом стала «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», принятая в 2008 г. Ее целями были провозглашены устойчивость благосостояния населения, динамичность экономики и стабильные позиции России в мире [17].

После принятия Концепции вплоть до 2014 г. проводилась работа по формированию отраслевых стратегических документов регионального уровня: концепции, стратегии и программы развития культуры. Это были пилотные проекты разных территорий, в том числе Южных регионов России [5,6,16,18].

Под Южными регионами России нами понимаются регионы, входящие в структуру Южного федерального округа (далее – ЮФО) и Северо-Кавказского федерального округа (далее СКФО). В подавляющем большинстве субъектов Юга России к этому времени уже были приняты законы о культуре и государственные программы развития культуры, но концептуально – стратегические документы были разработаны только в четырех из них: Республике Дагестан, Ростовской, Волгоградской, областях, Ставропольский крае. Предлагаемые варианты концепций, законов и стратегических документов были достаточно разнообразны, имели региональную и отраслевую специфику, учитывали ведомственные особенности, но различались подходами к архитектуре документов, разными наборами показателей, индикаторов и результатов, отсутствием координации с другими нормативными и законодательными актами как федерации, так и регионов.

Ключевой задачей Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стало создание единой правовой базы для разработки стратегий в области социально-экономического развития и национальной безопасности РФ [22]. Одновременно, Законом была определена трехуровневая система стратегического планирования – федерации, региона и муниципального образования. Что касается 2014 г., то он ознаменован принятием еще одного базового документа для определения вектора дальнейшего развития культуры России – Основ государственной культурной политики. [23].

Начиная с 2015 г., были приняты основные нормативные документы в развитие стратегических основ отраслевого планирования [9–15], а для отрасли культура это были годы регионального поиска в определении целей и задач территориальной культурной политики. В августе 2015 г. было приня-

то Постановление Правительства РФ, в котором определялись содержание, состав, порядок разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации [8]. Данный документ стратегического планирования был важен для определения приоритетов, целей и задач комплексного регионального развития РФ.

Анализируя культурную политику первого десятилетия XXI в., необходимо отметить, что культура в этот период не являлась приоритетом государственной политики. Расходы на культуру и кинематографию в консолидированном бюджете составляла не более 2,5%. В течение следующего десятилетия, начиная уже с послекризисного 2009 г., темпы роста замедлились еще больше, хотя в абсолютном выражении была некоторая динамика роста, но бюджетные вливания не привели в целом к существенному изменению расходов отрасли.

В настоящее время принимаются документы, позволяющие считать, что внимание государства и общества к культуре, в общем, и к сфере культуры, в частности, меняется.

Для анализа нормативно-правового регулирования региональных стратегий развития сферы культуры, следует рассмотреть базовые документы, лежащие в основе ее современного стратегического планирования.

Помимо Основ государственной культурной политики приоритеты культурной политики Российской Федерации сегодня отражены в документах стратегического порядка: Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года и государственной программе «Развитие культуры» [7, 19, 23–25]. В указанных документах культура признана одним из национальных приоритетов, а основой суверенитета, территориальной целостности, качества жизни населения РФ определены духовные и культурные ценности [21]. Регионам было рекомендовано формировать собственные стратегические документы развития культуры применяя нормы законодательства федерации и программ социально-экономического развития.

Для определения механизмов и инструментов, влияющих на эффективность функционирования отрасли культура в субъектах РФ, проведем анализ структуры и содержания документов по управлению развитием культуры Южного федерального округа.

Базой долгосрочного планирования развития культуры регионов ЮФО являются законы субъектов РФ «Стратегии социально-экономического развития». Их реализация осуществляется в рамках государственных программ, федерального и регионального уровней. Для обоснования целевого планирования бюджетных средств структура, цели и показатели региональных программ должны координироваться с государственной программой РФ «Развитие культуры».

Анализируя соответствие государственных региональных программ направлениям, декларируемым в федеральных программах, необходимо выяснить представленность в программах субъектов РФ определенных целей развития отрасли культура, установленных федеральными нормативными и законодательными актами.

Во-первых, проведенный анализ региональных нормативных актов выявил различные сроки реализации региональных программ, что влияет на сопоставимость их ожидаемых результатов. Например, региональная программа «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым» утверждена на 2023–2027 гг., региональная программа Республики Адыгея «Развитие культуры» – действует до 2025 г., региональная программа Краснодарского края «Развитие культуры» – на период до 2025 г.

Во-вторых, состав показателей региональных программ в сфере культуры не совпадает с установленным в Государственной программе «Развитие культуры» (далее – Госпрограмма). По данным Счетной Палаты РФ «Из 31 показателя Госпрограммы только семь декомпозированы по регионам» [4].

В-третьих, помимо показателей Госпрограммы вводится большое количество собственных индикаторов. Например, в региональную программу Краснодарского края включены отсутствующие в Госпрограмме четыре показателя потребления коммунальных ресурсов учреждениями культуры. В региональной программе Республики Адыгея при семи показателях, которые декомпозированы из Федеральной программы в региональные, представлены только пять. Региональная программа Республики Калмыкия вводит в перечень показатель «Количество мероприятий, направленных на укрепление межнационального единства, профилактику терроризма и экстремизма». В региональной программе Республики Крым установлено около пятидесяти целевых показателей, например, показатель «Количество новых спектаклей, концертных и цирковых программ, творческих проектов».

В-четвертых, ряд показателей, их значения, единицы расчета, измеряемость, установленные в региональных программах, не соответствуют Госпрограмме, например, значения показателя по количеству посещений организаций культуры в региональной программе Республики Адыгея,

В-пятых, структура региональных программ отличается от структуры Госпрограммы, в них не представлен анализ фактические значений показателей за предыдущие периоды, а установлены только плановые значения.

В-шестых, отдельные показатели Госпрограммы, в том числе декомпозированные, в региональных программах отсутствуют. Например, в региональной программе Краснодарского края, не представлен показатель

«Количество созданных (реконструированных) и капитально отремонтированных объектов организаций культуры», Республики Калмыкия – показатель «Доля зданий учреждений культуры, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве зданий данных учреждений». Данное несоответствие происходит в связи с несвоевременным внесением в паспорта региональных программ изменений в части корректировки показателей, при внесении корректировок в Госпрограмму.

Отсутствие единых подходов к программным результатам, приводит к редукации финансирования региональной культуры и соответственно снижению эффективности стратегий региональной культурной политики.

Изучение бюджетного финансирования сферы культуры, говорит о том, что в целом бюджетные расходы сферы культуры за период с 2013 по 2020 гг. выросли в 1,6 раза. Обращает на себя внимание незначительный рост расходов на культуру и кинематографию за этот же период в общем объеме расходов из консолидированных бюджетов – на 1,2% или на 5,6 млрд руб.

В реальном выражении финансирование вопросов культуры в 2020 г. составило всего 97,8% от уровня 2019 г.

В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 и мирового экономического кризиса состояние сферы культуры в регионах РФ значительно ухудшилось:

- у регионов резко сократилась доходная база учреждений культуры, на длительный период они были закрыты на карантин;
- ухудшился уровень жизни населения в субъектах РФ, и, как следствие, значительно сократились расходы на посещение культурных мероприятий;
- творческие коллективы учреждений культуры находились в вынужденных отпусках, перешли на неполные формы занятости, что привело к сокращению заработной платы сотрудников;
- участие организаций культуры в жизни местных сообществ существенно уменьшилось

Соответственно, в 2020 г. доля расходов на культуру составила 0,62% ВВП, хотя в Стратегии эта доля должна была составить 0,8% ВВП, а к 2030 г. – возрасти до 1,4% ВВП.

Послепандемийный 2021 г. соответственно стал экономически сложнее, чем допандемийные годы. Упали объемы доходов региональных бюджетов, выросли расходы, обусловленные санкционными и инфляционными процессами. Несмотря на это, в 2021 г. был получен профицит консолидированных региональных бюджетов в размере 660,7 млрд руб., в том числе за счет снижения расходов консолидированных бюджетов.

Несколько регионов ЮФО имели профицитный бюджет (Краснодарский край, Ростовская, Астраханская области, Республика Адыгея), но расходы бюджета на душу населения указанных субъектов РФ были намного ниже, чем среднероссийский показатель (Рис. 1). Единственный регион (г. Сева-

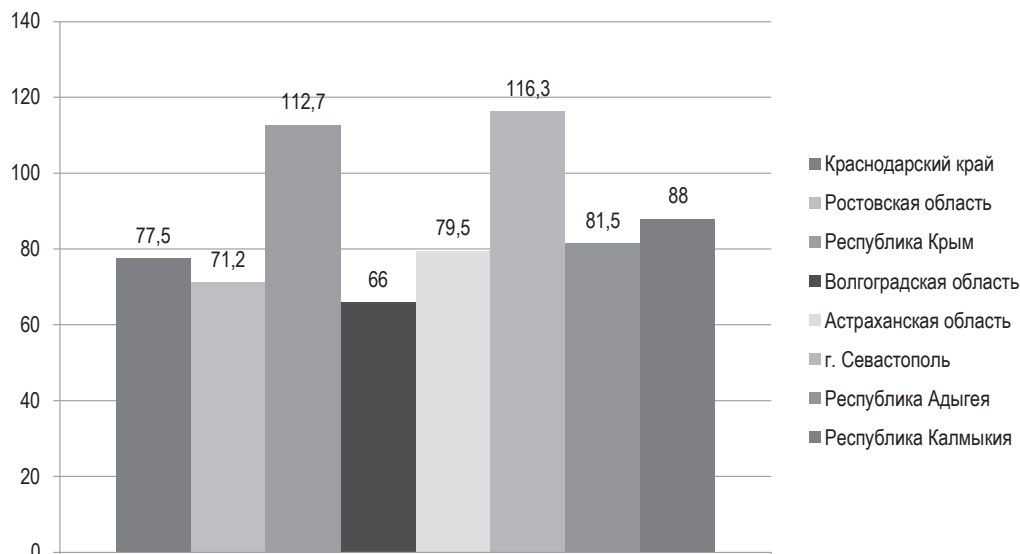

Рисунок 1. Расходы бюджетов ЮФО на душу населения в 2021 г., тыс. руб.

стополь) имел значение данного показателя выше среднего на 1600 рублей. Самый низкий показатель по данному направлению сложился у Волгоградской области, он в 1,7 раза меньше среднего по стране.

Анализируя долю фактических расходов региональных бюджетов ЮФО на культуру в общих расходах бюджета в 2021 г., отметим, что она варьируется в интервале от 2,7% до 3,3%. Единственно, доля расходов на культуру в республике Адыгея составила 5,2% – максимально для всех субъектов ЮФО.

Анализ расходов на культуру на душу населения (Рис. 2) показал, что наибольшие из них в 2021 г. составили в Республике Адыгея – 4,0 тыс. рублей, г. Севастополь – 3,5 тыс. рублей, Республике Крым – 3,3 тыс. рублей, наименьшие (ниже 2 тыс. рублей) – сложились в Волгоградской области.

Возвращаясь к Стратегии, отметим, что в ней установлен важный фактор, обеспечивающий высокие результаты культурной политики – использование механизмов постоянного увеличения внебюджетных источников финансирования. Данные источники к 2030 г. Должны вырасти до 25% совокупных расходов на культуру. Тем не менее, до сих пор не реализованы стратегические инициативы, связанные с созданием многоканальной системы финансирования, не установлена система налоговых преференций, не действует общенациональная лотерея в области культуры, слабо функционируют эндаумент-фонды по видам культурной деятельности.

Практика финансирования расходов на культуру только в виде межбюджетных трансфертов, кардинально не влияет на рост обеспеченности учреждениями культуры. Регионами ЮФО фактически не исполняются Методические рекомендации по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения их услугами, где установлена нормативная база обеспеченности учреждениями культуры и их размещения [20].

Так как отсутствует жесткое регулирование этой задачи на федеральном уровне, то самостоятельное размещении субъектами РФ организаций культуры приводит к высокому уровню как межрегиональных, так и внутрирегиональных диспропорций. даже в наиболее обеспеченных учреждениями культуры регионах ЮФО. Неравномерное размещение учреждений культуры на территории ЮФО, а также недостаточная обеспеченность ими, особенно в сельской местности, препятствуют равнодоступности услуг культуры для населения регионов.

По данным Сводных докладов регионов ЮФО о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований [2] средний уровень обеспеченности населения Краснодарского края клубами и учреждениями клубного типа в 2021 г. в крае составил 101,3%, а библиотечными учреждениями – 89,9%. В Республике Адыгея соответственно – 69,8% и 94,2%. В Республике Калмыкия – 94,9 и 93,9%. В Ростовской области – 93,6% и 98,7%, Астраханской области – 88,6% и 86,6%.

По итогам исследования предлагается ряд рекомендаций для повышения эффективности стратегий региональной культурной политики:

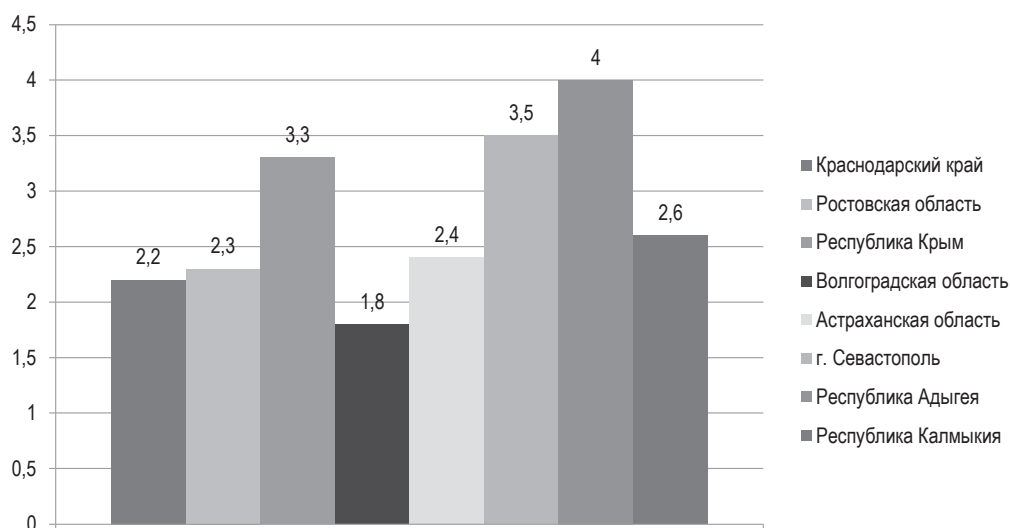

Рисунок 2. Расходы региональных бюджетов ЮФО на культуру и кинематографию на душу населения в 2021 г., тыс. руб.

- обеспечить соответствие индикаторов и показателей стратегических документов всех уровней в сфере культуры;
- определить принципы размещения региональных объектов инфраструктуры сферы культуры, отражающие территориальные потребности населения;
- начать реализацию активных действий по привлечению внебюджетного финансирования в сферу культуры, закрепив его основы на уровне регионального законодательства.

Решение комплекса перечисленных проблем поможет определить границы правового поля, в рамках которого функционирует и развивается региональная культурная политика, сформирует методологический и методический инструментарий оценочных процедур в исследовании региональной культурной политики.

Список литературы

1. Гранберг А. Г., Суслицын В. А. Введение в системное моделирование народного хозяйства. Новосибирск: Наука, 1988. 304 с.
2. Институциональные изменения в экономике российских регионов: монография / под В. Л. Тамбовцева. Москва: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. 236 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/73120>
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09 октября 1992 г. № 3612–1): URL: <http://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181702&fid=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3422867588254679#0>
4. Отчет о работе направления аудита социальной защиты и культуры. Приложение к отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2021 году: URL: http://ach.gov.ru/reports/report_2021#audits
5. Постановление Правительства Волгоградской области от 19 марта «Об 2013 г. утверждении Концепции № 115-п развития культуры в Волгоградской области на период до 2020 г.»: URL: <https://docs.cntd.ru/document/460172387>
6. Постановление Правительства Ростовской области от 06 декабря 2012 г. № 1068 «Об утверждении Концепции развития культуры Ростовской области на период до 2020 г.»: URL: <https://docs.cntd.ru/document/439080977>
7. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры»»: URL: <https://base.garant.ru/70644226/>
8. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. N 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации».: URL: <https://base.garant.ru/71170676/>

9. Постановление Правительства РФ от 29 октября 2015 г. № 1162 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования РФ по вопросам, находящимся в ведении Правительства РФ»: URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvorf-poŝtanovlenie-n1162-ot29102015-h2619033/>
10. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1218 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период», а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-poŝtanovlenie-n1218-ot11112015-h2626471/>
11. Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2015 г. № 1234 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития РФ на среднесрочный период и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ»: URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-poŝtanovlenie-n1234-ot14112015-h2628931/>
12. Постановление Правительства РФ от 23 января 2016 г. № 30 «Об утверждении Правил осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов»: URL: <https://base.garant.ru/71312778/>
13. Постановление Правительства РФ от 14 октября 2016 г. № 1045 «Об утверждении Правил согласования проекта Стратегии социально-экономического развития субъекта РФ в части полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ с документами, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти РФ»: URL: <https://base.garant.ru/71513884/>
14. Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта РФ и плана мероприятий по ее реализации»: URL: <https://bazanpa.ru/minekonomrazvitiia-rossii-prikaz-n132-ot23032017-h2963848/>
15. Приказ Минэкономразвития России от 2 мая 2017 г. № 216 «Об утверждении формы доклада о реализации отраслевых документов стратегического планирования РФ по вопросам, находящимся в ведении Правительства РФ»: URL: <https://bazanpa.ru/minekonomrazvitiia-rossii-prikaz-n216-ot02052017-h3029967/>
16. Приказ Министерства культуры Ставропольского края от 06 июля 2009 г. № 269 «Об утверждении Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.»: URL: https://ŝtapravda.ru/20090430/ŝtrategiya_razvitiya_otrasli_kultury_ŝtavropolskogo_kraya_na_per_37333.html

17. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»: URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134
18. Распоряжение Правительства РФ от 26 февраля 2015 г. «О Концепции региональной культурной политики № 48-рв Республике Дагестан на период до 2020 г.»: URL: https://consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=R_LAW346&n=24584#AglfAsTIXDkpoABz
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.»: URL: <http://government.ru/media/files/AsARAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>
20. Распоряжение Минкультуры России от 02 августа 2017 г. № Р-965 «Об утверждении Методических рекомендаций субъектам РФ и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры»: URL: <https://mkrf.ru/upload/iblock/f1/ef1f89539eeefae7b45c4432cc0744d3>
21. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: Ценностно-нормативный подход: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др. / отв. ред. А. Л. Зорин. М.: Институт Наследия, 2019. 206 с.
22. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
23. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»: URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>
24. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>
25. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

УДК 316.733

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-35-45>

Вадим Викторович ЧИЖИКОВ,

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-культурной деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: vad1968@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются сущность и основные тенденции взаимодействия человека и общества, подробно раскрываются понятия «общество», «общественные отношения», «общественная жизнь», в которых формируется жизнедеятельность человека, его духовный мир. Автор подробно исследует процесс жизнедеятельности человека, определяет её основные параметры: образ жизни, жизненный уклад, уровень жизни, стиль жизни, культура образа жизни, духовная жизнь, духовная культура. Особое внимание уделяется понятию «культурный код» человечества, общества и личности, развитию способностей индивида для создания материальных и культурных ценностей. Автор определяет культуру как ценностный фонд общества и как сферу творческой деятельности личности. Анонсируются вопросы взаимодействия и взаимовлияния культуры и мировых религий в духовной жизни человечества, возможности функционирования культуры в структуре этих религий. Автор обращает внимание на возникновение в последнее время конфликтных ситуаций в мировом сообществе и возможности их преодоления и приходит к заключению, что культура способна консолидировать общество и может стать определяющим направлением стратегии защиты и сохранения мировой цивилизации и человечества.

Ключевые слова: цивилизация, общество, общественные отношения, жизнедеятельность человека, образ жизни, ценности, культура образа жизни, социокультурная система, деятельность, духовность, гуманизм.

Для цитирования: Чижиков В. В. Основные тенденции развития и взаимосвязи человека и общества: культурно-ценностные ориентиры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 35–45. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-35-45>

MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT AND RELATIONSHIP OF MAN AND SOCIETY: CULTURAL-VALUES GUIDANCE

Vadim V. Chizgikov, DSc in Philosophy, Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: vad1968@mail.ru

Abstract: The article examines the essence and main trends in the interaction of man and society, reveals in detail the concepts of “society”, “social relations”, “social life”, in which a person’s life activity and his spiritual world are formed. The author examines in detail the process of human life, defines its main parameters: lifestyle, lifestyle, standard of living, lifestyle, lifestyle culture, spiritual life, spiritual culture. Particular attention is paid to the concept of «cultural code» of humanity, society and personality, the development of the individual’s abilities to create material and cultural values. The author defines culture as a value fund of society and as a sphere of creative activity of an individual. The issues of interaction and mutual influence of culture and world religions in the spiritual life of mankind, the possibility of functioning of culture in the structure of these religions are announced. The author draws attention to the recent emergence of conflict situations in the world community and the possibility of overcoming them, and comes to the conclusion that culture is capable of consolidating society and can become the defining direction of the strategy for protecting and preserving world civilization and humanity.

Keywords: civilization, society, social relations, human activity, lifestyle, values, lifestyle culture, socio-cultural system, activity, spirituality, humanism.

For citation: Chizgikov V. V. Main trends in development and relationship of man and society: cultural-values guidance. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 35–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-35-45>

Развитие человека и общества, их взаимодействие происходит в условиях определенных экономических, политических, социально-культурных преобразований и представляется эволюционным процессом, требующим всестороннего осмысления, научного изучения, соответствующих выводов для решения вопросов, связанных с постоянно изменяющимися обстоятельствами.

По определению философов, человек является биологическим и социальным существом, способным производить орудия труда, субъектом производства материальной и духовной культуры, обладающим мышлением, сознанием, речью, а также нравственно-этическими качествами.

Философские представления о человеке образуют достаточно сложные и противоречивые сочетания идей, которые, с одной стороны охватывают его идеалистическую сущность, включающую религиозные, мистические понятия и с другой биологическую натуралистическую сущность. Современный человек – «это человек разумный и гуманный, пытливый и деятельный, умеющий наслаждаться красотой; это целостная, всесторонне развитая личность, и именно как личность с её неповторимым своеобразием, уникальностью, утверждает себя как существо общественное, жизнь которого одухотворяется высокими целями, нравственным смыслом» [6, С. 517].

Хорошо известно, что формирование и развитие человека, как личности зависит от огромного количества объективных, субъективных факторов, которые непосредственно влияют на этот процесс, но не всегда зависят от самого человека. Все качества и отдельные черты личности являются единым организмом, находятся во взаимосвязи между собой и, как правило формируются совокупно в комплексе.

Человеческая жизнь, как утверждал К. Маркс, с самого своего начала является общественной жизнью. Выделение отдельного человеческого индивида из общества и возникновение «частной жизни» представляется историческим отражением определенных общественных отношений. Процесс обособления, противопоставление «общественных связей» «личным целям» происходит в связи с изменением существующих общественных связей, сформировавшихся ранее, прежде всего, это отношения производственные, являющиеся не только социальными формами, в которых протекает человеческая жизнь – они определяют само содержание этой жизни, её цели и социальные способы их реализации. Связь социального содержания человеческой жизни со способом производства находит отражение в самой сущности жизни, которую можно определить следующим образом: жизнедеятельность, направленная на формирование и развитие природных и общественных условий жизни [3, С. 222].

Человек как личность формируется благодаря своей собственной деятельности, труду, общественному производству. В связи с этим человеческая жизнь имеет двоякий смысл: с одной стороны, она состоит в образовании условий жизни (труд), с другой, в преобразовании последних в предметы и способы поддержания и воспроизводства жизни путем их использования и потребления.

В основе становления и развития человека и человечества вообще, в основе всего прогресса материальной и духовной культуры лежит именно деятельность по формированию и развитию условий жизни, поскольку последняя целиком зависит от их создания и общественного распределения. Наряду с жизнедеятельностью, направленной на воссоздание и развитие общественных условий жизни, важной формой жизнедеятельности является воссоздание и развитие общественного сознания – духовное «производство». На базе развития и дифференциации этой сферы деятельности возникла духовная культура общества, овладение которой является необходимым условием формирования духовного мира личности.

Особенностью духовной (культурной) жизнедеятельности является то, что личность и производит духовные ценности и потребляет их. Это единство проявляется также в деятельности, направленной на потребление материальных благ.

Конкретное и лаконичное определение понятия «общество» подчеркивал К. Маркс: «общество – это сам человек в его общественных отношениях». [3, С. 222]. Именно Общественные отношения трансформируют человека в общественного индивида, а его жизнедеятельность в социальную жизнедеятельность. На этой основе и особое качество человека как продукта общественных отношений, происходит становление человеческой жизни, как социального явления.

Развитие общества представляет собой объективный процесс, а сознательное историческое творчество возможно лишь на основе глубокого изучения объективных закономерностей и тенденций общественного развития, всестороннего научного анализа реальной исторической ситуации.

Образ жизни является категорией, которая представляет собой систему способов жизнедеятельности субъекта, группы, общества в целом, что позволяет совокупно рассматривать основные сферы жизнедеятельности в её общественно-историческом, социальном и индивидуальном выражении, в единстве материальной и духовной сфер, условий жизни и самой жизни.

Следует отметить, что существуют различия понятий «образ жизни общества», «образ жизни социальной общности» (социальной группы, социального слоя, нации, коллектива и пр.) и «образ жизни личности» (индивидуальный образ жизни). У этих трех понятий много общих характеристик, но и много отличий, выявление которых очень важно для понимания сущности и структуры образа жизни. Выявление общего и особенного в них способствует пониманию гармонического единства образов жизни общества, социальной общности и личности.

Образ жизни представляет собой динамично развивающуюся систему различных форм жизнедеятельности и объективных условий, рассматриваемую с точки зрения общественного и личностного самовыражения, при этом, динамика свойственна не каждому индивидуальному образу жизни, но образу жизни общества в целом она свойственна и во многих процессах даже необходима.

Динамичное развитие индивидуального образа жизни во многом зависит от человека, индивида, личности, от того, как он вживается и осваивает природную и общественную среду, принимает те или иные материальные, политические, социальные, культурные условия, в которых человеку предстоит жить. Следовательно, он имеет возможность осознать, проанализировать предлагаемые условия, возможно что-то изменить и выбрать наиболее комфортные условия для своей жизнедеятельности и принять определенный образ жизни.

Основой, определяющей составной внутренней структуры образа жизни общества, является способ производства материальных благ, который имеет сложную структуру, обуславливающую многогранность его влияния как на образ жизни общества, так и на образ жизни социальной общности, и на образ жизни личности. Образ жизни, кроме форм и способов производственной, трудовой деятельности включает в себя формы и способы осуществления многих других видов человеческой деятельности – общественно-политической, художественной, бытовой, нравственной, интеллектуальной, моральной, эстетической и многих других форм социализации человека, способы включения индивида в жизнедеятельность группы или общества.

Нельзя обойти вниманием человеческие потребности, которые являются формой выражения необходимых условий жизнедеятельности человека и источником формирования, развития и перестройки той или иной системы потребностей. Образ жизни, в одном из своих проявлений, как раз и считается способом формирования и удовлетворения потребностей человека.

Каждой общественно-экономической стадии развития присуща своя специфическая система человеческих потребностей, детерминируемая сложным комплексом общественных условий (производственных, социальных, культурных), а также относительно самостоятельными закономерностями развития и удовлетворения потребностей, преемственности в своем развитии, традициям, обычаям.

Каждая личность отличается своей особой манерой поведения: режимом труда, мерой соблюдения дисциплины и порядка, степенью удовлетворенности трудом, ценностными ориентациями в труде, мотивацией трудовой деятельности. Все это важные характеристики индивидуального стиля трудового поведения личности. Стиль жизни проявляется также в особенностях индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности.

Таким образом, стиль жизни является характеристикой социального поведения личности или социальной группы, осуществляющегося в конкретно-исторических социальных условиях на основе реализации социальным объектом внутренних побуждений, собственного понимания смысла и цели своего бытия. Это особенный, индивидуальный способ осуществления субъектом избранного им жизненного пути.

Одним из структурных элементов образа жизни является жизненный уклад, определение которого обусловлено, прежде всего, социально-экономическим устройством общества. Следует отметить, что жизненный уклад касается преимущественно практико-поведенческой стороны жизни человека и относится, главным образом, к области его приватной жизни (создание семьи, распределение обязанностей и функций в семье, отношение к женщине, нормы и правила воспитания детей, отношение к старшему поколению в семье, организация и проведение досуга и т. п.).

Жизненный уклад органически связан с национальными, религиозными, семейно-бытовыми традициями, обычаями, нравами ментальностями, которые транслируются от одного поколения к другому, передают ему свое содержание и информацию в переработанном виде и становятся определенными правилами и нормами жизнедеятельности коллективной общности людей в конкретный исторический период развития общества.

При всем многообразии понятий, форм, категорий жизнедеятельности человеческой личности и в целом общества необходимо отметить особую значимость понятий «духовность» и «духовная культура».

Как известно, духовная жизнь общества – сложное социальное явление, охватывающее собой идеологию, психологию людей, их мораль, обще-

ственное сознание и духовную культуру в целом. Сфера духовной жизни включает в себя и механизм действия и материальных элементов культуры: радиовещание, телевидение, издательств, полиграфических предприятий, театров, библиотек, музеев, художественных выставок и других средств, и информационных технологий для распространения культуры. Духовная жизнь общества – это не только его духовная культура во всех формах её многообразного проявления, но и культурная деятельность, направленная на производство, распространение и потребление духовной культуры.

Как правило, общество является преемником духовного и культурного наследия человечества, приобретенного за весь предыдущий период его истории. Вместе с тем оно обогащает современную культуру новыми духовными ценностями, а духовную жизнь – новыми формами социально-культурной деятельности.

Социально-культурная деятельность как научное направление представляется сложным, многофункциональным явлением со своей полувековой историей. Научные исследования, посвященные современным подходам понимания феномена социально-культурной деятельности, доказывают, что современная научная парадигма складывается неоднозначно, авторам предлагаются разные варианты и подходы.

Из многочисленных определений понятия «социально-культурная деятельность» Н. Н. Ярошенко, на наш взгляд, достаточно убедительно и емко «определяет наиболее важные черты, которые дают возможность уловить сущность и специфику социально-культурной деятельности.

Во-первых, социально-культурная деятельность выстраивается на основе ценностей культуры, которые определяют её содержание и направленность.

Во-вторых, социально-культурная деятельность реализуется в сфере свободного времени, что определяет её организационные и пространственно-временные параметры. Этим объясняется то, что социально-культурная деятельность по существу и по своим функциям не повторяет другие виды общественной практики, даже, казалось бы, очень похожие на неё, например, образование, социальную работу, другие виды профессиональной деятельности.

В-третьих, социально-культурная деятельность реализуется на основе активности её участников, что определяет её субъективную и деятельностную природу. Она максимально полно соответствует потребностям, устремлениям, желаниям конкретных участников социально-культурной деятельности независимо от того, в каких формах она осуществляется (например, в массовых, групповых или индивидуальных)». [13, С. 32]

Таким образом, в определении понятия «социально-культурная деятельность» ключевым и значимым является слово «деятельность», которое и определяет саму сущность понятия.

Деятельность является движущей силой развития общества, сознательным преобразованием окружающего мира в интересах людей и включает

в себя цели, средства, результат и сам процесс. А для человека (индивидуума) деятельность представляется как процесс самопознания, созидания материальных и духовных ценностей, это «творчество в области совершенства» (Митрополит Питирим).

Следовательно, в своей сути деятельность и есть именно социально приемственная активность, адресующая себя другим людям и поколениям.

Культуролог А. Я. Флиер, характеризуя основные понятия «общества» и «культуры», определяет критерии их различия: «Общество – социально-консолидированный устойчивый коллектив людей, преследующих столь же устойчивые цели и интересы. А культура – совокупный способ реализации этих целей и интересов, основные технологические и социальные параметры которого определены сложной системой «социальных конвенций», достигнутых этим обществом на протяжении многих поколений его интегрированного существования, что может быть названо социальным опытом данного коллектива. Культура практически не может воспроизвести самое себя. Это общество воспроизводит себя в следующих поколениях как специфическую социальную целостность посредством трансляции своей культуры» [7, С. 131–132].

Таким образом, культура является существенной характеристикой общества, и, следовательно, она не отделима от человека как социального существа.

Понятие «культура» – многогранно, её изучают многие гуманитарные науки, и каждая дает ей свое определение. Не случайно в мировой литературе насчитывается до пятисот определений культуре. Тем не менее, культура, как основополагающее понятие, имеет два широких значения: 1) обычаи, цивилизация и достижения определенной исторической эпохи или народа; 2) искусства и другие проявления интеллектуальных достижений человечества в их совокупности. [5, С. 139]

По определению культуролога Чижикова В. М. «культура является:

- средством самоорганизации совместной жизнедеятельности людей;
- механизмом выработки определенных способов поведения, практической и интеллектуальной деятельности по удовлетворению интересов и потребностей людей;
- средством трансляции социального опыта, сохранения социокультурной целостности общества;
- совокупной общественной и индивидуальной деятельностью по реализации потенциальных способностей человека;
- способом познания и упорядочивания мира для практических научных и образовательных нужд и потребностей человека» [9, С. 18].

Следовательно, именно люди являются создателями и носителями культуры, и люди должны быть главным объектом внимания социокультурных систем общества.

По мнению В. М. Чижикова «социокультурная система представляет собой своеобразное социокультурное пространство с высоко насыщенной инфраструктурой социальных, культурных объектов и социокультурных отношений, где накапливаются, сохраняются и развиваются знания, умения, ценности, нормы, формы общения, художественно-образные модели действительности. Это место реализации интересов, ожиданий, потребностей социальных групп и отдельной личности» [9, С. 19].

Социокультурная система окружает человека, воздействует на его сознание, стимулирует самостоятельность мышления и поведение человека, «включает» в социокультурную деятельность, результатом которой является развитие способностей индивида для создания культурных ценностей (материальных и духовных), а также распространение, сохранение и общественное использование этих ценностей.

«Система ценностей, – пишет М. Вебер, – организует внутренний стержень культуры, духовную quintessence потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность в системе ценностей имеет двуединое основание: в индивидуальности как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [1, С. 628].

Анализируя основные формы бытия, которые протекают в пространстве природы, общества, человека, культуры, правомерным будет дифференцировать по их принадлежности к определенным системам ценностей. Эстетические, религиозные, мифологические ценности объективируются природными явлениями, а эстетические, социальные ценности соотносятся с ценностями человека. «Ценности социальные формируются и развиваются в процессе общественных, политических, правовых, социальных отношений и, наконец, в процессе человеческой деятельности и отношений, в способах творения произведений, предметов, вещей рождаются ценности культуры – эстетические, художественные, коммуникативные и т. п.» [11, С. 137].

Одной из важнейших форм культуры является религия, которая на протяжении веков сохраняла и приумножала нравственно-ценностный и духовный потенциал человечества. Взаимодействие и взаимовлияние культуры и мировых религий (буддизма, ислама, христианства) в духовной жизни человечества, а именно проблема функционирования культуры в структуре этих религий, представляется процессом длительного исторического развития, причем каждая мировая религия вносит в свою структуру определенную систему духовных ценностей, включающих в себя не только традиционные представления верующих, но и их теоретическое мышление.

«Глубоким смыслом наполнены слова митрополита Питирима, который, определяя понятие «культура», подчеркивает её земное происхождение»

ние, говоря, что культура – это, прежде всего, возделывание, поэтому сама по себе культура – это развитие из тех, естественно, лучших основ, которые заложены в самой идее бытия». «мы верим, что почва, не испытывающая культивации, зарастает сорняками. И люди, не подвергаются культурному образованию, могут остаться в состоянии дикости или даже приобрести какие-то антикачества. Следовательно, понятие «культура» есть творчество в области совершенства» [4, С. 35]. Культура религиозного мира имеет свои особые признаки, которые наполнены эстетическим великолепием и неповторимостью. Величественные храмы, талантливо выполненные фрески и иконы, прекрасные литературные и религиозно-философские произведения, церковные обряды, нравственные заповеди чрезвычайно обогатили культурный фонд человечества, оказали положительное влияние на духовную жизнь человека и общества, прежде всего, на их нравственное развитие.

В процессе развития общества происходит формирование важных для жизни социальных связей и отношений, основанных на единстве интересов, идеалов, ценностей и правил. В совокупности это охватывает весь спектр материальной и духовной жизни человека.

Созидание жизни – процесс непрерывный, так как «люди заново ежедневно производят свою жизнь» (К. Маркс). «производство жизни», как правило, обретает последовательно прогрессивную направленность, повышается культура образа жизни людей. Культура образа жизни представляет собой интегрированную характеристику уровня и качества жизни как целостности, которая охватывает такие её неотъемлемые компоненты, как культура труда и быта, культура человеческих отношений и взаимоотношений человека и окружающего мира природы, удовлетворение основных жизненных потребностей людей, богатство духовной жизни, забота о сохранении культурного наследия, развитие личности как высшей ценности общества. Культура образа жизни предполагает также бережное отношение к человеческой жизни как социальной ценности. Таким образом, культура жизни – это богатство жизнепроявлений личности и общества, многосторонность их связей и гуманизм человеческих отношений. Идеи гуманизма, бережного отношения к человеку как личности появились в глубокой древности: в устном народном творчестве, в религиозных воззрениях различных народов, как идейно-культурное движение гуманизм сформировался в эпоху Возрождения.

Размышляя о гуманизме как системе взглядов, выражающих признание ценности человека, его прав на свободу, счастье, милосердного отношения между людьми представляется, что человечество, мировое сообщество имеет все возможности и уже приближалось к созданию определенного мироустройства, в котором идеи гуманизма могли бы осуществиться в новом мировом сообществе – сообществе добра и справедливости, благополучия для человека.

Совсем недавно человечество с надеждой воспринимало процессы глобализации как явление, объединяющего народы и государства, их взаимосвязи в различных сферах общественной жизни, политике, экономике, культуре. Но позитивные черты мировой глобализации оказались недолговременными.

Уже сегодня сложившаяся ситуация в мировом сообществе – экономический кризис, политические разногласия между государствами, разрушение культурных связей, информационно-коммуникационное противостояние, точнее говоря, «хаос» с его открытой непримиримостью и ложью, намеренным искажением фактов, постановочными новостными сюжетами и т. д., свидетельствует об очевидном, что представление об идеальном мироустройстве является иллюзией и к происходящим событиям в мировом сообществе больше подходит определение «варварство».

«В последнее время, пишет Н. А. Хренов, – наши философы, да и западные мыслители забили тревогу, постоянно употребляя слово «неоварварство». Откуда оно? Разве еще есть на планете нецивилизованные народы. Выясняется, что неоварварство (новое варварство) – это явление внутрицивилизационное. Это в результате каких-то резких сдвигов внутри самой цивилизации, современной цивилизации, происходит выброс дикости. Выброс того, что культура не успела или не смогла переработать, преобразить, изжить. Это опасное явление... Может быть, человечество, пройдя длинный путь от того времени, когда возникло осевое время (а оно возникло в эпоху появления мировых религий и христианства), началась история, оставив позади себя многое в доистории, отходит от возникшей в осевое время культуры с её религией, нравственностью, искусством и возвращается в доосевое время, в доисторию» [8, С. 16–34].

Трудно не согласиться с выводом этого ученого о великой миссии культуры для человечества и цивилизации, смысл которой заключается в том, чтобы защитить людей от процессов регрессивного развития общества и сохранить культурную идентичность. Поэтому человеческое сообщество должно психологически и интеллектуально подготовиться к жизни в новых, постоянно изменяющихся условиях, понять их сущность, особенности динамики развития, опасности (экологические, техногенные катастрофы, демографические кризисы, экономический, политический терроризм, опасность «столкновения цивилизаций» и т. д.), которые они несут.

Таким образом, «в структуре современных ценностей, на фоне угрозы уничтожения жизни на Земле (в силу разных причин), в качестве главной выступает сама жизнь в планетарном масштабе. Следовательно, признание этого факта может стать основой выработки эффективной стратегии сохранения человеческой цивилизации» [12, С. 53]. При этом можно предположить, что культурный потенциал человечества с его способностью консолидировать общество, может стать определяющим направлением будущей стратегии защиты мирового сообщества от разрушительных процессов и установления международной стабильности и дальнейшего устойчивого развития современного мира.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. Москва: Мысль, 1984. 252 с.
3. Маркс К. Критика политической экономии. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч 2. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. 805 с.
4. Митрополит Питирим. Культура и перестройка. Москва, 1990. С.35.
5. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: в 9 томах, Т. 7. Народы и культура. /пер. с англ. Издательский Дом «ИНФРА», Москва: Издательство «Весь Мир», 2000. 408 с.
6. Философский словарь (под ред. Фролова). Москва: Республика, 1991. 720 с.
7. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. Москва: Академический проект, 2000. С.131–132.
8. Хренов Н. А. Гуманитарная среда как среда свободы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 1 С.16–34.
9. Чижиков В. М. Социокультурные коммуникации города и села: учеб. пособие. Москва, 2010. С.18–19.
10. Чижиков В. М. Ресурсы управления социокультурными процессами. Монографический сборник. Москва: МГУКИ, 2013. 144 с.
11. Чижиков В. В. Дизайн и культура: монография. Москва: МГУКИ, 2006. 361с.
12. Чижиков В. В. Пространство потребления – от объективного к субъективному // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015, № 3. С. 52–56.
13. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник, Изд. 2-е исп. и доп. Москва: МГУКИ, 2013. 179 с.

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 101.1:316

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-46-52>

Марина Юрьевна МУРОМЦЕВА,

заместитель начальника отдела культуры,
управление культуры и молодёжной политики,
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Российская Федерация;
аспирант кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: muromceva@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу современных визуальных коммуникаций человека. В эпоху глобальной диджитализации резко изменилось отношение к визуальной коммуникации, она встала во главу угла информационной цепочки всего пространства, которое нас окружает. Посредством органов зрения мы выстраиваем связи во всех сферах: в деловой, общественной и личной. Система иерархической коммуникации, в которой главным компонентом был приказ, меняется на систему демократической коммуникации, основой которой является собственное субъективное желание, убеждение, диалогичность, опора на сугубо личное решение. Мы живем в мире, где царит эпоха визуального мышления, визуальных образов, визуального контента. Каждый из нас субъективно участвует не только в восприятии визуальной информации, но и при продуцировании ее модели. Digital-пространство вокруг нас стало неотъемлемой частью работы и досуга: мы используем его при повседневном общении, совершении бытовых операций, посещении культурных учреждений для удовлетворения интеллектуальных и духовных потребностей. Эволюционное усложнение работы «разумного глаза» визуальной коммуникации с каждым годом совершенствуется не только в символах, образах и интертекстах, но и в скорости восприятия, что приводит к расширению области и ситуации ее применения. Однако, не смотря на обилие инноваций вокруг нас, повсеместная трансляция событий, информации, идей через зримые образы делают визуальный мир доступным и понятным для человека. Мы становимся частью нового медиа мира. В будущем же нас ждёт новое искусство визуализации и не факт, что оно будет создано человеком.

Ключевые слова: культура, искусство, коммуникация, визуальная коммуникация, визуальная культура, шоу.

Для цитирования: Муромцева М. Ю. Визуальные коммуникации в современном информационном обществе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 46–52. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-46-52>

VISUAL COMMUNICATIONS IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY

Marina Y. Muromtseva, Deputy Head of the Department of Culture the Department of Culture and Youth Policy, National Research Technological University «MISIS», Moscow, Russian Federation; postgraduate student of the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: muromtseva@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the analysis of modern human visual communications. In the era of global digitalization, the attitude towards visual communication has changed dramatically; it has become the cornerstone of the information chain of the entire space that surrounds us. Through the organs of vision, we build connections in all areas: business, social and personal. The system of hierarchical communication, in which the main component was the order, is changing to a system of democratic communication, the basis of which is one's own subjective desire, belief, dialogism, and reliance on a purely personal decision. We live in a world dominated by the era of visual thinking, visual images, visual content. Each of us subjectively participates not only in the perception of visual information, but also in the production of its model. The digital space around us has become an integral part of work and leisure: we use it in everyday communication, performing household transactions, visiting cultural institutions to satisfy intellectual and spiritual needs. The evolutionary complexity of the work of the "intelligent eye" of visual communication is improving every year not only in symbols, images and intertexts, but also in the speed of perception, which leads to an expansion of the area and situation of its application. However, despite the abundance of innovations around us, the widespread transmission of events, information, and ideas through visible images makes the visual world accessible and understandable to humans. We are becoming part of the new media world. In the future, a new art of visualization awaits us and it is not a fact that it will be created by man.

Keywords: culture, art, communication, visual communication, visual culture, show.

For citation: Muromtseva M. Y. Visual communications in the modern information society. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 46–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-46-52>

В XXI веке человек оказался в перенасыщенном визуальным материалом культурном пространстве. Стремление к наглядности находит свою репрезентацию в организации мероприятий в сфере культуры и спорта; в брендинге событий в полиграфии и веб-дизайне плакатов, рекламных баннеров и афишах; в рекламе при производстве вывесок магазинов и компаний. Во всех этих феноменах торжествует визуальность, что приводит к феерической визуальной карнавализации массового сознания [2]. Стремление к наглядности рождает новые типы и формы коммуникации, которые вызывают всё больший интерес: чат-боты, голосовые помощники, различные приложения и QR-коды. Взаимодействие с искусственным разумом уже стало виртуальной частью нашей реальной жизни. Общение на мероприятиях с роботами, а также с роботами-спикерами на конференциях уже не wow-эффект, а вынужденная, созданная временем необходимость, аватары вместо фотографии, значки-иконки и смайлики вместо тысячи слов, образы событий вместо их названий. Если мы обратимся к научной

и деловой жизни общества: форумам, саммитам, конференциям – то и здесь все ждут особенный и креативный графический дизайн делового события – это уже закономерность и стратегическая задача для разработчиков. Зримое вдохновляет нас, вызывает нужной настрой на предстоящее событие: стильный бэйдж, блокнот, сумка, web-афиша, бумажная программка, брендированный стаканчик для кофе и другие сопутствующие *ros*-материалы. Визуальная коммуникация формирует особую эмоцию восприятия действия. Именно от того, как отреагирует человек будет зависеть успех продукта и проекта. Одухотворенная и осмысленная эмоция превращается в тот золотой запас, который обеспечивает на новом, более высоком уровне способность человека смотреть и видеть [5].

Визуальный мир приобретает все большее значение. Примером тому является нейросеть, работа которой в большей степени использует визуальную коммуникацию. Нейросеть – это программа, которая умеет обучаться на основе данных и примеров. Если показать ей миллион фотографий котиков, она научится узнавать их в любых условиях, позах и костюмах. Нейросеть является обучаемой и самообучаемой системой. Она умеет подражать знаменитым художникам и писателям в стиле и манере, создавать сюрреалистические изображения и менять лица актеров в кинофильмах на любые другие [11]. Существует масса тематических платных и бесплатных сайтов, приложений, где автоматически при помощи нейросети можно сформировать визуальный образ любого события, продукта, действия, даже наложить на свое видео, где танцуешь или двигаешься образ греческой статуи и, вот, уже танцуешь не ты, а Аполлон или Афродита. Картинки, выдаваемые нейросетью под задачу или команду, с элементами реальности, узнаваемыми нашим глазом. Все образы, которые сегодня выдает нейросеть мы легко вычленимы по стилю изображения, что также делает ее монополярной визуальной коммуникацией.

Г. Г. Почепцов определяет *визуальную коммуникацию* как передачу информации в рамках пространственного измерения, а не временного, по которому строится наша речь. Если в речи возможна звуковая передача только одного знака за другим, буква за буквой, то в рамках визуальной коммуникации начинают работать сразу несколько потоков информации [7]. У нас включается воображение, фантазия, социальная память.

Современное развитие технологий и появление новых технических средств позволяет визуализировать объекты, явления и процессы микромира и космоса. Примерно 80% всех людей воспринимают и организуют свой опыт и мышление в основном с помощью зрительных образов [3].

Визуальная коммуникация – это процесс передачи и приема информации через оптический канал связи, это специфические средства информации, облегчающие ориентацию человека в предметно-пространственной среде

и, конечно же – это область профессиональной деятельности дизайнера, связанная с проектированием этих средств [6].

Визуальная подача сегодня – первооснова не только культуры и искусства, она идет далее, завоевывая территории, сферы, пространства и наше сознание. Современная зрелищная и повседневная культура, киноиндустрия накладывает определенные фильтры на кино-трек, воспроизводя атмосферу социальной сети и привлекая картинкой. Выставки народных достижений становятся похожи на художественный музей и интерактивное творческое пространство, созданное с учетом всех последних достижений, как, к примеру, выставка в Москве «Россия, вперед, в будущее!» в выставочном центре на Манежной площади.

Дело не только в количестве информации, но и в том, что информационные процессы и технологии изменяют мировоззрение людей, качественно меняют мир, в котором они живут [3]. Мы живем в мире изображений разного рода происхождения и назначения, именно они меняют или формируют наше мировоззрение и взгляды на привычные вещи. Масса тренингов, школ и семинаров перешло в разряд онлайн-образования. Мы готовы к визуальной коммуникации более активно и охотно, нежели к реальным контактам. Нам стало проще посмотреть, чем прочесть или изучить офлайн. Многие встречи, спектакли, филармонические концерты, торжественные российские премии переходят в режим прямых трансляций.

Если говорить о визуальной коммуникации в искусстве, то техническая воспроизводимость произведения искусства изменяет отношение масс к искусству, делает его более прогрессивным. Часть зрительской аудитории не приемлет новый формат искусства, где традиционная классика репрезентуется режиссерами и сценографами иначе, не привычным для них образом. Так, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина поставлен в «Театре на Таганке» Алексеем Франдетти как хулиганский мюзикл с элементами жизни течения хиппи-тусовок, письмом Татьяны в рок-обработке, которое она исполняет с электрогитарой на капоте большого грузовика, а дуэль Ленского и Онегина в байк-атмосфере: прожекторы как фары и звук педали газа и выхлопной трубы мотоциклов.

В театре «Моссовета» в спектакле «Бесприданница» А. Н. Островского в постановке Евгения Марчелли соединён художественный фильм «Жестокый романс» и литературный материал пьесы. В итоге получилось интересная и абсолютно современная история, где Лариса собирается в деревню и выходит к зрителю в боди и болотных ботфортах, а когда ее просят спеть, она издает звуки зомби, как в фильмах ужаса. Ничего от атмосферы XIX века не осталось, кроме имен героев. Радует то, что всё же большая часть аудитории принимает зрелищное искусство в новой трактовке – возможно именно после такого спектакля они захотят взять в руки книгу как первоисточник драматического шоу.

Известно, что опыт тотальной визуализации как средства эффективного представления информации с целью активизации потребительского внимания и усиления запоминаемости сути рекламных посланий может быть заимствовано в иных сферах коммуникативного взаимодействия [10].

Грегори Р. Л, рассматривая такое понятие как «разумный глаз» имел в виду имел в виду то, что зрение способно проникать в невидимую суть видимых вещей. Зрение человеческое иногда позволяет узнать не только биологически важные свойства предметов, но и такие их качества, которые вообще недоступны органам чувств, но известны разуму. Мы обладаем способностью воспринимать предметы и явления, стремимся понять то, что видим. «Понимать» – значит видеть вещи определенным образом, но нельзя «видеть» не понимая [4].

Определенные зримые предметы, являются символом времени, явления или события.

Существуют драматические спектакли без слов. Чаще всего их называют перформансами. Хореография, жесты, взгляды, действия, музыка, костюмы и свет. Слов нет, но зрителю все понятно. Он видит и все понимает, поскольку режиссер убрал только текст, но все знакомые поведенческие схемы, взгляды актеров, положение рук и тела, музыкальный материал наполнен узнаваемой информацией страсти и любви, троллинга или ненависти, расставания или одиночества. В. Полунин мастер подобного рода перформансов и этюдов. «Разумный глаз» порой обладает весьма нестандартным соотношением реальной действительности сформированных им образов.

Арнхейм Р. готов предположить, что чувство зрения действует путем образования визуальных форм, которые соответствуют внешнему виду предметов в данном окружении. Автор считает, что эти визуальные понятия имеют свои эквиваленты в рисунках и картинах. Особенно ярко они видны на ранних ступенях умственного развития, когда они еще просты [1]. Приведем оригинальный пример использования одной визуальной формы знаменитый дизайнером – Яёи Кусамой. Она разработала особенный собственный язык творчества – геометрическую форму круга и его объемной модель – шар. В связи с этим ее прозвали Polka Dot Queen – «королевой узора в горошек» [9].

В поиске нового визуального решения при помощи новых форм и ассимиляции разных наук рождаются сюрреалистические инсталляции, новые решения образов в буффонаде, в костюмах для артистов, в кукольном театре и тематических вечеринках для коммерческих компаний. Тенденция современности – найти креативное уникальное визуальное решение.

Например, Грегори Р. Л предлагает нам именно рассматривать мир как световые узоры, которые важны лишь постольку, поскольку могут

быть использованы для узнавания неоптических свойств вещей. «Узоры» в таком смысле чрезвычайно далеки от «предметов». Вместо слов «характерный, непохожий на другие узор» будем применять специальный термин – паттерн. Под этим словом здесь разумеется определенный набор условий, поданных на вход рецептора в пространстве и во времени. Но зрение воспринимает нечто гораздо более значительное, чем паттерн, – предметы, существующие во времени и пространстве [4].

Определенный набор узоров формирует картинку, которая складывается в информацию, благодаря базовому, историческому и генетическому уровню ассоциаций и знаний человека. Традиционная «роспись узорами» современных зрелищных видов культуры диктует их восприятие в разрезе. Неподготовленный зритель может и не понять, что хотел сказать автор. Например, тематическая инсталляция в Культурном центре Андрея Вознесенского открывается выставка-инсталляция «Моя Плисецкая. Вознесенский Новый Год», посвященная дружбе знаменитого поэта и прославленной балерины – Андрея Вознесенского и Майи Плисецкой. В составе экспозиции был стол с хрусталем, звуками застолья, диалогами Майи и Андрея, реальными угощениями и чаем. Автор: Шура Чернозатонская. Прежде чем понять смысл инсталляции, нужно узнать характер взаимоотношений семьи Андрея Вознесенского и Майи Плисецкой, восприятие поэтом выдающейся артистки балета.

Подводя итог, стоит отметить, что мы живем в мире, где царит эпоха визуального мышления, визуальных образов, визуального контента. Роль визуальности в современном глобализированном обществе невозможно недооценить. Каждый из нас субъективно участвует не только в восприятии визуальной информации, но и при продуцировании ее модели. Digital-пространство вокруг нас стало неотъемлемой частью работы и досуга: мы используем его при повседневном общении, совершении бытовых операций, посещении культурных учреждений для удовлетворения интеллектуальных и духовных потребностей. Отсутствие языковых барьеров в области визуальности, увеличение скорости передачи визуальных текстов и развитие электронных и медийных средств коммуникации стало предпосылкой триумфа «визуального» над «вербальным». Эволюционное усложнение работы «разумного глаза» визуальной коммуникации с каждым годом совершенствуется не только в символах, образах и интертекстах, но и в скорости восприятия, что приводит к расширению области и ситуации ее применения. Однако, несмотря на обилие инноваций вокруг нас, повсеместная трансляция событий, мыслей, информации, слов, идей через зримые образы делают визуальный мир доступным и понятным для человека. Мы становимся свидетелями и соавторами нового медиамира. В будущем же нас ждёт новое искусство визуализации и не факт, что оно будет создано человеком.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Визуальное мышление. Психология мышления. // Книга: хрестоматия по психологии. Москва: АСТ: Астрель, 2008. 672 с.
2. Воеводина Л.Н. Динамика визуальных исследований и новый дискурс художественной образности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1. С. 54-62.
3. Гавра Д. Основы теории коммуникации: учебное пособие. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 288 с.
4. Грегори Р. Л. Разумный глаз. Изд. 2-е. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
5. Даниэль С. М. Искусство видеть. Москва: Амфора, 2006. 206 с.
6. Матяш О. И., Погорьша В. М. Межличностная коммуникация: теория и жизнь Санкт-Петербург: Речь, 2011. 560 с.
7. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов.2005 URL: <https://kprf.ru/library/classics/manuals/4210.html>
8. Сальникова Е. В. Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры: авторефер. дис.. на соискание ученой степени доктора культурологии. Москва, 2012. 52 с.
9. Сантана Преап. Бесконечность до красной точки: Яеи Кусама. 2018: URL: https://birdinflight.com/ru/pochemu_eto_shedevr/20180515-kusama.html
10. Ткаченко О. Н., Красноярова Д.К. Креативная основа визуальной коммуникации // ОНВ. 2013. №5 (122): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnaya-osnova-vizualnoy-kommunikatsii>
11. Что такое нейросеть и как она работает. 20232.: URL: <https://skillbox.ru/media/code/что-такое-нейросеть-и-как-она-работает/>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН Л. М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»: ОБРАЗНО- СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

УДК 82

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-53-60>

Николай Иванович НЕЖЕНЕЦ,

доктор философских наук,
профессор кафедры литературы и лингвистики,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается творчество советского писателя Л. М. Леонова, в частности, его роман «Русский лес». Отмечается, что в русской литературе художественное изображение родной природы встречается у многих писателей: А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Но Л. М. Леонов показывает нравственно-облагораживающее воздействие природы на человека. Красота русских просторов формирует духовный облик героев, его убеждения и отношение к миру. Л. М. Леонов прожил в литературе самую долгую жизнь, написал семь романов, множество повестей и пьес. Его роман «Русский лес» (1954) вознес писателя в ряды творцов европейского искусства слова. Л. М. Леонов, и впрямь, был наделен редкостным писательским дарованием. А. М. Горький еще в 20-е годы находил в изобразительной пластике его письма «крепкие, здоровые штрихи» Льва Толстого, «лирику стихии» Тютчева, «острую точность слова» Лермонтова. Правда, Горький, явно недолюбливавший Достоевского, отказывал Леонову в его творческих связях с «нервическим» писателем. А именно к поэтике Достоевского всегда тянуло Леонова при шлифовке им своих художественных характеров. Он стремился, по Достоевскому, сообщать им черты личностные, обобщенно схватывающие глубинный смысл человеческого духа и эпохи, которой смысл этого духа рождается. В итоге образы Векшина, Скутаревского, Вихрова, Грацианского, вышедшие из-под пера Леонова, были столь же зримы и колоритны, как и образные явления Раскольников, князя Мышкина, Ставрогина, братьев Карамазовых. Леонов стремится сосредоточиться на проблемах нового, советского человека, на «бурях его ума и страстей», на аномалиях невиданного прежде мирского жизнеустройства и быта, на зависимости жизни от «безобразия» и «беспорядка». Этой теме и был посвящен его главный роман «Русский лес».

Ключевые слова: художественная литература, советская литература, писатель Л. М. Леонов, роман «Русский лес», образ русской природы, советский человек, человек и природа.

Для цитирования: Неженец Н. И. Роман Л. М. Леонова «Русский Лес»: образно-смысловое содержание // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 53–60. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-53-60>

L. M. LEONOV'S NOVEL «RUSSIAN FOREST»: FIGURATIVE AND SEMANTIC CONTENT

Nikolai I. Nezhenets, DSc in Philosophy, Professor at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Abstract: The article examines the work of the Soviet writer L. M. Leonov, in particular his novel "Russian Forest". It is noted that in Russian literature, artistic depictions of native nature are found in many writers: A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy. But L. M. Leonov shows the morally ennobling influence of nature on humans. The beauty of Russian open spaces shapes the spiritual image of the heroes, his beliefs and attitude towards the world. L. M. Leonov lived the longest life in literature, wrote seven novels, many stories and plays. His novel "Russian Forest" (1954) elevated the writer to the top ranks of creators of European literary art. L. M. Leonov, indeed, was endowed with a rare literary talent. Back in the 20s, A. M. Gorky found in the visual arts of his letters "strong, sensible touches" of Lev Tolstoy, "lyricism of the elements" of Tyutchev, "sharp precision of the word" of Lermontov. True, Gorky, who clearly did not like Dostoevsky, refused Leonov his creative ties with the "nervous" writer. Namely, Leonov was always drawn to the poetics of Dostoevsky when he polished his artistic characters. He sought, like to Dostoevsky, to impart to them personal traits that would generally capture the deep meaning of the human spirit and the era from which the meaning of this spirit is born. As a result, the images of Vekshin, Skutarevsky, Vikhrov, Gratsiansky, coming from the pen of Leonov, were as visible and colorful as the figurative phenomena of Raskolnikov, Prince Myshkin, Stavrogin, and the Karamazov brothers. Leonov strives to focus on the problems of the new, Soviet man, on the "storms of his mind and passions," on the anomalies of the previously unprecedented worldly order of life and everyday life, on the dependence of life on "ugliness" and "disorder." His main novel "Russian Forest" was dedicated to this topic.

Keywords: fiction, Soviet literature, writer L. M. Leonov, novel "Russian Forest", image of Russian nature, Soviet man, human and nature.

For citation: Nezhenets N. I. L. M. Leonov's novel «Russian Forest»: figurative and semantic content. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 53–60. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-53-60>

Верным последователем традиций классической русской прозы XIX века по праву считают Л. М. Леонова (1899–1994). Он прожил в литературе самую долгую жизнь, написал семь романов, множество повестей и пьес. Его роман «Русский лес» (1954) вознес писателя в верхние ряды творцов европейского искусства слова, так что его собирались даже отметить Нобелевской премией, а последнее романное сочинение, «Пирамида» (1994), вышедшее на исходе жизни автора, и вовсе подняло его в анналах художественности еще выше.

Автор родился и жил в Москве, но начинал свое писательство в Архангельске, куда он приехал в 16 лет и где стал публиковать свои стихи, очерки и статьи в газете «Северное утро». Ее редактировал его отец, Максим Леонович Леонов, известный в ту пору поэт, печатавшийся под псевдонимом Максим Горемыка. В 20 лет Леонид Леонов добровольно принял сторону «красных», воевал во Второй конной армии Ф. К. Миронова. В частности, в числе ее конников он осенью 1920 года участвовал в штурме Перекопа. После боев в Крыму Леонов некоторое время редактировал дивизионную

газету в Одессе, а затем, демобилизовавшись, вернулся в родной город и профессионально занялся писательским делом. Тогда же он близко сошелся с историком культуры и публицистом М. О. Гершензоном, которому решил однажды показать свою поэму про неистового Калафата. Известность к писателю пришла спустя четыре года, после публикации романа «Барсуки» (1924), высоко оцененного М. Горьким. Потом Леоновым были написаны еще шесть романов, несколько повестей и пьес Леонов, и впрямь, был наделен редкостным писательским дарованием. А. М. Горький еще в 20-е годы находил в изобразительной пластике его письма «крепкие, здоровые штрихи» Льва Толстого, «лирику стихии» Тютчева, «острую точность слова» Лермонтова. Правда, Горький, явно недолюбливавший Достоевского, отказывал Леонову в его творческих связях с «нервическим» писателем. А именно к поэтике Достоевского всегда тянуло Леонова при шлифовке им своих художественных характеров. Он стремился, по Достоевскому, сообщать им черты личностные, обобщенно схватывающие глубинный смысл человеческого духа и эпохи, к которой смысл этого духа рождается. В итоге образы Векшина, Скутаревского, Вихрова, Грацианского, выходившие из-под пера Леонова, были столь же зримы и колоритны, как и образные явления Раскольникова, князя Мышкина, Ставрогина, братьев Карамазовых.

В русской литературе трудно назвать писателя, который бы ни соприкоснулся в своих сочинениях с темой леса. Пушкин, Тургенев, Толстой не только живописали эстетические достоинства родного ландшафта, но и показывали нравственно-облагораживающее воздействие его на человека.

Красота русских просторов формировала духовный облик героя, его убеждения и отношения к миру. Леонов масштабно разработал тему леса. Его лес – это и огромное географическое пространство русского континента: до революции четыре пятых территории России были покрыты лесами. Лес скрывает в себе и несметное экономическое богатство страны, обеспечивающее человека всем полезно необходимым в его рачительном труде и хозяйствовании. Лес пестует настежь распахнутую натуру русского, создает философию его жизненного дела в природе. Именно этой теме профессор Вихров посвящает свою знаменитую лекцию о постоянном, непрерывном лесопользовании во времени и пространстве. Не случайно в Лесном институте, где он служит, его называют настоящим рыцарем леса: Иван Матвеевич пишет книги, выступает со статьями в печати, активно защищает тему на занятиях со студентами и на заседаниях ученого совета.

Он детально излагает теоретические вехи таксации: когда, на какой почве следует высаживать те или иные породы деревьев, как ухаживать за ними в процессе роста и когда их можно использовать для хозяйственных нужд. Не случайно в Лесном институте, где он служит, Ивана Матвеевича называют рыцарем леса: он пишет книги, выступает со статьями в печати, активно защищает тему на занятиях со студентами и на заседаниях ученого совета.

Истинный облик Вихрова раскрывается его дочерью Полей, главной героиней романа. Юная девушка приезжает в Москву учиться. Мама ее осталась там, на Енге, в Пошутинском лесничестве, а вот отец – столичный профессор, специалист по лесу. Только видеть его Поля не хочет: Ивана Матвеевича Вихрова то и дело хлещут в лесных журналах за то, что он постоянно твердит о необходимости правильного лесопользования, о недопустимости сплошных порубок. Профессор отгораживает лес от его законного хозяина – русского народа, так что его теория противоречит интересам социалистического строительства. Многочисленные суровые статьи намекают на политическую подоплеку научных воззрений Вихрова, и Поля, убежденная комсомолка, заочно отстраняется от отца как от недруга новой жизни. Кстати, у громогласных статей один автор, и его фамилия Грацианский.

Когда-то Грацианский и Вихров вместе учились в Лесном институте и даже были неразлучными товарищами, несмотря на разность социального статуса: Вихров – мужицкий сын, тогда как Грацианский происходил из «жеребцовой» семьи профессора Санкт-Петербургской духовной академии.

Научная карьера Грацианского началась с блестящего поприща видного лесного теоретика Тулякова и продолжилась распрями с несговорчиво поднявшимся в мысли Вихровым. После каждой крупной работы Вихрова лесная общественность привычно ждет-ожидает разносной статьи Грацианского, хотя доверительно кое-кто утверждает, что все эти ругательные шедевры бдительного профессора не составляют вклада в большую науку. Причем замечалось, что «заклятый друг» Грацианский не совершает в своей критике никакой крамолы: он логично развивает государственные идеи, которые изучались во всех кружках политграмоты.

Грацианский доказывает, что раз войны неизбежны, то промежутки между ними станут все короче, и разрушительная сила войн, вследствие технического прогресса, будет усиливаться, так что планету неминуемо ждет самоуничтожение, превращение в «газовую туманность местного значения». А поскольку так, то не должно мешать лесорубу свободно махать топором направо и налево: пусть-де человечество раскованно поживет-порадуется на исходе своего грешного бытия!.. Грацианскому, что называется, точно в отместку, захотелось поднагадить миру перед самым концом его света.

Обыгрывается Грацианским (а отчасти и самим Леоновым, скрыто недолюбливавшим социализм) также положение об обострении классовой борьбы внутри социалистического общества. Профессор хлопотливо предупреждает об угрозе так называемых «невинных заблуждений», что подчас выдаются за отблески научной мысли. А чем размашистей всплеск народной деятельности, тем «чреватей», неотвратимей отклонение ее от начальных идей «даже на пол-градуса».

По этой логике выходит: чем выше в своем развитии поднимается социалистическое общество, тем туже стягивается узда на мысли, тем с большей

строгостью должно опекать духовную жизнь общества. Профессор доказывал, что их осуществление неминуемо приведет к ужесточению политических притеснений внутри страны и, быть может, даже к катастрофе в планетарном масштабе. На месте сказания о коммунизме будущего в воображении Грацианского проступают контуры жуткой антиутопии.

Вихров решительно отвергает столь безнадежное пред сказание о деградации человечества и неминуемом само уничтожении всего живого. Он раскрывает другой, воистину тернистый путь развития материи – от амебы до гордого, мыслящего человека. Высокомерному пренебрежению к существу Вихров выдвигает накопленное опытом уважение к прошлому своего народа. В противовес мрачной антиутопии Грацианского Вихров превращает свою лекцию, скромно заявленную как «краткий очерк о роли дерева в русской жизни», в яркое эпическое сказание об истории Руси. Он заглядывает в «громадное время детства» славянских племен, вспоминает пращура Святослава, всю жизнь прошедшего в сражениях с недружескими ордами, набрасывает широкими мазками историю изначальной хозяйственной деятельности русичей на своей земле.

Вихров воссоздает своей лекцией-сказанием эпический образ русско-го леса. В содержании этой живительной криницы сказалось благотворное действие изначального закона природы, все средоточие вытекающих из него нравственных правил, предостерегающих чудо жизни от гибели. Русский лес исполнен былинного смысла; в научных раздумьях о его жизни сложилась та авторитетная инстанция, апелляцией к которой Вихров отстаивает свое представление о назначении человека – «быть не бессовестным эксплуататором» природы и «не бессильной былинкой в ее потоке», но «великой и всепобеждающей созидательной силой». Концепция прогресса, по Вихрову, проста в своем естестве: не совершать насилия над природой, не подчинять ее каким-то умозрительным и ложным проектам, но настойчиво «высматривать» таинственную взаимосвязь, объединяющую ее явления в живой, целостный организм. Цель такого действия безупречна – облегчить и ускорить движение природы в ее неуклонном стремлении к совершенству, которого она «расточительно, мириадами опытов и с жесткой выбраковкой добивается вслепую». Грацианский тоже читает лекцию, только одной Поле, с которою оказался в подвале во время бомбежки. Содержание его научных бдений в «подвальной» лекции затронуло те же жизненные положения, что составляют смысл исследовательской работы Вихрова. Только, в отличие от своего вечного оппонента, Грацианский с вожделием воспринимает субъективный идеализм Ницше и Штайнера, для видимости припорошенный социальной философией Маркса. Пункты его воззрений непредвиденно обнажили в обществе новый конфликт между трудом творческим и псевдоработой, затемненной обыденной демагогией и призывами. Вихров всю свою жизнь посвятит написанию книг в защиту леса, в защиту жизни. Суть идеи Вихрова такова: надо правильно использовать материалы и энергию природы, не опустошая ее и не калеча;

нужно знать ее законы, те сложные взаимосвязи, в которых находятся ее предметы и явления в процессе своего непрерывного движения и развития. Вихров создал научно обоснованную теорию о непрерывном, неистощимом лесопользовании во времени и пространстве. Теория эта была потом поддержана крупнейшими учеными-биологами – Н. Я. Анучиным (кстати, прототипом Вихрова), Е. Лопуховым, П. Погребняком, М. Лисовенко и др. Лес и его обитатели образно показаны во все времена года. Они живут своей привычной, каждодневной жизнью, в полном единстве с законами движения, изменения и развития сущего. Пейзаж в романе, играя самобытную роль, сохраняет объективно существующие свойства предметов и явлений материального мира. Картины природы подаются как реальное человеческое окружение, как среда, где люди живут, трудятся, реализуют свои творческие возможности.

Герои романа слушают загадочный шелест травы, немолчный шум деревьев, гомоном птиц. Человека покоряет в лесу царящая на тысячи верст окрест гармония жизни разнообразной и извечной. Красота леса радует Калину, волнует Ивана Матвеевича и его дочь Полю. Завораживает точный в слове, богатый своей сложной синтаксической разветвленностью, сочно нацеженный метафорой язык, которым автор живописует всю эту царящую на тысячи верст окрест гармонию жизни русского леса. Стиль «Русского леса» местами обретает содержание эстетически оформленного образно-психологического текста, в котором в емком экспрессивном движении запечатлены конкретные черты эпохи. Грацианский по пятам ходит за Вихровым... Иван Матвеевич только что опубликовал свое фундаментальное исследование по этике постоянного, непрерывного лесопользования во времени и пространстве, и тут же Александр Яковлевич усаживается за столом и на полстраничке излагает общими словами свое, «более правильное бдение» темы, в корне опрокидывающее оппонента. Вихров поделился на ученом совете мыслью о таксационном совмещении в лесных насаждениях лиственных и хвойных пород – следом за ним на трибуну спешно поднимается Грацианский и опять-таки неприемлемо уточняет, поправляет, «додумывает» то, что изложил в своем слове высокочтимый коллега. Бесспорно, ничего существенно значимого в таком «додумывании» у Александра Яковлевича так-таки не содержалось, но сами жесты, его слащавость в манере говорения, а главное, хорошо выглаженный костюм, белая рубашка и изысканно подобранный к ней галстук как-то благодушно располагали к нему аудиторию, так что то, что говорил Грацианский, положительно принималось к сведению. А когда заседание заканчивалось, он подходил к Вихрову и «по-дружески» приглашал вместе попить чаю. Он так и построил свою карьеру в институте на оппозиции к исследовательской работе Вихрова и добился немало в своих стараниях: он, как и Иван Матвеевич, лицо в институте как-никак весьма значительное. Вихров, в отличие от него, жил вне семьи, одевался небрежно, жена Елена Ивановна с дочкою осталась на Енге, что в Пашутинском лесничестве.

Грацианский обрисован с явной иронией очень характерной в письме Леонова. В Александре Яковлевиче угадывается кое-что из мерзости достоевского Смердякова, повенчанной с ловкостью героя из собственного сочинения Стратонова. Он и вытесняется из сюжетного действия по-достоевски: Смердяков повесился, а Грацианский якобы утонул в озере неподалеку от института. На берегу обнаружили его брюки, рубашка, башмаки; правда, никакого тела в ключевой воде этой купели для ребятяшек так и не было найдено. Леонов постарался высветить в своем романе-повествовании тему философически содержательную: человек и природа, человек в природе. Образ Вихрова списывался автором с академика-лесоведа Н. П. Анучина. Леонов поддерживал с ним дружеские связи, изучал его научные работы. В романе он поставил перед миром очень важную проблему, затрагивающую основы бытия. Она предстала в виде сущностей вопросов, обращенных ко всему миру людскому: каким должен быть на земле человек, как он должен относиться к природе, чтобы обеспечить себе дальнейшее существование и прогрессивное развитие?

Итак, Леонов столкнул Вихрова с Грацианским. По Л. А. Финнку, герой Иван Матвеевич – убежденный сторонник теории «постоянного лесопользования» [8]. Для его громогласного оппонента профессора Грацианского ничто в мире – ни история, ни истина – не имеет ценности, кроме него самого. В споре с Вихровым он выступает фактически не только против леса, ибо в романе лес имеет огромное расширительное значение. Окончательный приговор Грацианскому выносит 18-летняя Поля как полномочный представитель молодежи. Леонов решительно отвергает философию апокалипсиса. Роман заканчивается исчезновением из сюжета Грацианского. А Иван Матвеевич Вихров в обществе дочери Полины и приемного сына Сергея приезжает в Пашутинское лесничество, где живет его жена Елена Ивановна.

Таким образом, Леонов, по-достоевски, старался запечатлеть в своем герое человека, выросшего в своем развитии до предельных граней большой, настоящей личности. А такой личности, сильной и «уверенной в своем праве», не знающей в себе «никакого страха», как отмечал Достоевский [3]. Леонов стремится сосредоточиться на проблемах нового, советского человека, на «бурях его ума и страстей», на аномалиях невиданного прежде мирского жизнеустройства и быта, на зависимости жизни от «безобразия» и «беспорядка». Герои Леонова живут в своих переулках и коммунальных квартирах, неотступно вязнут в личных испытаниях души и ума, заняты делом на строительных площадках, на берегах рек и в лесном хозяйстве. Их жизнь, частная, личная, судьбоносно перемежалась с общемировой, подчас вселенской. Леонов неуклонно шел в своих творческих поисках к таинству взаимоотношений человека и природы, а точнее, к выявлению человека в природе. Этой теме и был посвящен его главный роман «Русский лес».

Список литературы

1. Горький и его современники: Сборник статей / Под ред. К. Д. Муратовой. Ленинград: Наука, 1968. 302 с.
2. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 736 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 4. Ленинград: Наука, 1989.
4. *Леонов Л. М.* Пирамида. Москва: Голос, 1994. 736 с.
5. *Леонов Л. М.* Русский лес. Москва: Молодая гвардия, 1954. 653 с.
6. *Леонов Л. М.* Барсуки. Москва: Книга, 1990. 490 с.
7. *Леонов Л. М.* Метель Москва: Управление по охране авторских прав, 1940. 84 с.
8. *Финк Л. А.* Драматургия Леонида Леонова. Москва: Советский писатель, 1962. 352 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА И ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ XVII ВЕКА

УДК 94 (045) (470-25)

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-61-67>

Наталья Владимировна СИНЯВИНА,

доктор культурологии, зав. кафедрой культурологии,
профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
профессор кафедры мировой культуры,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: cleo2401@mail.ru

Виктор Алексеевич ВОЛОБУЕВ,

доктор философских наук, профессор кафедры истории
и философии, Московский государственный институт культуры;
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: volobuev3@yandex.ru

Аннотация: Русская живопись начала XVI века благодаря таланту Дионисия достигает наивысшего расцвета. Но уже в его творчестве можно заметить отход от традиционных сюжетов и почти всегда подчеркнутую декоративность, что свидетельствует о зарождении в русском искусстве парадно-репрезентативного начала. Данная тенденция продолжила развитие в древнерусском искусстве XVII века. Этой проблематике и посвящена данная статья, где рассматривается роль Оружейной палаты и Посольского приказа в развитии древнерусского искусства XVII века. Авторы подчеркивают универсальность мастеров палаты, выполнявших и иконописные работы, и парсуны. Между иконой и парсунной в этот период можно обнаружить сходство технологии изготовления (использование дерева и темперных красок), но смысловое содержание двух жанров различно. В статье указывается, что знакомство с техникой западных мастеров (в частности, изучение русскими художниками линейной перспективы), привели к доминированию в отдельных произведениях портретной живописи над иконописью. В заключении делается вывод о том, что во второй половине XVII в. начинает формироваться новая живописная система, опирающаяся на реалистическое восприятие действительности. Русские художники в тот период знакомятся с основными принципами западноевропейского светского искусства, элементы которого активно проникали в традиционно русские виды и жанры художественной культуры, приводя к их трансформации и появлению новых видов живописи.

Ключевые слова: русское искусство, Оружейная палата, парсуна, иконопись, Симон Ушаков, Посольский приказ.

Для цитирования: Синявина Н. В., Волобуев В. А. Оружейная палата и Посольский приказ в контексте культуры XVII века // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 61–67. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-61-67>

THE ARMORY CHAMBER AND THE AMBASSADORIAL PRIKAZ IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE OF THE 17TH CENTURY

Natalia V. Sinyavina, DSc in Cultural Studies, Head of the Department of Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation; Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: cleo2401@mail.ru

Viktor A. Volobuev, DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: volobuev3@yandex.ru

Abstract: Russian painting of the beginning of the XVII century, thanks to the talent of Dionysius, reaches its highest flowering. But already in his work one can notice a departure from traditional plots and almost always emphasized decorative, which indicates the emergence of a ceremonial and representative beginning in Russian art. This trend continued to develop in the ancient Russian art of the XVII century. The article is devoted to this problem, where the role of the Armory Chamber and the Embassy Order in the development of ancient Russian art of the XVII century is considered. The authors emphasize the universality of the masters of the chamber, who performed both iconographic works and parsuna. Between the icon and the parsuna during this period, you can find similarities in manufacturing technology (the use of wood and tempera paints), but the semantic content of the two genres is different. The article indicates that familiarity with the technique of Western masters (in particular, the study of linear perspective by Russian artists) led to the dominance of portrait painting over icon painting in individual works. In conclusion, it is concluded that in the second half of the XVII century, a new pictorial system begins to form, based on a realistic perception of reality. Russian artists at that time got acquainted with the basic principles of Western European secular art, elements of which actively penetrated into the traditionally Russian types and genres of art, leading to their transformation and the emergence of new types of painting.

Keywords: Russian art, Armory, parsuna, icon painting, Simon Ushakov, Embassy order.

For citation: Sinyavina N. V., Volobuev V. A. The Armory Chamber and the Ambassadorial Prikaz in the context of Russian culture of the 17th century. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 61–67. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-61-67>

Одно из первых упоминаний об Оружейной палате относится к 1547 г., однако, лишь как хранилище оружия. Но уже в середине XVII века палата превращается в крупнейший художественный центр, своего рода Академию искусств, выполняющую и функции министерства культуры. В ней, под началом близкого к царю Алексею Михайловичу боярина Богдана Матвеевича Хитрово (возглавлял палату с 1656 по 1680), одного из самых образованных людей своего времени и сторонника новых тенденций, были собраны лучшие мастера со всей страны и из-за рубежа. О составе живописцев,

работавших в тот период в Оружейной палате, можно судить по «Записке» Симеона Полоцкого, где упоминаются Никита Ерофеевич Иванов (Павловец), Федор Евтихийев Зубов, Иван Артемьевич Безмин, Тихон Филатьев, живописец из Гамбурга Петер Энгелес, знакомивший своих русских учеников и коллег с законами линейной перспективы, шляхтич Станислав Лопуцкий и Даниил Вухтерс, армянин Богдан (Иван) Салтанов, приехавший в Москву из Персии [3].

Известно, что Ф. Зубов попал в палату в 1666 г. уже опытным мастером, успев поработать к этому моменту и в Усолъе Камском, и в Великом Устюге, и в Ярославле и других древнерусских городах. В Москве он входил в состав артели, создавшей великолепный иконостас Успенского собора Московского Кремля, им были выполнены иконы для Новодевичьего монастыря, а в 1652 и 1666 г. с Симоном Ушаковым Ф. Зубов выполнил росписи Архангельского собора. Он был не только «иконником», но и миниатюристом, декорировал мебель и колымаги, умел составлять чертежи.

Б. Салтанов, перебравшийся в Москву, помимо иконописных работ, писал батальные сцены и портреты, проявил себя как талантливый педагог и администратор, за что ему было пожаловано потомственное дворянство.

В этой своеобразной творческой лаборатории рядом трудились, как опытные мастера, так и молодые живописцы. Например, Иванов (Павловец) пришел в палату в 1668 г. уже зрелым художником и проработал в ней 10 лет, до конца своей жизни. Однако И. А. Безмин попал в Оружейную палату в 1662 г. в качестве ученика, но уже в 1679 г. за свои заслуги смог получить дворянский титул и такой же годовой оклад, что и самый высокооплачиваемый русский иконописец того времени Симон Ушаков.

Если сложившиеся мастера тяготели все-таки к соблюдению древнерусских иконописных традиций, молодые живописцы позволяли отступать от сложившихся устоев. Именно это стало одной из причин выделения из иконописной мастерской Оружейной палаты *живописной мастерской* (1680-е гг.), которую возглавил Иван Безмин.

«Таким образом, «живописцы», так же как и «иконописцы», имели свою особую корпорацию. Такое подразделение было основано на новых принципах изображения – «живописания», т. е. воспроизведении природы, «живства» [8, с. 345]. Однако после учреждения в Оружейной палате новой мастерской не приводит к четкому разграничению сфер деятельности и художественных приемов иконописцев и живописцев. Например, Безмин является автором, как икон, так и парсун. Более того, с его именем связано и использование новой техники иконописи – письмо «по тафтам», когда в качестве материала для иконы использовалось не дерево, а холст, по которому лики и части тела писались масляными красками, а шелковая одежда персонажей прикреплялась к холсту, подобно аппликации. Образцами подобного рода икон могут служить произведения, созданные не только Иваном Безминым, но и его

учеником Василием Познанским. При участии Ивана Безмина, Василия Познанским и Богдана Салтанова в подобной технике был написан ряд кон для иконостаса церкви Распятия Теремного дворца, а также портрет патриарха Никона, где он изображен в полный рост, в трех четверном повороте.

В этот же период появляются и первые парсуны (от слова «персона»), которые по технике исполнения фактически ничем не отличаются от икон: они написаны на досках темперными красками. Новаторством же выступает внешнее сходство с портретируемым, о чем можно судить по литературным описаниям внешности изображенных персонажей (например, «Царь Иван Грозный», «Царь Федор Иоаннович», «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский»).

Парсуна предназначались для установки над погребением портретируемого. Среди парсун того времени выделяются парадный поясной портрет Алексея Михайловича и портрет патриарха Никона, созданные с использованием масляных красок на холсте. Судя по манере исполнения, над художниками фактически не довели иконописные традиции, что позволило ученым предположить, что автором работ выступают шляхтич Стефан Лопуцкий и голландец Даниил Вухтерс соответственно [6].

Знакомство с техникой западных мастеров, в частности, изучение русскими художниками линейной перспективы, привели к доминированию в отдельных произведениях портретной живописи над иконописью. Например, первоначально заказ на изготовление надгробного портрета Федора Алексеевича получила иконописная мастерская, а позже его переадресовали живописному отделению палаты. Исследователи определили, что изначально планировалось изобразить фигуру царя на золотом фоне, что соответствовало иконописной традиции, но после смены исполнителя в нижней части работы появился светский пейзажный фон [7].

Еще ярче эта тенденция – превалирование светской живописи над иконописью – проявилось в работе И. Безмина «Портрет Григория Годунова», которая несомненно выполнялась с натуры. В этот период художники Оружейной палаты создают целую галерею портретов знатных особ, например, портреты Льва Кирилловича Нарышкина, воеводы Ивана Власова, стольника Василия Люткина и др. Любопытно, что не только в Москве, но и в других городах появляются мастера, пишущие парсуны на холсте масляными красками (например, несомненно, что вологодский художник является автором портрета местного купца Григория Фотиева).

Важную роль в развитии русской культуры того времени сыграл и Посольский приказ, который занимался не только внешней политикой, но и предпринимал шаги по перенесению в Московию театрального искусства. Кроме того, его дипломаты привозили иностранные книги, содержание которых относилось к различным областям знаний. Именно из них черпались новые идеи и представления, в том числе о вкусовых пристрастиях и модных тенденциях Западной Европы.

В 1660-е гг. при Посольском приказе была основана золотописная мастерская, первым руководителем которой стал живописец Григорий Благушин, а в 1680-е гг. ее возглавил Карп Золотарев. Поначалу мастера приказа занимались лишь украшением дипломатических грамот, но с середины XVII века сфера их деятельности расширяется (роспись карет, мебели, киотов, знамен и пр.). Но чаще всего художников этой мастерской привлекали для создания рукописных книг. Например, по заказу царя Алексея Михайловича живописцы работали над «Титулярником», или «Книгой о описании великих князей и великих государей царей российских, откуда корень их государьской произыде...» (1672). Это сочинение, создававшееся под руководством главы Посольского приказа Артамона Матвеева, богато украшено портретами патриархов и правителей Руси и Западной Европы, выполненных Иваном Максимовым и Дмитрием Львовым, гербами и орнаментами, над которыми работали Григорий Благушин, Федор Лопов, Матвей Андреев. Авторы помимо оригинала, оставшегося в Посольском приказе, создали еще два экземпляра для царя Алексея Михайловича и его сына Федора (позже появились и другие списки «Титулярника»).

Другим художественным достижением золотописной мастерской следует считать и «Книгу об избрании на превысочайший престол царский и венчание царским венцом... Михаила Федоровича всея Великия России и возведении на патриарший престол... Филарета Никитича Московского и всея Руси в лицах» (1672). Рукопись состояла из 57 листов и содержала 21 иллюстрацию, инициалы, декоративные рамки, созданные Григорием Благушиным (роспись золотом и серебром), Ананием Евдокимовым и Федором Юрьевым (пейзажная живопись), Иваном Максимовым и Сергеем Рожковым (миниатюры). В 1677–1678 гг. тот же коллектив художников, во главе которых находились Иван Максимов и Федор Зубов, создают «Толковое Евангелие», включавшее 1200 миниатюр, декоративные рамки, заставки и концовки. Летописные источники сообщают, что работа над этой книгой продолжалась восемь месяцев, а мастера трудились фактически круглосуточно.

Однако лицевые рукописи создавались не только Посольским приказом: замечательные образцы подобных сочинений создавались художниками патриаршей и монастырских мастерских. Например, большой популярностью среди горожан в тот период пользовалась рукопись назидательного характера «Лекарство душевное», украшенное миниатюрами на бытовые темы (в частности, уборка сена, работа в саду, любовные отношения и пр.). Один из списков этой книги украсил художник Троице-Сергиева монастыря Никифор Кузьмин со своими помощниками в 1670 году. В мастерской Патриаршего двора на рубеже 1680–1690 гг. создают для Антониево-Сийского монастыря великолепное напрестольное «Евангелие», включавшее 2138 миниатюр, автором большинства из которых был иконописец Никодим [8].

Огромная роль в развитии декоративно-прикладного искусства этого времени принадлежит и другим кремлевским мастерским (например, их выполняли Золотая, Серебряная, Государева, Царицына палаты). В этих мастерских работали не только представители региональных художественных школ Руси, но и иностранные специалисты (немцы, голландцы, греки, англичане и др.). Кроме того, в этих учреждениях была хорошо продумана система профессионального обучения, где главная ставка делалась на подготовку русских мастеров.

Показательна в этом отношении история холмогорцев Шешениных, которые стали мастерами Оружейной палаты. Сначала из Холмогор в 1656 г. был вызван резчик по дереву и кости Евдоким Шешенин. Но после его смерти в 1667 году выяснилось, что учеников в Москве Евдоким не оставил, поэтому из Холмогор вызвали его двоюродных братьев Ивана и Василия Прокофьевых Шешениных, которые уже набрали учеников (среди них, кстати, был и их младший брат Семен, ставший одним из лучших резчиков своего времени).

Спустя несколько лет некоторые иностранные мастера были вынуждены вернуться на родину, ибо резко выросло число русских специалистов, росла конкуренция.

Особенность подобного рода мастерских заключалась еще и в тесном сотрудничестве ремесленника и художника, поскольку к создаваемому произведению предъявлялись повышенные требования, ведь заказчиками выступали первые лица государства и близкие к ним бояре. Именно этим можно объяснить, что, например, в качестве знаменщиков Серебряной палаты работали и Иосиф Владимиров, и Симон Ушаков, лучшие художники того времени.

Подводя итог, следует отметить, что искусство Руси XVII века представляет собой довольно пеструю картину: и жанровое, и видовое, и стилистическое разнообразие. Во второй половине XVII в. начинает формироваться новая живописная система, опирающаяся на реалистическое восприятие действительности. Русские художники в тот период знакомятся с основными принципами западноевропейского светского искусства, элементы которого все активнее проникают в традиционно русские виды, приводя к их трансформации и появлению новых видов живописи (например, парсуны, бытового жанра). К сожалению, с распространением книгопечатания теряет свое прежнее значение книжная миниатюра, поэтому созданные в конце XVII в. лицевые рукописи, украшенные иллюстрациями и инициалами, можно воспринимать как завершающий этап в развитии рукописной книги. На смену книжной миниатюре пришла гравюра, которая позволяла быть ближе к натуре и открывала перед художником новые возможности. Поэтому уже живописцы XVII в. (например, С. Ушаков и Ф. Зубов) с удовольствием работали над созданием книжных гравюр.

Список литературы

1. *Биллингтон Дж. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. Москва: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино. 2001. 1115 с.
2. *Боханов А. Н.* Самодержавие. Идея царской власти. Москва: Русское Слово. 2002. 349 с.
3. *Дмитриева Н. А.* Краткая история искусств: В 2 кн. Кн. 1. Москва: Искусство. 1996. 315 с.
4. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV – начала XVI века. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1955. 573 с.
5. *Калашников В. И.* Дионисий. Москва: Белый город. 2013. 224 с.
6. *Кокорин А. А.* Древнерусская икона и культура Запада. Москва: Издательство Московской Патриархии. 2012. 136 с.
7. *Лосский В. Н.* Успенский Л. А. Смысл икон. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2014. 336 с.
8. *Черный В. Д.* Искусство средневековой Руси. Москва: ВЛАДОС. 1997. 432 с.
9. *Успенский Л. А.* Богословие иконы православной церкви. Москва: Московский Патриархат. 1989. 474 с.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. П. ДЯГИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

УДК 008:316.42

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-68-75>

Анастасия Сергеевна БУЦАН,

кандидат культурологии,
декан хореографического факультета,
доцент кафедры народного танца,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: anastasiagalkina@mail.ru

Аннотация: Начало статьи посвящено рассмотрению взглядов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше на искусство, поскольку именно они оказали воздействие на русскую культуру начала XX века. Автор подчеркивает, что Ницше, разделяя позицию Шопенгауэра о том, что искусство помогает избавиться человека от страдания, вырабатывает новый подход к пониманию искусства, для которого оно есть результат заложенных в человеке бессознательных влечений, оно наделено активным началом. Отечественные деятели культуры начала XX в. полагали, что именно искусство, культура способны вывести современное общество из мировоззренческого кризиса. Идея преобразования мира благодаря искусства была концептуализирована в работах русских религиозных философов (Н. Бердяев, Е. Блаватская, П. Флоренский), которые подчеркивали его теургическую составляющую. В статье отмечается, что создаваемые С. П. Дягилевым оперные и балетные спектакли нельзя отнести к разряду теургических, но Дягилев в полной мере соответствует статусу Демиурга. Обозначившаяся в начале XX века проблема поиска универсального художественного языка, решалась Дягилевым в духе времени: основой этого языка должна была стать музыка, поэтому обращение к балету и опере (жанрам уже изначально синтетическим) выглядит вполне логичным. Автор отмечает и эколого-культурную направленность деятельности С. П. Дягилева, связанную с популяризацией отечественной культуры, как на Западе, так и в России. В заключение делается вывод, что именно балетный и оперный спектакль в трактовке Дягилева демонстрирует новое искусство начала XX века.

Ключевые слова: творчество, русская культура, С. П. Дягилев, русское искусство, межкультурный диалог.

Для цитирования: Буцан А. С. Творческая деятельность С. П. Дягилева в контексте тенденций отечественной культуры рубежа XIX–XX вв. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 68–75. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-68-75>

CREATIVE ACTIVITY OF S. P. DIAGHILEV IN THE CONTEXT OF TRENDS IN RUSSIAN CULTURE AT THE TURN OF THE XIXth – XXth CENTURIES

Anastasia S. Butsan, CSc in Cultural Studies, Dean of the Faculty of Choreography, Associate Professor at the Department of Folk Dance, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: anastasiagalkina@mail.ru

Abstract: The beginning of the article is devoted to the consideration of the views of A. Schopenhauer and F. Nietzsche on art, since it was they who had an impact on Russian culture at the beginning of the twentieth century. The author emphasizes that Nietzsche, sharing Schopenhauer's position that art helps to save a person from suffering, develops a new approach to understanding art, for which it is the result of unconscious drives inherent in a person, it is endowed with an active principle. Domestic cultural figures of the early twentieth century. believed that it was art and culture that could lead modern society out of an ideological crisis. The idea of transforming the world through art was conceptualized in the works of Russian religious philosophers (N. Berdyaev, E. Blavatskaya, P. Florensky), who emphasized its theurgic component. The article notes that the created S. P. Diaghilev's opera and ballet performances cannot be classified as theurgic, but Diaghilev fully corresponds to the status of the Demiurge. The problem of finding a universal artistic language, which emerged at the beginning of the twentieth century, was solved by Diaghilev in the spirit of the times: the basis of this language was to be music, so turning to ballet and opera (genres that were already initially synthetic) seems quite logical. The author also notes the ecological and cultural orientation of S.P.'s activities. Diaghilev, associated with the popularization of national culture, both in the West and in Russia. In conclusion, it is concluded that it is the ballet and opera performance in Diaghilev's interpretation that demonstrates the new art of the early twentieth century.

Keywords: creativity, Russian culture, S. P. Diaghilev, Russian art, intercultural dialogue.

For citation: Butsan A. S. Creative activity of S. P. Diaghilev in the context of trends in Russian culture at the turn of the XIXth–XXth centuries. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 68–75. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-68-75>

Особенностью культуры рубежа XIX – начала XX вв. в России и на Западе, выступает не только полистилизм, но и разнонаправленность тенденций и процессов. Речь идет, прежде всего, о технизации и массовизации, о двух взаимосвязанных процессах, которые четко обозначились к началу XX века. Первый из них был связан с промышленным переворотом, стимулировавшим рост производства и способствовавшим развитию буржуазных отношений. Результатом этого процесса стали перестройка социально-экономических отношений и урбанизация, которые, с одной стороны, привели к появлению массового потребителя культуры – массового городского жителя, с другой, – к формированию нового типа заказчика. Если в предшествующий период заказчиком чаще всего выступали представители аристократии, то в начале XX в. этот круг расширяется не только за счет промышленников, но и состоятельных горожан. Социальная дифференциация порождает новую систему ценностей, которая усложняется за счет формирования у каждой из социальных групп собственной ценностной системы.

Все эти процессы приводят к пересмотру места человека в мире и историческом процессе. Одним из следствий становится проблема отчуждения человека, осознание им собственного одиночества, связанного, с одной стороны, с пребыванием в большом городе (например, численность населения в Петрограде превышала 1 млн, в Москве количество жителей приближалось к 1 млн), с другой, – с опасением превратиться в приложение к машине, к станку.

Проблема отчуждения и кризиса общества становится центральной для А. Шопенгауэра, рассматривающего эстетическое созерцание как процесс улавливания вечных идей, как наиболее адекватную форму познания действительности, а главную миссию художника видел в создании произведений искусства, аккумулирующих откровения бытия. Среди видов искусств особое место он отводил музыке, которая, с его точки зрения, и есть сама воля.

Идеи Шопенгауэра оказали воздействие на философию Ф. Ницше, для которого искусство, прежде всего, есть источник утешения. Таким образом, он, разделяя позицию Шопенгауэра о том, что искусство помогает избавиться человека от страдания, вырабатывает новый подход к пониманию искусства. Для Ницше оно не является эстетическим созерцанием мира, а возникает как результат заложенных в человеке бессознательных влечений, оно начато активным началом.

Эти идеи оказали воздействие и на деятелей отечественной культуры, которые, вслед за Ницше полагали, что именно искусство, культура способны вывести современное общество из мировоззренческого кризиса. Поэтому выбор названия художественного журнала и объединения, в создании которых С. П. Дягилев принимал непосредственное участие, – «Мир искусства», – не выглядит случайным. С его точки зрения только выявление творческой индивидуальности человека, включение его в творческий процесс, может способствовать выходу современного общества из кризиса.

Страницы журнала часто использовались им для обсуждения актуальных искусствоведческих проблем, в которые Дягилевым вовлекались наиболее яркие и известные люди культуры (да и сам Дягилев часто писал критические статьи, он давал интервью, чтобы привлечь внимание публики к тому или иному культурному мероприятию).

Для раскрытия указанной в названии статьи проблематики необходимо остановиться на некоторых тенденциях русской культуры рубежа XIX–XX вв.:

1) расширительная трактовка творчества

Культура в этот период оказалась на границе разных мировоззренческих систем, это был рубеж, который характеризовался сменой парадигм. Именно на такие эпохи приходится бурное культурное развитие, поскольку при крушении доминирующего эстетического идеала, расположенного в центре

системы, с периферии в центр начинают двигаться считавшиеся до этого неканонические формы и явления. Их генезис происходил под влиянием периферийных процессов, следовательно, они могут существенно отличаться от созданных в соответствии с каноном форм.

Именно эти новые формы и приводят к трансформации системы в целом, изменяя ее конфигурацию. Бесспорно, генетически они связаны с идеями предшествующего периода, но их содержание, их смысл меняется. Так, например, на рубеже XIX–XX вв. европейское художественное пространство базировалось на идее «чистого искусства», формирование которой относится еще к 1850–1860-м гг. и в тот период она оценивалась как нечто негативное и упадническое. Однако в начале XX в. эта идея приобретает иное звучание: с одной стороны, подчеркивается автономность искусства от других сфер (в частности, С. П. Дягилев подчеркивал, что «великая сила искусства заключается именно в том, что оно самоцельно, самополезно и главное – свободно» [5, с. 15]), а с другой, – его возможность по преобразению мира.

Таким образом, «к началу XX в. появляется множество проектов, целью и задачами которых выступает преобразование действительности, и предлагаются различные способы достижения (начиная от «преобразования мечом» до пассивного состояния не-деяния). Однако, несмотря на их противоречивость, можно говорить о характерной для всех них почвенности, об идентичности их концептосфер, где элементами выступают одни и те же концепты и идеи, различие которых проявляется только через их содержание» [7, с. 276].

Идея преобразования мира посредством искусства была концептуализирована в работах русских религиозных философов (Н. Бердяев, Е. Блаватская, П. Флоренский), которые подчеркивали его теургическую составляющую. Благодаря этому искусство приобретает свободу, ее же приобретает и творческая личность. Как и религиозная философия, которая в этот период склонна к синтезу различных подходов, эта же тенденция прослеживается и в сфере культуры. В частности, Н. Бердяев подчеркивал, что «теургическое творчество в строгом смысле слова будет уже выходом за границы искусства как сферы культуры, как одной из культурных ценностей, будет уже катастрофическим переходом к творчеству самого бытия, самой жизни» [1, с. 413].

Нельзя сказать, что создаваемые С. П. Дягилевым оперные и балетные спектакли можно отнести к разряду теургических, но в контексте данной концепции формируется и образ Творца, трактуемого в русле религиозно-философских размышлений. Дягилев в полной мере соответствует статусу Демиурга, способного благодаря собственной воле создавать новаторские проекты и произведения. Кроме того, обозначившаяся в начале XX века проблема поиска универсального художественного языка, решалась Дягилевым в духе времени: основой этого языка должна была стать музыка, поэтому обращение к балету и опере (жанрам уже изначально синтетическим) выглядит вполне логичным.

2) интерес к национальным традициям

Интерес к традициям русского искусства предшествующих эпох можно связать с двумя обстоятельствами. Во-первых, с желанием Дягилева показать европейской публике красоту русской культуры. Пребывание Дягилева за рубежом приводят его к пониманию значимости русской культуры, а увеличившиеся в этот период контакты с Западом «позволили преодолеть многообразные препятствия и создать условия для построения диалога, основой которого становится восприятие инокультурного пространства не контексте дихотомии «своя – чужая», а в границах пары “своя – другая”» [8, с. 42]. Дягилева всегда возмущал тот факт, что иностранцы не знакомы с нашей культурой, поэтому у него и возникает идея продемонстрировать им достижения отечественных мастеров.

«О необходимости нового видения писали в тот период и философы, и художники (В. Кандинский, К. Малевич, М. Шагал, П. Филонов и др.)», поэтому «художники начала XX в. искали визуальный образ, способный отразить меняющийся вокруг них мир» [6, с. 19]. К древнерусской традиции в этот период обращались многие мастера отечественной культуры начала XX века, каждый из которых искал в нем необходимые именно ему приемы (цветовая палитра, имперсональность, композиционные схемы, особенности перспективы, символизм художественного языка и пр.). С. П. Дягилев принимает решение поставить в «Русских сезонах» балет «Весну священную», которая демонстрирует новаторство в музыке (И. Стравинский) и хореографии (В. Нижинский), однако спектакль не был принят публикой.

Еще одним обращением к национальной тематике было обращение к хорошо знакомому русскому зрителю образу Петрушки, музыку к которому написал И. Стравинский.

Следует отметить и эколого-культурную направленность деятельности С. П. Дягилева, который знакомил европейскую публику с русскими композиторами, проводя концерты русской симфонической музыки. Кроме того, он способствовал организации выставок молодых русских художников, которым было тяжело найти экспозиционные площадки для устройства вернисажей. Он занимался популяризацией отечественной живописи XVIII века, которой, как и древнерусской иконописи, до начала XX века отказывали в самобытности и художественной ценности. Дягилева задевало, что многие отечественные художники XVIII в. не знакомы даже русской публике, поэтому и пишет книгу о Д. Левицком, одном из самых известных живописцев того периода.

3) активизация межкультурного диалога

Если в предшествующий период в русской культурно-философской мысли, пожалуй, главным был вопрос о выборе Россией пути, рефлексия оппозиций

«Восток – Запад» и «Запад – Россия», то в начале XX века, во всяком случае, в среде творческой интеллигенции, эти дихотомии начали постепенно терять свою актуальность. Отчасти, это можно объяснить двумя факторами, обозначившимися уже к концу XIX века.

Первый из них связан с формированием единого культурного пространства, которому были присущи схожие идеи, художественные течения и стили. Все они становятся частью единого историко-культурного процесса, в границах которого шли осмысление и концептуализация подходов не только к искусству как феномену и его роли, а к творчеству вообще.

Доказательством этому служит распространение фактически во всех европейских странах модерна и авангардных течений, которые, разумеется, имели региональные особенности (об этом свидетельствует, в частности, многообразие вариантов названия модерна – стиль Тиффани в США, стиль Сецессион в Австрии, art nouveau во Франции и т. д.).

Да и движение в сторону беспредметности шло одновременно в разных художественных центрах Европы. Однако первым шаг на эту территорию совершил русский художник В. В. Кандинский, хотя А. Глез и Ж. Метценже мигрировали в этом же направлении, о чем свидетельствует их работа «Кубизм», выпущенная в 1912 году. В процессе ее создания художники тесно общались с Пакабиа, Робером и Соней Делоне, Купкой и братьями Дюшанами, поэтому не будет преувеличением предположение, что данная работа есть результат размышлений о кубизме всех перечисленных живописцев.

В этом направлении работал и С. П. Дягилев, в антрепризе которого была поставлена «Сильфида» («Шопениана»), представляющая новый тип бессюжетного балета, который, несмотря на новаторство хореографии М. Фокина и сценографии А. Бенуа, был восторженно принят европейской публикой.

Таким образом, можно сказать, что комплекс предпосылок для возникновения различных «-измов» и трактовки термина «творчество» в начале XX в. был общим, и его формировали одни и те же философские, религиозные и научные идеи.

Второй фактор связан с актуализацией интереса к Востоку во второй половине XIX в. Если в XVIII в. этот интерес можно связать с рокайльной культурой, с его интересом к экзотике, а в начале XIX в. – с романтизмом, который также тяготел ко всему необычному, то после 1870-х гг. обозначилась тенденция, связанная с увлечением восточной культурой, посредством которой пытались преодолеть кризис (в частности, творчество Н. К. Рериха, Е. П. Блаватской и т. д.).

Не обошел вниманием данную проблематику и С. П. Дягилев, антреприза которого в 1910 г. обратилась к симфонической сюите «Шехеразаде» Н. А. Римского-Корсакова. Балетмейстером спектакля выступил М. Фокин, а над декорациями и костюмами работ Л. Бакст. Кроме того, восточная тематика представлена и в «Половецких плясках», над которыми работа-

ли М. Фокин и Н. Рерих. Новаторство балетмейстера состояло в том, что в спектакле доминировал мужской танец (до этого на сцене царили лишь примы-балерины), потрясающий уровень и качество танца кордебалета. Созданное М. Фокиным и Н. Рерихом произведение на музыку А. Бородина точно передавало необузданность орды, ориентализм и экзотику восточной культуры (хотя, например, часть английской публики не приняла балет во время гастролей «Русских сезонов» в 1911 г. в Лондоне).

Таким образом, активизация межкультурного диалога в начале XX века приводит к нивелированию напряжения между полюсами оппозиции «свой – чужой», способствует формированию единого культурного пространства, которое характеризовалось, с одной стороны, мозаичностью и полифоничностью, но, с другой, – схожестью идей и процессов, художественных течений. В русской религиозной философии идеи Ф. Ницше о роли искусства были переосмыслены, они приобрели теоретические основания. Сфера искусства в начале XX века абсолютизируется, ему отводится функция по преображению бытия, для чего творец нуждается в свободе, а реализация этого процесса основывается на идее синтеза искусств. Следуя традиции, заложенной А. Шопенгауэром и Ф. Ницше, деятели культуры видели главным видом искусства музыку, поэтому балет и опера, ставшие визитной карточкой «Русских сезонов» С. П. Дягилева, и явились отражением идеи синтеза искусств. «Синтетические процессы осуществлялись в двух направлениях: обновление языка искусства на основе заимствований выразительных возможностей смежных видов и создание универсальной синтетической формы» [4, с. 191]. Именно балетный и оперный спектакль в трактовке Дягилева демонстрирует новое искусство начала XX века. Его нельзя отнести к теургии, но он сформировал новый эстетический идеал и эстетический канон. Можно вспомнить и название книги Н. Д. Чернышовой-Мельник («Дягилев: опередивший время») [10], и слова Микеланджело о том, что «тот, кто идет за другими, никогда не опередит их», которые в полной мере относятся и к С. П. Дягилеву.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Кризис искусство // Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т. Москва: Искусство, 1994. Т. 2. С. 399–419.
2. Буцан А. С. «Русские сезоны» С. П. Дягилева в контексте синтеза искусств // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5 (49). С. 86–89.
3. Варакина Г. В. Феномен синтеза искусств в эстетике Серебряного века (на примере антрепризы Сергея Дягилева) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 243–256.
4. Варакина Г. В. Хореография Вацлава Нижинского как отражение стилевого поиска в европейском искусстве начала XX века // Россия в контексте меж-

- культурных коммуникаций. XX–XXI век: коллективная монография. Москва: МГИК, 2022. С. 190–204.
5. *Дягилев С. П.* Сложные вопросы // Мир искусства. 1899. Т. 1. № 1–12. С. 16.
 6. *Синявина Н. В., Гаврилина Л. М.* Причины актуализации древнерусской живописной традиции в отечественной культуре начала XX века // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. № 2 (49). С. 16–26.
 7. *Синявина Н. В.* Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. Москва: МГИК, 2022. 365 с.
 8. *Синявина Н. В.* Ориентализм в европейском искусстве XVIII – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 35–43.
 9. *Суминова Т. Н. С. П. Дягилев как социокультурный феномен и генератор художественной реальности* // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 5 (37). С. 63–68.
 10. *Чернышова-Мельник Н. Д.* Дягилев: опередивший время. Москва: Молодая гвардия, 2011. 473 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КИТАЙСКИЙ БАЛЕТ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА (НА ПРИМЕРЕ ЗНАКОВЫХ ПОСТАНОВОК 50–60-Х ГГ. XX ВЕКА)

УДК 792.03

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-76-86>

Чжан СЯОЯНЬ,

Аспирант кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 894680232@qq.com

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики сложившегося во второй половине XX века национального балета Китая. В качестве произведения, сыгравшего ключевую роль в формировании китайской балетной школы, рассматривается спектакль «Красный женский отряд» (1965 г.). Искусство балета, возникшее в западной культурной традиции, было впервые представлено в Китае в начале двадцатого столетия. Формирование собственной балетной школы заняло несколько десятилетий, в течение которых происходил процесс адаптации западных принципов и норм хореографического творчества и их синтез с традициями китайского народного танца. Постановки первой профессиональной труппы «Национальный балет Китая», созданной в 1959 году «Красный женский отряд», «Седовласая девушка», «Красавица рыбка» демонстрируют уникальное сочетание национальных и европейских традиций.

Ключевые слова: китайское искусство, национальный балет, народный китайский танец, западноевропейский балет, синтез танцевальных традиций, русская балетная школа.

Для цитирования: Сяоянь Ч. Национальный китайский балет как воплощение культурного синтеза (на примере знаковых постановок 50–60-х гг. XX века) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 76–86. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-76-86>

NATIONAL CHINESE BALLET AS THE EMBODIMENT OF CULTURAL SYNTHESIS (BASED ON THE EXAMPLE OF ICONIC PRODUCTIONS OF THE 50–60s OF THE XX CENTURY)

Zhang Xiaoyan, Postgraduate student of the Department
of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: 894680232@qq.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of the specifics of the national ballet of China that developed in the second half of the XX century. As a work that played a key role in the formation of the Chinese ballet school, the play «Red Women's Squad» (1965) is considered. The art of ballet, which originated in the Western cultural tradition, was first presented in China at the beginning of the twentieth century. The formation of its own ballet school took several decades, during which there was a process of adaptation

of the western principles and norms of choreographic creativity and their synthesis with the traditions of Chinese folk dance. The productions of the first professional troupe «National Ballet of China», created in 1959, «Red Women's Squad», «Gray-haired Girl», «Beautiful Fish» demonstrate a unique combination of national and European traditions.

Keywords: Chinese art, national ballet, Chinese folk dance, Western European ballet, synthesis of dance traditions, Russian ballet school.

For citation: Xiaoyan Z. National Chinese ballet as the embodiment of cultural synthesis (based on the example of iconic productions of the 50–60s of the XX century). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 76–86. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-76-86>

В наши дни духовная атмосфера во многом определяется увеличением интенсивности межкультурной коммуникации. В течение веков Китай проводил политику самоизоляции, что позволило ему сохранить свои тысячелетние уникальные национальные обычаи. Однако общие тренды, вызванные процессами глобализации, создавали возможности для знакомства и использования всего многообразия художественных танцевальных традиций народов мира. Китайское танцевальное искусство не осталось в стороне от этого глобального процесса, достижения современного китайского балета стали уникальным явлением в мировом искусстве.

При анализе происхождения, становления и эволюции китайского балета, стоит отметить, что он явился симбиозом европейской традиции в хореографии и собственного культурного наследия. В процессе изучения траектории развития балета в Китае, очевидной становится значимость культурного обмена, воздействия разнообразных социально-политических и исторически-культурных элементов, а также принципов и норм балетного творчества.

Искусство танца в Китае характеризуется своими уникальными этническими характеристиками, которые начали формироваться в эпоху раннего становления китайской культуры и были отточены на протяжении четырех тысячелетий эволюции китайской цивилизации. В древних анналах можно найти понятия «у» (舞), что означает танец, и «юэ» (乐), что обозначает музыку. Китайское искусство танца прошло долгий путь развития, каждый этап которого имеет весомую историческую значимость. Особенно важной стадией в развитии китайского танца был XX век, когда начало складываться современное танцевальное направление. Его уникальность заключается в смешении традиций и достижений как европейской, так и китайской хореографии.

До наступления двадцатого столетия, исследователи выделяли две ключевые формы китайского танца: народный и театральный. Театральные танцевальные представления, которые проходили в императорских покоях, совмещали в себе элементы поэзии, живописи и скульптуры того периода. Отсюда сложность и богатство китайского танца, что, в общем-то, характерно для любого традиционного вида искусства в Китае [1, с. 257–261].

Традиционные танцы представляют собой динамичное отражение обширной истории и разнообразия культурных традиций разных этнических общностей, проживающих на китайской земле. Китайская цивилизация, истоки которой находились в пределах Великой китайской равнины, расширяла свои границы, объединяя все больше и больше народов и географических зон. Современный Китай насчитывает 56 различных национальностей, каждая из которых сохранила уникальные элементы своей традиционной культуры, религиозных убеждений, обычаев и традиций, а также разнообразные формы народного танца, каждый из которых обладает глубоким смысловым содержанием и заметными стилистическими особенностями. Некоторые из этих танцевальных форматов впоследствии стали широко использоваться в ходе создания шедевров китайского балета. Так, танец этнической общности *ли* (黎族) был интегрирован в балет «Красная армия» («红色娘子军»), монгольская танцевальная традиция нашла свое отражение в балете «Потомство степей» («草原儿女»), а Янгэ (秧歌), танец народа *хань* (汉), был включен в балет «Седовласая девушка», («白毛女»).

Следует подчеркнуть уникальное творчество Юй Жунлин (1889–1973), танцовщицы и дамы придворной императрицы Цыси, поскольку оно воплощает гармонию между национальными и европейскими обычаями. Жунлин принадлежала к высшим слоям общества Китая, поскольку ее отец был дипломатом, представлявшим интересы страны в Японии и Франции. Это дало ей возможность знакомиться с разнообразием восточных и западных танцевальных направлений. Ее мастерство было представлено на суд публики в Париже, где оно было высоко оценено знаменитой Айседорой Дункан. Когда Жунлин вернулась на родину, она не только исполняла танцы, но и занималась их созданием, удачно соединяя элементы китайской, восточной и европейской традиций. Несмотря на то, что ее танцы представлялись во дворце, и их основной аудиторией были придворные императрицы Цыси, они служили воплощением традиционной культуры Китая и являлись отражением несравненного творческого дара самой Жунлин.

Мы считаем особенно важным то, что Юй Жунлин была первопроходцем в смелых попытках преодолеть старинные феодальные обряды. Используя иностранные танцевальные обычаи, она смогла расширить рамки китайского национального хореографического искусства. Жунлин не ограничивалась простым копированием западных танцев, вместо этого она находила в них свежие идеи для усовершенствования и обновления традиционного китайского танца.

В своих мемуарах Жунлин описывает: «В четвертый день мая я выступала в дворце Лэшоу (乐寿堂). На полу простирались великолепные красные ковры, на одной стороне которых находились музыканты, исполняющие западные композиции, а на другой – музыканты, играющие китайскую музыку. Мой первый номер был испанский танец, я была одета в длинное платье

из желтого атласа с красным поясом, на голове у меня были два больших красных цветка. Затем последовал танец руйи, в котором я была одета в красный костюм и держала в руке руйи из красной бумаги, обтянутый красным атласом, поскольку настоящий руйи оказался слишком тяжелым. Завершала я свое выступление греческим танцем» [9, с. 77].

Работа Юй Жунлин была направлена, прежде всего, на сохранение и передачу следующим поколениям уникального наследия китайского танцевального искусства. Вторым важным аспектом ее деятельности стало внедрение инновационных методов, движений и концепций в танцевальную практику, что способствовало его глобальному признанию. Влияние ее инноваций можно проследить в течение всего XX века. С помощью своего таланта и творческого подхода Юй Жунлин сыграла ключевую роль в создании и развитии современной китайской танцевальной сцены.

Современный китайский балет, процесс формирования которого происходил в 1950–1960-е годы, находится под сильным влиянием как традиций национального танца, так и особенностей русской балетной школы. Важную роль в истории развития балета в Китае сыграли туры русских исполнителей, включая знаменитую Анну Павлову в 1922 году, а также основание Русской балетной школы Н. М. Сокольским и другие события. Начиная с Харбина, русский балет распространился по другим городам и стал там важной частью культурного ландшафта.

Вслед за событиями Октябрьской революции 1917 года, многие русские были вынуждены эмигрировать, и значительное число из них выбрали Китай в качестве нового дома. Среди этих эмигрантов были выдающиеся представители искусства – танцоры, драматурги, художники и, в частности, профессионалы балета. Они продолжили заниматься своим творчеством, делились своими навыками и знаниями в области танца с китайским населением. В те времена, русские мастера под своим руководством обучали многих китайских дворцовых танцоров, включая Шэн Цзе (盛婕), знаменитую балерину, которая с 1928 по 1936 год проходила обучение в Харбинской художественной школе «Лотос» у русских преподавателей. Отсюда многие исследователи ведут истоки китайского балета, считая Харбин его колыбелью. [8, с. 28].

В 1954 году китайское Министерство культуры обратилось к мастерам балета из СССР с целью обучения местных специалистов искусству балетной педагогики. После полугода занятий, включая обучение балету, китайской опере и автохтонным народным танцам, была сформирована первая в Китае команда преподавателей танцев. Этой же командой в течение осени того года была учреждена институт танцев Пекина (北京舞蹈学校), впоследствии ставший наследником Пекинского балетного училища (北京舞蹈学院), обозначил балет как центральный предмет изучения. Китай перенял советский подход к интерпретации классического западного балета, включая изяще-

ство и простоту в хореографии, симметричность и гармонию, а также глубокую академическую методику обучения русскому балету, среди прочего.

Феноменальность китайского балета, по нашему мнению, состоит в том, что он не просто удачно имитирует образцы западноевропейского балета, его уникальность и аутентичность обусловлены тесной связью с коренными культурными особенностями искусства танца в Китае.

Китайский балет претерпел значительную трансформацию, в процессе которой хореографы и исполнители активно адаптировали элементы китайской оперы, или 京剧, и даже боевые искусства, основывающиеся на принципах Шоу (жесты и руки), Янь (глаза и взгляд), Шэнь (тело), Фа (технические аспекты и законы) и Бу (шаги). Благодаря глубокому изучению, разъяснению и систематизации старинных культурных практик, исследователями была создана стандартная модель китайского классического балета. Эта система объединяет в себе четыре различных жанра – Шэнь Юнь, Хань Тан, Дуньхуан и Кунь. Так, современный китайский балет является воссозданием древних танцевальных форм, дворцовых оперных танцев и китайской танцевальной культуры в целом, корни которой прослеживаются на протяжении многих тысячелетий.

В октябре 1959 года балет «Красавица Рыбка» впервые представили публике, в нем оригинально были соединены элементы китайского и западного танца. Сюжетное ядро балета основано на народных историях «Охотник и принцесса» («猎人与公主») и «Сказание о женьшене» («人参的故事»), рассказывающих захватывающую историю любви. В глубинах моря обитает очаровательная Рыбка-красавица, которая, поразившись мужеству охотника, начинает стремиться к человеческому образу жизни. Однако зловещий горный демон, обольщенный красотой Рыбки-красавицы, насильно увлекает ее в свой пещерный дом. Охотник решает спасти Рыбку-красавицу и, справившись с препятствиями и искушениями, в конечном итоге одерживает верх над злым горным демоном. Этот рассказ подчеркивает, что зло не в силах победить настоящую любовь и что справедливость обязательно торжествует. Сцены балета разворачиваются в подводном, земном и демоническом мирах.

В результате, балет отражает три непохожие вселенные: абстрактный подводный мир, реальный человеческий контекст и устрашающий демонический космос. Фантастический морской ландшафт и пугающая атмосфера демонических гротов образуют контраст с жизненной и прекрасной человеческой реальностью. Выявляя противостояния и конфликты между героями, творцы хореографии усиливают драматизм в разворачивание сюжета, прказывают человеческое стремление к благополучию, где все зло, в итоге, будет побеждено силой справедливости и храбрости [7, с. 54].

Театральное представление развивается согласно принципам композиции западного балета, который разбит на актовые сцены. По мнению

П. А. Гусева, «танцевальное представление представляет собой вселенную чувств и действий, оно не способно транслировать чисто интеллектуальные аспекты. С увеличением сложности драматического построения танца, его цветность угасает; простота драматической конструкции напротив, делает танец более насыщенным» [6, с. 49].

В соответствии с основной схемой западного балета, Гусев разбил весь перформанс на три сопоставимые сегмента: морская глубина, мир людей и демоническая пещера. Уникальные танцевальные номера в каждом из этих мест устанавливают последовательное развитие балетного нарратива, демонстрируя эволюцию главных персонажей в ходе сюжетной линии. Центральная идея основывается на конфликте между тремя ключевыми персонажами – красивой рыбой, охотником и горским демоном, порождая напряженный драматический столкновение.

«Красавица Рыбка» обильно украшена многочисленными элементами китайской народной хореографии. Те, кто имеет представление о балетных постановках, заметят, что эти фольклорные танцы, подобно характерным танцам в западном балете, одновременно воспроизводят знакомую обстановку для зрителей, продвигают сюжет балета, представляют уникальных персонажей и т. д. В качестве примера, в эпизоде «свадьбы» были включены элементы народного танца И (彝族), добавляя жизнь и праздничное настроение в свадебный эпизод. В «Коралловом танце» использовались «три поклона» (сань дянь тоу, 三点头) и «Аньхуэй хуа гу дэн» (Аньхуэйская лампа с цветочным барабаном, 安徽花鼓灯) – быстрые и ловкие движения конечностей, которые задавали ритм танца. Кроме того, в балет были интегрированы компоненты других классических китайских танцев, таких как «се тань хай» (斜探海) и «шан ян туй» (商羊腿).

Применение китайских танцевальных традиций в общем контексте обогатило и придало драматичности балету «Красавица Рыбка». Креативное сочетание советских и китайских хореографов послужило основой для создания богатого и оригинального танцевального языка. Балет «Красавица Рыбка» положил начало формированию национального стиля китайского балета. Это связано с тем, что образы персонажей, которые тесно связаны с развитием сюжета, обладают уникальными свойствами китайского танцевального искусства.

В период 1964–1965 годов состоялись первые представления двух значимых национальных балетных постановок: «Красный женский отряд» и «Седовласая девушка». Балет «Красный женский отряд» – это героическая драма, взявшая свое начало из одноименного кинофильма, созданного Се Цзинем. Рассказывается история простой крестьянки по имени У Цюньхуа, ставшей активным бойцом женского отряда против сил гоминьдана.

Успех балета «Красный женский отряд» связан с рядом составляющих. Во-первых, создатели спектакля приложили массу усилий к разработке

структуры шоу, точности в описании персонажей, а также расширили персоналии, представленные на сцене. Зрителям запомнились многие персонажи, включая героическую революционерку У Цюньхуа, мудрого и невозмутимого члена Коммунистической партии Хун Чанцин, и коварного, изворотливого помещика Нань Ба Тянь.

Вторым важным аспектом является то, что, хотя балет воспринимается как форма танцевального искусства Запада, его темы, основанные на истории китайской революции, борьбы за свободу и репрезентации быта китайского народа, придают этому произведению уникальный национальный колорит.

Следует отметить, что в плане танцевальной терминологии преобладают элементы, связанные с китайскими танцевальными обычаями: методы, применяемые в китайском классическом танце, и представительские виды народных танцев. В одиночном танце главной героини Цюньхуа присутствуют такие техники классического китайского танца, как «сяо бэн цзы» (小蹦子) и «дянь фань шэнь» (点翻身), среди прочих. Мужская групповая хореография, нареченная «танцем с ножом длиной в пять дюймов» (五寸钢刀舞), включает в себя элементы классического китайского оперного танца, например, «фань», «гунь», «пу», «де» (обозначающие различные виды акробатических движений, включая перевороты и падения), особенно в сценах боя. В этом контексте «балетные движения гармонично сливаются с китайской эстетикой искусства». [3, с. 64].

В-третьих, элементы, такие как музыка, сценография, пропсы, наряды и освещение, все они в совокупности улучшают восприятие балета зрителями. [4, с. 18–19].

Балет «Седовласая девушка», в значительной степени основывается на конвенциях китайской оперы, в частности, в изображении героев. Во внешности главной героини, Си Эр (喜儿), можно заметить, что ее голова постоянно склонена вниз. В одной из сцен Си Эр держит в руках масляную лампу и распахивает дверь, чтобы проверить, вернулся ли ее отец. Через движения ее рук при открытии двери, через выражение ее лица при поиске отца и через ее позу и скорость передвижения, отчетливо просматривается типичный облик китайской женщины в традиционной роли. [2, с. 231].

Эксперты по хореографии умело использовали особенности китайского танца для воплощения энергии революции и борьбы основной персоны, Си Эр. В четвертом акте, например, когда Си Эр выступает с сольным номером, были включены элементы китайской танцевальной культуры, такие как «сяо бэн цзы» (小蹦子), и другие. Для того, чтобы продолжить развитие сюжетной линии, хореографы привлекли такие классические китайские движения как «высокий скачок», «Гуй Бу» (приседание на колени, 跪步) и другие, для воссоздания ее схватки с монстром на сцене.

Представление о герое Дачунь (大春) обогащено уникальными китайскими танцевальными движениями и позициями, такими как «фэй туй» (飞

脚) и «шуан фэй янь» (双飞燕). Балет включает также ансамблевые танцы, выполняемые мужчинами и женщинами, включая «танец солдата армии восьмого маршрута» (八路军战士舞), «танец красной таски с кистью» (红缨枪舞, известный как танец Хун Ин Цзян), и «танец красной Даты» (红枣舞, или танец Хун Цзао). Все выступление пропитано духом повседневной жизни людей и отражает национальные обычаи. [2, с. 232].

В балете «Пляска перехода четырех сезонов» (四季转换舞) используется так называемое «виртуальное выражение», где декорации отсутствуют, и зритель осмысливает суть представления по манере движений исполнителей. В этой танцевальной постановке момент, когда Си Эр вступает в мрачные глубины леса, сопровождается нежными мелодическими звуками. С осторожностью и предусмотрительностью Си Эр делает свои первые шаги на сцене, внимательно поднимаясь на пальцах и несколько раз аккуратно раскрывая руки от своей груди. Внезапный оборот и прыжки Grand Pas de Chat, со взглядом, опущенным к земле, иллюстрируют малого зверя в лесу, которого она испугалась. Композиторы балета интегрировали в его основу не просто жесты, выражения и образы, характерные для китайской оперы, но и комбинацию «Гун Цзянь Бу» (маневры «лук и стрела», когда одна нога согнута в колене, вторая тянется назад), вращательные движения и акробатические номера из китайского оперного танца, сопоставленные с балетной номенклатурой. В начальной сцене нас ждет жестокое избиение Яна Байлао, отца Си Эр. Когда Си Эр приближается к своему родителю, она применяет элементы китайского танца «Тань Хай» и шаги китайской оперы «Гуй Бу», чтобы передать свое глубокое горе. После смерти Яна Байлао, вызванной злобным Хуан Шиженем, балетмейстеры включили в постановку «Цуань мао» (蹿毛) и другие движения, такие как «поворот сальто», чтобы передать борьбу главного героя Да Чуна и остальных юношей с опасными противниками, представленными Хуан Шиженем. Самые эти движения пронизаны особенностями национальной культуры.

Стремление к национализации во многих его проявлениях, включая драматургию, хореографию, музыкальное сопровождение, а также элементы костюмирования, было характерной чертой для балетов «Красный женский отряд» и «Седовласая девушка». Исследователи отмечают, что успешность этих балетов у китайской аудитории обусловлена их укоренением в национальных традициях и национальном эстетическом вкусе [4, с. 19].

Разнообразие в подходах и характерах китайского и западного балета объясняется уникальными культурными наследиями, которые служат основой для любой формы творческого выражения. Как произведение искусства, берущее свое начало в недрах западной цивилизации, балет в полной мере демонстрирует характеристики, особенности и культурные ассоциации западного мира, отраженные в предпочтении прямых движений и изысканных форм.

Историческое развитие цивилизации на территории Китая в течение многих веков способствовало созданию уникальной культурной и психологической структуры, которая отличается от той, что присуща Западу. Всегда существовало тесное взаимодействие между китайской национальной самобытностью и традициями земледельческой культуры, поскольку Китай долгое время был в основном аграрной страной. Следовательно, в китайских танцевальных движениях и позах можно увидеть отражение этой связи: танцоры своими движениями демонстрируют обработку земли ногами и колыхание побегов растущего риса благодаря дуновению ветра [6, с. 128].

В национальных танцах Китая движения разворачиваются по пути, который следует спиральной или круговой форме, поскольку в китайской культуре круг символизирует главный принцип эстетики – гармонию. Он выражает объединение противоположностей, таких как простота и сложность, медленность и динамичность, виртуальность и реальность. Это основополагающая идея китайской художественной концепции, которая на протяжении многих тысячелетий отражает национальный характер и совершенствуется под влиянием китайской философии. «Эстетическая культура китайского искусства характеризуется динамическим равновесием, проявляющимся в слиянии великодушных и изящных противоречий» [5, с. 12]. Из-за доминирования традиционного культурного духа, китайский балет акцентирует свое внимание на истинных намерениях, основательно развивает характеры, обращает особое внимание на их психологические аспекты, при помощи изящных и округленных движений демонстрирует изящность и утонченность выражения [4, с. 24–25].

В сущности, следует подчеркнуть, что несмотря на интеграцию традиционного балета с китайской хореографией, современный этнокультурный китайский балет существенно разнится с актуальным западным балетом. Основными причинами этого являются различия в мировосприятии, стиле жизни и эмоциональном контексте китайского и европейских народов. Например, женщины в Китае проявляют застенчивость и скромность, в то время как женщины на Западе проявляют большую смелость и прямолинейность. Эти особенности также отражаются в искусстве Китая и Запада. Различные персонажи в китайской опере обладают своими уникальными чертами, которые отражены в их внешности, макияже, жестах и техниках выступления, таких как «Шоу» (жесты и руки), «Янь» (глаза и взгляд), «Шэнь» (тело), «Фа» (технические аспекты и законы), «Бу» (шаги) – это все является отличительными чертами китайской оперы. Уникальные характеристики проявляются в движениях конечностей, расположении тела, синхронизации взгляда и рук, положении пальцев, а также в других элементах.

Балетные произведения, такие как «Красавица Рыбка», «Красный женский отряд» и «Седовласая девушка», стали знаковыми в результате слияния классических западных танцевальных форм с элементами уникальной культуры Китая. Внедрение национальных инструментов, мелодий и арий из китайской

оперы не просто придало балетам китайский колорит, но и помогло зрителям лучше проникнуть в драматическую структуру постановок. Эти ранние балеты отличаются патриотическим настроем, они укрепляют и поддерживают национальные традиции и культуру, заложив, таким образом, основу для дальнейшего развития и распространения этого искусства по всему Китаю.

Подводя итог, необходимо отметить, что китайская балетная сцена с энтузиазмом интегрирует множественные аспекты разнообразных проявлений искусства, представляя собой вызов устоявшимся художественным методам и процессам творчества. Китайские мастера танца, восприняв и используя положительные стороны западной балетной школы, формируют свое уникальное видение китайского балета, которое отражает современные реалии и выражает особенности национального характера. Включение в балетные композиции элементов китайской национальной культуры создает основы для синтеза традиций европейской и китайской хореографии. Исследуя становление и прогресс китайского классического балета, можно уяснить значимость межкультурного обмена в формировании новых культурных обычаев и традиций.

Китайская версия балета представляет собой гармоничный синтез элементов национального танца и основных европейских, в частности русских, традиций, нацеленных на удовлетворение культурных требований китайского общества. Современный китайский балет объединяет в себе разнообразные формы искусства, отвечая на вызовы современности и актуальности. Возникновение уникального китайского балета является плодом глубокого исследования и осмысления западных балетных практик, а также инновационного синтеза местной культуры, специфики китайской нации и европейских танцевальных обычаев. Этот процесс способствует расширению форм и содержания балетного искусства в мировом масштабе, а также строит мост для культурного обмена между Китаем и западными странами.

Список литературы

1. *Дрынкина Т. И., Ли Жуй.* Истоки становления нового китайского классического танца // Царскосельские чтения. 2017. С. 257–261.
2. *Ду Инвэй.* Презентация китайских элементов в балетном искусстве // Северная музыка. 2020. 231–232.
3. *Фэн Шуанбай.* История нового китайского танца. Хунань: Хунаньское издательство изобразительных искусств, 2002. 204 с.
4. *Го Баофэн.* Развитие и перспективы китайского балетного искусства. Цзинань: Шаньдунский педагогический университет, 2009. 52 с.
5. *Цзинь Хао.* Реология китайской танцевальной культуры в Новом веке. Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2007. 188 с.
6. *Ли Чэнсян.* Искусство хореографии Гусева – Беседа с создателями балетного спектакля “Красавицы-рыбки” // Танец. 1997(6):49–51.

7. *Ли Лань*. О балетном спектакле «Красавица-рыбка» и «локализации» балета // Газета Аньхойского бизнес-колледжа профессиональных технологий. 2012. 03 (№.97):54–56.
8. *Е Хань*. Изучение морфологии танца в раннем Харбине (1898–1949). Харбин: Харбинский педагогический университет, 2016. 41 с.
9. *Юй Жунлин*. Воспоминания о Дворце Цин. Пекин: Пекинское издательство, 1957. 85 с.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОГРАММАХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 37.018.4

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-87-95>

Галина Владиславовна ВАРАКИНА,

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры общего и славянского искусствознания,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Российская Федерация,
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема перехода на гибкие адаптивные программы в условиях реформы образования и введения новых Образовательных стандартов. В частности, автор выявляет преимущества новой структуры образовательной программы, доказав более широкие возможности получения конкурентоспособного образования студентом с широким рядом универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Также в статье сделан акцент на практикоориентированности современного образования и переходе к компетентностной модели обучения. Такого рода трансформация требует иных методов взаимодействия преподавателя и учащихся, а также технического переоснащения образовательного процесса. Однако технологии выступают лишь средством достижения главной цели модернизации образования, которой является человек, его интересы и перспективы. В исследовании использованы как академические методы: эмпирическое описание, сравнительно-сопоставительный метод; так и инновационный: метод компаративного исследования. В качестве аналитической базы были использованы правительственные документы, образовательные ресурсы и платформы, научные и практические статьи международного формата.

Ключевые слова: индивидуальные образовательные траектории, гибкие адаптивные программы, компетентностный подход, практикоориентированность.

Для цитирования: Варакина Г. В. Индивидуализация образования в практикоориентированных программах высшей школы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 87–95. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-87-95>

INDIVIDUALIZATION OF EDUCATION IN PRACTICE-ORIENTED HIGHER SCHOOL PROGRAMS

Galina V. Varakina, DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Professor at the Department of General and Slavic Art History, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art), Moscow, Russian Federation, e-mail: galina_varakina@mail.ru

Abstract: The article examines the problem of transition to flexible adaptive programs in the context of education reform and the introduction of new Educational Standards. In particular, the author reveals the advantages of the new structure of the educational program, proving greater opportunities for a student to receive a competitive education with a wide range of universal, general and professional competencies. The article also focuses on the practice-oriented nature of modern education and the transition to a competency-based learning model. This kind of transformation requires different methods of interaction between teachers and students, as well as technical re-equipment of the educational process. However, technology is only a means of achieving the main goal of modernization of education, which is a person, his interests and prospects. The study used both academic methods: empirical description, comparative method; and innovative: a comparative research method. Government documents, educational resources and platforms, scientific and practical articles of international format were used as an analytical base.

Keywords: individual educational trajectories, flexible adaptive programs, competency-based approach, practice orientation.

For citation: Varakina G. V. Individualization of education in practice-oriented higher school programs. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 87–95. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-87-95>

Национальная система высшего образования сегодня находится в состоянии реформирования. Главной целью реформы является повышение конкурентоспособности молодого специалиста, его востребованность на рынке труда. Именно эта проблема составляет основу Национального проекта «Образование»: «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования <...> воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций» [6].

В своей статье мы фокусируем внимание на проблеме индивидуализации обучения в высшей школе, в том числе благодаря технологии формирования индивидуальных траекторий. Данная проблема прослеживается в ряде Федеральных проектов в рамках Национального проекта «Образование»: «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого» и «Экспорт образования». В то же время принцип индивидуальной траектории обучения вписывается в одну из задач национального проекта РФ «Образование»: «Модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ» [6]. На наш взгляд, именно индивидуальные траектории образования – это тот путь, который позволит раскрыть личностные особенности и природные задатки обучающегося, а также поможет

адаптировать их под вызовы современности, способствуя востребованности и самореализации молодого человека.

Исследование базируется на источниках нескольких типов. Прежде всего, это действующая законодательная база и правительственные инициативы, в рамках которых существует сегодняшнее образование, как процесс, и высшая школа, как структура социальных институтов. Среди наиболее значимых, Национальный проект «Образование» и его компоненты – Федеральные проекты «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого» и «Экспорт образования» [6]; Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и ее компоненты – Федеральные проекты «Кадры для цифровой экономики» и «Цифровые технологии» [7].

Второй тип источников – это аналитические обобщения по основным вопросам исследования: гибкие и адаптивные программы, индивидуальные траектории образования, дистанционные технологии. Нами были проанализированы результаты исследований российских ученых-педагогов. В частности, большой интерес представляет комплексное исследование Высшей школы экономики «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования» [8], в котором рассмотрены разные аспекты процесса трансформации образования в условиях Четвертой информационно-технологической революции. Большое значение в нашем исследовании имели международные публикации в рамках изучения образовательной STEM технологии: Pajk, T., Van Isacker, K., Aberšek, B., & Flogie, A. [15], Dhurumraj, T., Ramaila, S., Raban, F., & Ashruf, A. [12], Mnguni, L., & Mokiwa, H. [14]. Западная модель интегрированного образования может быть частично применима к модульной системе отечественной школы. Неоценимая помощь связана с зарубежными исследованиями в области дистанционных технологий и онлайн курсов: Peter G. M. de Jong, James D. Pickering, Renée A. Hendriks, Bronwen J. Swinnerton, Fereshte Goshtasbpour & Marlies E. J. Reinders [11], Dhurumraj, T., Ramaila, S., Raban, F., & Ashruf, A. [12], Baldwin, S.J., Ching, Y.-H., & Friesen, N. [10].

Методологической основой исследования стала система взаимосвязанных методов: эмпирического описания данных, сравнительно-сопоставительного анализа родственных материалов и информации, компаративное исследование объектов, имеющих относительное единство (например, общность педагогических задач в разных сферах и/или учебных курсах). Это позволило нам не только проанализировать широкий круг источников, тем самым, дав обоснование собственной позиции, но и выстроить логичную педагогическую траекторию, закрепив ее в ряде важных результатов: перспективность адаптивных программ и индивидуальных траекторий обучения, важность непрерывного образования и технологий его организации.

Индивидуальная траектория образования – это инновационная образовательная технология, позволяющая обучающемуся корректировать осваиваемую программу по выбранному им направлению подготовки. Этот принцип похож и одновременно отличен от профильности обучения, когда при помощи профиля, обеспеченного некоторым количеством дисциплин и практик, обучающийся может, в рамках освоения профессии, сделать акцент на более конкретных знаниях, навыках и умениях. Общность профиля и индивидуальной траектории заключается в конечном результате: освоение компетенций, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности. Тем самым, происходит более тесное взаимодействие учебного и производственного процессов, что позволяет говорить о практикоориентированности образования.

В то же время технология индивидуальной траектории имеет ряд особенностей. Прежде всего, это касается иного подхода к учебному плану. Индивидуальная траектория предполагает большую свободу именно студента, т. к. учебный план жестко фиксирует общепрофессиональную и профессиональную (major) части образовательной программы, оставляя дополнительную часть (minor) свободной. Объем майнора составляет 20 зачетных единиц (720 часов), что вполне позволяет студенту либо удовлетворить желание знать больше, возможно, углубиться в профессию; либо освоить дополнительные компетенции, тем самым, расширив круг профессиональной подготовленности. При этом дисциплины майнора могут, как соответствовать осваиваемой профессии, так и быть иными. В частности, Высшая школа экономики трактует майнор, как дополнительный профиль: «<...> это учебный цикл в рамках образовательных программ бакалавриата НИУ ВШЭ, представляющий дополнительную образовательную траекторию для обучающихся сверх подготовки по основному образовательному направлению. Относится к вариативной части ОП и реализуется как выбор обучающимися ряда дисциплин (либо связанных друг с другом содержательно, либо не связанных – в последнем случае это Свободный майнор)» [4].

Майноры разрабатываются кафедрами, они доступны студентам всех факультетов в равной степени. Тем самым, перед студентом открывается выбор с весьма широкой тематической амплитудой. Здесь снова возникает ассоциация с дисциплинами по выбору стандартов предшествующего поколения (хотя их непосредственным преемником выступают элективные курсы в рамках новых Образовательных программ 3++). Этим напоминанием служит принцип свободного выбора, однако его масштабы принципиально иные и ограничиваются только активностью преподавательского состава. Кроме того, дисциплины свободных модулей могут образовывать стройную систему с выходом на компетенции. В этом случае речь идет о формировании не только индивидуальной траектории обучения, но и о корректировке профессиональной подготовки молодого специалиста. Учитывая актуаль-

ность междисциплинарных исследований и технологий, такого рода образование должно быть со временем наиболее востребованным.

Еще одно преимущество использования гибких программ с применением принципа индивидуальной траектории образования – это возможность освоения дисциплин майнора в рамках другого учебного заведения. Это может быть как программа стажировки, так и обучение с применением дистанционных технологий. Любопытный опыт реализует Балтийский федеральный университет им. И. Канта, предлагая следующую структуру учебного процесса в рамках бакалаврской программы: блок универсариум (1–2 курсы), блок мейджер (1–4 курсы) и блок майнер (3–4 курсы). При этом студентам предлагает выбор образовательного трека (наполнение майнера) из пяти доступных вариантов: педагогический, предпринимательский, личностно-ориентированного совершенствования, коммуникативный, информационно-технологический. Также майнер возможно освоить в другом учебном заведении, в том числе за рубежом [2].

Таким образом, технология индивидуальной траектории образования – это альтернативная система обучения, предполагающая активность студента в выборе и освоении компетенций, и, как следствие, предусматривающая возможность корректировки профессиональной подготовки непосредственно в ходе учебного процесса.

Анализ современных требований в сфере проектирования образовательного процесса выявил такое требование времени, как практикоориентированность образования. Целью обучения для студента перестали быть знания сами по себе. Учебный процесс в большей степени ориентируется на овладение компетенциями, т. е. интеллектуальными и деятельностными навыками выполнения профессиональных функций. Компетенция в себе включает и сумму знаний, и методы трансляции этих знаний, а также формы их практического применения. Причем, этот подход универсален и не обусловлен определенными сферами профессиональных обязанностей: «Будь то образование или профессиональная подготовка, приобретенные компетенции имеют решающее значение, поскольку только способность решать реальные жизненные задачи представляет собой конкурентное преимущество (Whether it is education or training, the acquired competences are of crucial importance, since only the ability to solve real life problems represents a competitive advantage)» [15, с. 277].

Переход на ФГОС нового поколения (3++) и введение компетентного подхода в образовательный процесс не может решаться формально. Меняя структуру образовательного процесса, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью менять педагогические технологии: использовать иные формы и методы работы, иначе строить собственно коммуникацию, корректировать функции преподавателя. Наиболее действенными становятся интерактивные, междисциплинарные и проектные формы организации и проведения

занятий. «Современное образование все больше ориентируется на глобальные изменения, происходящие в культуре, которая становится все более доступной <...> Проблема интегрированности знаний, междисциплинарного взаимодействия, создания специфического “метаязыка” является одной из наиболее актуальных проблем современной науки (Modern education is increasingly focused on global changes taking place in a culture which is becoming more and more accessible <...> The problem of integrated knowledge, interdisciplinary cooperation, and the creation of a specific “metalanguage” is one of the most pressing issues of modern science)» [16, с. 123].

Центральная задача современного образования – личность учащегося, способная самостоятельно мыслить, планировать, принимать решения и нести ответственность. Подобного рода изменения неизбежно приводят к отказу от традиционных лекций и контроля в пользу диалога, сотворчества, партнерства между учащимися и преподавателем. Именно потому «неформальное образование становится все более популярным, поскольку в его условиях формы, методы и время обучения адаптируются к каждому человеку (non-formal education is becoming increasingly popular, because in non-formal education setting the forms, methods and time of learning are adapted to the individual)» [15, с. 284]. Одновременно меняется и коммуникация. Она выстраивается не только через слово, но зачастую через образ, модель поведения, ситуацию. Тем самым, образование становится более гибким процессом, адаптированным под требования современной жизни и современного человека: «<...> индивидуализированный подход к образованию и развитие гибких траекторий образования имеют важное значение. Все это радикально меняет концепцию современного образования (the individualized approach to education and the development of flexible pathways of education are important. All this radically changes the concept of modern education)» [16, с. 127]. Кроме того, все большее значение в обучении приобретают информационно-коммуникационные технологии: Интернет-ресурсы, электронные сервисы, программы и платформы. Обучение становится все в большей степени электронным. Многие отмечают, что «использование современных технологий и мобильных приложений увеличивает время и интенсивность концентрации в процессе обучения (The use of contemporary technologies and mobile applications increases the time and intensity of concentration in the process of learning)» [15, с. 278].

Меняется и роль преподавателя в этой сложной системе: происходит «трансформация педагогической практики учителей от традиционных подходов, где они выступают в роли распространителей знаний, к более гибкому подходу, при котором они в большей степени действуют как координаторы, наставники и мотиваторы, чтобы вдохновить учащихся на участие в процессе обучения (transform teachers' pedagogical practices from traditional approaches that often place them as dispensers of knowledge to a more flexible

approach where they act more as facilitators, mentors and motivators to inspire learners to participate in the learning process)» [12, с. 1057]. Естественно, что это ставит перед преподавателем и новые проблемы: необходимость владеть новыми технологиями «эффективного использования соответствующих инструментов информационных и коммуникационных технологий (on the effective utilization of appropriate information and communication technology too)s» [12, с. 1061].

Таким образом, переход к компетентностной модели обучения требует переход к новым методам взаимодействия преподавателя и учащихся, а также к техническому переоснащению образовательного процесса.

Мы проанализировали обновленную структуру образовательной программы на основе модульного подхода и пришли к выводу, что наличие свободного модуля или майнора открывает возможность студенту расширить компетентностную составляющую изучаемой образовательной программы. Применение онлайн и дистанционных технологий может позволить студенту получать курсы от лучших университетов и преподавателей мира, тем самым укрепляя свою конкурентоспособность на рынке труда. Этот принцип применим и в поствузовском образовании: «Целью непрерывного образования и обучения является продвижение и подготовка к конкурентоспособности и трудоустройству, повышению компетентности и мобильности сотрудников, самостоятельному поиску рыночных ниш и созданию возможностей (The purpose of lifelong forms of education and training is to promote and to train for competitiveness and employability, for increasing competences and mobility of employees, for independently finding market niches and creating opportunities)» [15, с. 277].

Таким образом, студент или специалист может корректировать свою профессиональную осведомленность, используя более эффективные технологии в противовес традиционным формам «второго высшего образования» или длительной профессиональной переподготовки.

Проведенное нами исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Современная реформа образования – это ответ педагогики на вызовы Четвертой информационно-технологической революции. Она не надумана, а продиктована самой жизнью.
2. Ведущее место в образовательном процессе будут занимать электронные формы обучения: с применением ИКТ, дистанционных технологий, онлайн курсов.
3. Основной целью технического перевооружения образования являются не технологии, а человек, для которого электронные сервисы выступают в роли помощников, инструментов достижения собственных целей.
4. Главной задачей современной школы, в том числе высшей, является разработка индивидуальных траекторий образования, что позволит человеку максимально эффективно реализоваться в жизни.

5. Происходит смена модели обучения: из диктата в партнерство, из процесса освоения знаний в овладение практикоориентированными компетенциями.

Таким образом, нами доказаны преимущества адаптивных программ относительно их традиционных прототипов. Это преимущество заключается в практикоориентированности, вариативности, мобильности, в возможности расширения профессиональных компетенций и, как следствие, в повышении конкурентоспособности выпускника на современном рынке труда. В рамках адаптивных программ заложена возможность выстраивать индивидуальную траекторию обучения, что позволит учесть не только изменения в экономике и социальной системе страны, но и особенности личности обучающегося, которая находится в динамическом, становящемся состоянии.

Список литературы

1. *Ариффулина Р. У., Катушенко О. А.* Анализ отечественных и зарубежных трендов индивидуализации образовательного процесса в вузе: аналитический доклад // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, No 4: URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1285> Быстрая навигация: URL: <http://special.kantiana.ru/myedu>
2. *Варакина Г. В.* Онлайн курс как автономный элемент дистанционного образования // Дистанционное обучение: методы и приемы: Сб. ст. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 2020. С. 35–40.
3. Выбор траектории обучения // Высшая школа экономики. Национальный исследовательский университет. 1993–2021: URL: https://www.hse.ru/org/hse/elective_courses/MN_OI
4. *Кондрахина Н. Г., Петрова О. Н., Староверова Н. П.* Особенности индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022; 12(3). С. 130–136.
5. Национальный проект «Образование» // Стратегия24. Система управления государством: URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie>
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/>
7. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования; под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.
8. *Baldwin S. J.* Assimilation in Online Course Design // American Journal of Distance Education. 2019. 33:3. P. 195–211.

9. Baldwin S. J., Ching Y.-H., & Friesen N. Online course design and development among college and university instructors: An analysis using grounded theory // *Online Learning*. 2018. 22(2). P. 157–171.
10. De Jong P. G. M., Pickering J. D., Hendriks R. A., Swinnerton B. J., Goshtasbpour F. & Reinders M. E. J. Twelve tips for integrating massive open online course content into classroom teaching // *Medical Teacher*. 2020. 42:4. P. 393–397.
11. Dhurumraj T., Ramaila S., Raban F., & Ashruf A. Broadening educational pathways to STEM education through online teaching and learning during Covid-19: Teachers' perspectives // *Journal of Baltic Science Education*. 2020. 19(6A). P. 1055–1067.
12. Kaufmann R. & Buckner M. M. Revisiting “power in the classroom”: exploring online learning and motivation to study course content // *Interactive Learning Environments*. 2019. 27:3. P. 402–409.
13. Mnguni L., & Mokiwa H. The integration of online teaching and learning in STEM education as a response to the Covid-19 pandemic // *Journal of Baltic Science Education*. 2020 19(6A). P. 1040–1042.
14. Pajk T., Van Isacker K., Aberšek B., & Flogie A. STEM education in eco-farming supported by ICT and mobile applications // *Journal of Baltic Science Education*. 2021. 20(2). P. 277–288.
15. Varakina G. V., Kulikova E. V., Yudin M. V. The Effectiveness of Using the Content and Language Integrated Learning Approach to Enhance Cultural Awareness of Tourist Guidance and Museum Guidance Students // *Proceedings of the 2020 International Conference on Language, Communication and Culture Studies (ICLCCS 2020)*. Volume 537. Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 15 March 2021: URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-20/125954103>

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛАХ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

УДК 378.1

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-96-103>

Виктория Евгеньевна ПАВЛОВА,

преподаватель кафедры специального фортепиано,
заведующая кафедрой межпрофильных дисциплин,
Филиал «Центральная музыкальная школа-Академия
исполнительского искусства» «Сибирский»,
Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: 89069764326@mail.ru

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена особенной значимостью коммуникативного взаимодействия в работе с одарёнными детьми. Цель статьи – установить, какую роль играет коммуникативное взаимодействие в музыкально-творческом педагогическом процессе. В статье теоретически обоснованы педагогические условия, способствующие повышению эффективности подготовки обучения музыканта-исполнителя. Раскрыта сущность взаимодействия преподавателя по классу специального фортепиано в работе с одарёнными детьми филиала ЦМШ-АИИ «Сибирский». Определены принципы, формы и методы работы с обучающимися. Разработана организационно-методическая система обучения одарённых детей. Выделены и охарактеризованы психолого-педагогические условия творческого взаимодействия ученика и преподавателя в классе специального фортепиано. Разработаны критерии развития исполнительских качеств в системе непрерывного музыкального образования и воспитания одарённых детей.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникативное взаимодействие, одаренный ребенок, профессиональное образование, профессиональная ориентация, педагогический процесс.

Для цитирования: Павлова В. Е. Реализация концепции обучения одаренных детей в музыкальных школах: коммуникативный аспект // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 96–103. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-96-103>

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF EDUCATION OF GIFTED CHILDREN IN MUSIC SCHOOLS: COMMUNICATION ASPECT

Victoria E. Pavlova, Teacher of the Department of Special Piano,
Head of the Department of Interdisciplinary Disciplines, the Branch
of the “Central Music School-Academy of Performing Art” «Sibirsky»,
Kemerovo, Russian Federation, e-mail: 89069764326@mail.ru

Abstract: The relevance of the article is due to the special significance of communicative interaction in working with gifted children. The purpose of the article is to establish what

role communicative interaction plays in the musical and creative pedagogical process. The article theoretically substantiates pedagogical conditions that contribute to increasing the effectiveness of training for a performing musician. The essence of the interaction of a teacher of a special piano class in working with gifted children of the branch of the Central Music School-All «Sibirsky» is revealed. The principles, forms and methods of working with students are defined. An organizational and methodological system for teaching gifted children has been developed. The psychological and pedagogical conditions for creative interaction between student and teacher in a special piano class are identified and characterized. Criteria for the development of performing qualities in the system of continuous music education and education of gifted children have been developed.

Keywords: communication, communicative interaction, gifted child, professional education, professional orientation, pedagogical process.

For citation: Pavlova V. E. Implementation of the concept of education of gifted children in music schools: communication aspect. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 96–103. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-96-103>

В статье автором исследуется проблема коммуникативного взаимодействия в концепции обучения одарённых детей. Представлен практический опыт наблюдений коммуникативного взаимодействия в образовательном процессе работы с одарёнными детьми.

Основная цель заключается в установлении роли коммуникативного взаимодействия в музыкально-творческом педагогическом процессе. В искусстве это исключительно многоплановый и диалектически сложный процесс. Его многообразие состоит в том, что наряду с непосредственным взаимодействием педагога и ученика, возникают связи иного плана – высоко технологического, исторического и содержательного.

На индивидуальных уроках обучения игре на фортепиано происходит творческое взаимодействие двух личностей, индивидуальностей, иначе говоря, двух психологий.

Профессиональный музыкант-исполнитель должен обладать обширным кругом качеств и компетенций. Кроме основных профессиональных исполнительских качеств: развитая исполнительская техника, навыки чтения с листа, музыкальный слух, чувство ритма, музыкальная память и другие, важно развивать такие качества как, творческое мышление, воображение, стрессоустойчивость, целеустремлённость и коммуникативность. Особенно необходимо знание психологических механизмов взаимоотношения преподавателя и ученика [10]. Следует отметить, что с точки зрения психологических аспектов этих взаимоотношений происходит психологический контакт двух личностей, который тесно связан с моментом профессионального коммуникативного взаимодействия.

«Как ни парадоксально звучит, но научить играть ученика нельзя, можно лишь помочь ему научиться играть, понимать и выражать содержание музыки. Поэтому главной задачей педагога является «открытие» ученика для

себя, понимание его возможностей и перспектив, после которого нужно стремиться помочь ему «открыть» себя, понять свои сильные и слабые стороны. В конечном итоге именно это помогает «открыть» музыканта для искусства. Преподаватель и ученик в совместной работе открывают новое, иными словами, совместно учатся. Постигая ученика, учитель постигает самого себя» [4;22].

Один из важных вопросов в музыкально-творческом педагогическом процессе: что развивать у ученика? У талантливого ученика важно развивать его индивидуальное начало, именно это ему легче всего дается, так как обусловлено задатками. У среднего ученика необходимо развивать всё и тщательно следить за малейшим проявлением индивидуальности и сосредотачивать внимание именно на этом, что будет стимулировать его дальнейшее развитие [6]. Очень интересен на практике метод психологического эксперимента. Он применим к талантливым ученикам. В своей педагогической деятельности я часто обращаюсь к такому эксперименту. Даю некоторым ученикам программу повышенной сложности, т. е. сознательно заставляю ученика преодолеть определенный психологический барьер, но, именно это для будущего пианиста открывает большие перспективы. Конечно, этот метод возможно применить только с одарёнными детьми, именно такие дети обучаются в Филиале «Центральной музыкальной школы – Академии Исполнительского Искусства» «Сибирский». В данном образовательном учреждении обучаются только одарённые дети. На данный момент «ЦМШ – АИИ» является образцом системы непрерывного музыкального образования. Эта система включает в себя все этапы обучения; начальное общее образование; среднее профессиональное образование; высшее образование. В Детских музыкальных школах и Детских школах искусств дети обучаются по общеразвивающим и предпрофессиональным программам. В «ЦИШ – АИИ» с самого начала её основания и по сей день, дети обучаются по интегрированным программам. Их особенность в том, что помимо специальности и музыкально-теоретических дисциплин, воспитанники изучают общеобразовательные предметы. Хотелось бы отметить, что программы по специальности тоже имеют существенные отличия. Это касается и контрольных срезов, и содержания программы, и репертуарного списка.

«Развитие индивидуально-направленного типа самоконтроля должно быть предметом заботы педагога. Для воспитания в учениках самостоятельности полезно, чтобы они время от времени сами, без помощи педагога, выучивали небольшие произведения. Разученные таким путем пьесы полезно прослушать на классных собраниях, с последующим обсуждением и выявлением достоинств и недостатков» [1;26].

Огромное значение в обучении ученика имеет слово. Какова же психологическая сторона воздействия слова. Замечания и объяснения преподавателя должны быть грамотными, логичными и профессиональными.

Существует опасность создания замечаниями педагога отрицательной эмоционально психологической атмосферы. Позитивное замечание нацеливает на выполнение поставленных задач, а негативное возбуждает сопротивление. Евгений Михайлович Тимакин – талантливый пианист-педагог, воспитал целую плеяду выдающихся исполнителей. Будучи мудрым педагогом и первоклассным методистом, говорил, что «каждый ученик – это книга, которую мы должны изучать» [12; 121].

Существуют и некоторые специальные психологические приемы, помогающие справляться с той или иной трудностью. Одним из них является прием «замещения представления в сознании», который заключается в том, что представление о сущности того или иного выразительного средства, исполнительского движения временно заменяется иным – сопутствующим или контрастным. В практике такой метод применяется зачастую интуитивно, что приводит к эпизодичности использования этого важного психологического приёма организации двигательного аппарата. Частично такой приём используется в практике с давних пор под названием «отвлечение внимания» [2]. Порой излишнее внимание к самому процессу игры вызывает слишком большую волевою активность исполнителя, что приводит к скованности. Возможен и другой вариант – контрастная замена представления, при которой выделяются противоположные качества процесса. «Обратное» представление помогает уяснить границы и сущность основного представления. Так, плохо получающиеся эпизоды *fortissimo* поиграть *pianissimo*, а пассаж *legato – non legato*. Суть и корректирующей и контрастной замены представлена в том, что они связаны, с уточнением конкретной задачи, стоящей перед исполнителем, и тех границ, за пределами которых нарушаются условия ее успешного решения. В то же время такие приёмы зачастую могут успешно выполнять и чисто субъективно психологическую роль, позволяя освободиться от нежелательных привычек, снять опасность «заигранных» мест. Они призваны выполнять и образно художественную роль, позволяют расширить представление о содержательных моментах сочинения. Естественно, психологическая сторона деятельности педагога в процессе общения с учеником на этом не исчерпывается, существует много и других способов психологического воздействия на ученика [11]. «По словам Гегеля, любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком. Этим художественное общение радикально отличается от научной, технической, деловой коммуникации» [3; 23].

Я остановлюсь на тех, которые помогают мне в работе с моими учениками. В процессе совместной работы учителя и ученика важную роль играет личность учителя, его умение найти подход к ученику, владеть аудиторией [3].

Для выполнения важных педагогических задач для преподавателя необходимы – эмоциональность, инициативность, творчество, способность к собственной интерпретации, исполнительская воля и самообладание [5].

По мнению А. Д. Алексеева, преподаватель должен:

- 1) воспитать у ученика общую культуру, т. е. мировоззрение и моральные качества;
- 2) привить ученику музыкальную культуру, развить музыкальный слух;
- 3) обучить умению высказываться средствами своего инструмента;
- 4) воспитать исполнительские качества: волю к воплощению музыки, к общению со слушателями и к воздействию на слушателя [1].

Мильштейн Я. И. говорил: «Надо избегать в работе с учеником готовых рецептов, подсказок. Задача педагога заключается в том, чтобы развивать в ученике инициативу, укрепить в нем стремление к самостоятельному поиску, стремление самому находить, отыскивать верные решения. Велика роль в этом поиске интуиции. Надо лишь знать, что интуиция обычно приходит к ученику тогда, когда многое им уже обдумано, проверено, опробовано. Она может открыть ученику сразу все, но может ограничиться и отдельными частными находками, касающимися средств выражения, деталей, чувства меры и многого другого» [7; 213].

«Софроницкий как-то хорошо подметил, что в нотах, в сущности, написано все, и в то же время ничего. Если учесть вторую половину этой формулы, то искусство пианиста любого возраста – искусство авторское. Пианист должен найти для исполняемой им музыки «язык», понятный людям его времени. Он должен быть по-новому выразителем. В этом и заключается его авторство или, точнее, соавторство с тем композитором, которого он играет» [7;209].

Очень интересными и своеобразными были приёмы общения и воздействия на ученика на занятиях у Г. Г. Нейгауза. Среди них были меткие выражения, образные сравнения, великолепные показы за инструментом. Неудивительно, что на его уроках, даже скромные, незаметные, малоодаренные ученики, были втянуты в атмосферу высокой требовательности, могли сделать то, что трудно было от них ожидать [9].

Главная цель, которую преследовал Нейгауз, работая с учениками, была как можно скорее стать ненужным ученику... «Устранить себя, вовремя уйти со сцены, то есть привить ему ту самостоятельность мышления, методов работы, самопознания и умения добиваться цели, которые называются зрелостью, порогом, за которым начинается мастерство» [9;187].

Для достижения наивысшей педагогической цели, необходимо, чтобы преподаватель, обладая тонким эстетическим видением окружающего мира, понимая психологию ученика, умел обеспечить творческий контакт на уроке, способствовал воспитанию у ученика таких качеств, как воля,

настойчивость, инициатива, а все это достигается путем совместного творчества [7].

В статье описаны и проанализированы наблюдения коммуникативного взаимодействия в обучении одарённых детей.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена задача создания культурно-образовательных и музейных комплексов, включающих в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и другие творческие школы, а также выставочные пространства [8].

Задача комплексов – формирование доступности великой русской культуры для населения Российской Федерации. Одной из частей такого культурного кластера стал Филиал «Центральной музыкальной школы – Академии исполнительского искусства» «Сибирский».

Главная задача образовательного учреждения – воспитание музыкантов-исполнителей высочайшего класса. Для достижения поставленной цели осуществляется выявление в младшем возрасте, конкурсный отбор и развитие музыкально одарённых детей Кемеровской области и других субъектов Российской Федерации. Образовательный процесс у будущих музыкантов связан с выработкой качеств, необходимых для самореализации в выбранной профессии. основополагающим принципом становится коммуникативное взаимодействие, у воспитанников филиала появилась возможность обучаться у одних и тех же преподавателей по специальности, переходя из одной ступени образования к другой.

Осуществляя преподавательскую деятельность в Филиале ЦМШ-АИИ «Сибирский» в течение двух лет, наработан опыт в вопросе коммуникативного взаимодействия преподавателей и обучающихся. Следует подчеркнуть, что развивает учащихся, повышает уровень их учебной и профессиональной работы взаимодействие с кураторами, ведущими московскими преподавателями ЦМШ-АИИ. В рамках учебного процесса воспитанники Филиала проходят серьезную подготовку. В 2021–2022 учебном году ведущими преподавателями ЦМШ-АИИ г. Москва было проведено свыше 800 мастер-классов с учащимися Филиала. Также специалисты ЦМШ-АИИ осуществляют промежуточную и итоговую аттестацию, тем самым стимулируя одарённых детей, которые получают профессиональное музыкальное образование. Мастер – классы, проходящие онлайн, особо интересны, они проходят в формате видеоконференции на дисклавире. Дисклавир – это высокотехнологичная разработка традиционного акустического рояля, который дополнен специальной системой, она способна фиксировать малейшие детали исполнения и в точности воспроизводить работу всего фортепианно-

го устройства. Если соединить два Дисклавира друг с другом по сети Интернет, то можно в реальном времени передавать игру музыканта с одного инструмента на другой, находящийся в любом уголке мира. Именно так проходят занятия с учащимися Филиала «Сибирский». В этом случае можно говорить о коммуникативном взаимодействии на основе высоких технологий.

Одним из новых направлений в работе стало проведение мастер-классов с учащимися ДМШ и ДШИ города Кемерово и области. Первое «пилотное» мероприятие было проведено специалистами кафедры Специального фортепиано. В настоящее время, результатом этой работы является повышение качества подготовки концертных и конкурсных программ, раннее профессиональное ориентирование, повышение престижа музыкального образования для многих учащихся. Для детей созданы уникальные условия для обеспечения непрерывного музыкального образовательного процесса на самом высоком уровне.

И, конечно, успешное обучение ученика, его развитие и дальнейшая профессиональная ориентация никогда не состоятся без наличия грамотного, высококвалифицированного преподавателя. В современных условиях преподавателям предоставлены широкие возможности для повышения своего профессионального уровня. И очень отраднo, что это востребовано. Ученики Филиала ежегодно участвуют в Летней творческой школе, в свою очередь преподаватели Филиала проводят открытые мастер-классы в рамках творческого проекта «Всероссийский онлайн-курс по музыкальной педагогике» в режиме телемоста на Федеральной территории «Сириус». В 2021–2022 и 2022–2023 учебном году я прошла курсы повышения квалификации у своих наставников, выдающихся преподавателей, профессоров ЦМШ-АИИ в Москве и в Образовательном фонде «Талант и успех» по программе «Особенности работы с одарёнными детьми в системе музыкального образования» на Федеральной территории «Сириус».

Таким образом, обеспечивая и сохраняя традиции профессионального образования, школа проявляет интерес и активность, коммуникативно взаимодействуя, создает особую активную творческую среду, которая, безусловно, способствует развитию учащихся, преподавателей и учреждения в целом.

Подводя итоги, можно отметить – что коммуникативное взаимодействие является одним из основных видов в организации успешного учебного процесса в классе специального фортепиано. И если будет создана образовательная среда, где в психологически комфортных условиях происходит организация образовательного процесса, отличающегося целостностью, высокой функциональностью и креативностью, то обучение будет более успешным.

Список литературы

1. *Алексеев А. Д.* Методика обучение игре на фортепиано: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2021. 280 с.
2. *Алиева К. Р.* Психология формирования творческого потенциала личности: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2009. 145 с.
3. *Байбикова Г. В.* Основы музыкально-педагогического общения: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2020. 132 с.
4. *Баринова М. Н.* Очерки по методике фортепиано: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2022. 192 с.
5. *Грехнев В. С.* Культура педагогического общения: книга для учителя. Москва: Просвещение, 1990. 144 с.
6. *Каган М. С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. Москва: Политиздат, 1988. 319 с.
7. *Мильштейн Я. И.* Вопросы теории и истории исполнительства: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2020. 264 с.
8. Национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года (утверждены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204): URL: https://digital.tatarstan.ru/file/pub/pub_1960762.pdf
9. *Нейгауз Г. Г.* Об искусстве фортепианной игры: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2017. 264 с.
10. *Немов Р.* Общие основы психологии: учеб. пособие. Москва: Владос, 2004. 687 с.
11. *Савшинский С. И.* Пианист и его работа: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2018. 276 с.
12. *Тимакин Е. М.* Воспитание пианиста: учебное пособие. Москва: Музыка, 2009. 168 с.

ЦЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.013.43

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-104-113>

Ольга Викторовна МИЛИЦИНА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Российская Федерация, e-mail: olga-curan@yandex.ru

Светлана Владимировна ШИШКИНА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Российская Федерация, e-mail: sv430903@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен анализ ценностного содержания индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности. На основе изучения исследований в области аксиологии и философии музыки обосновывается идея о том, что именно деятельность составляющая музыкального творчества выступает ведущим механизмом обнаружения и присвоения личностью ценностей музыкального искусства. Раскрывается дуализм аксиологической сущности музыкально-творческой деятельности, благодаря чему происходит опредмечивание, интериоризация и трансляция ценностей. Одним из условий интериоризации ценностей авторы считают возникновение ситуации «встречи с ценностью», когда должны возникнуть ценностные отношения, произойти ценностно-смысловое общение. Особое внимание уделено общезначимым и специфическим ценностям, заключенным в индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности. Методология исследования опирается на аксиологический, культурологический и деятельностный подходы, с позиции которых роль музыки как средства социального инструмента воспитания рассматривается с позиции музыки как стимула человеческой деятельности. Авторами подчеркивается необходимость детального рассмотрения содержательно-смысловых сторон музыкальной практики и применительно к индивидуальной музыкально-творческой деятельности актуализируются такие составляющие процесса опредмечивания ценностей как музыкально-эстетический опыт, трактующийся как продуктивное освоение личностью ценностей музыкального искусства и творчества и креативность как способность и готовность личности к инновациям. Говоря о совместном музыкальном творчестве в статье рассмотрены ценность диалогического взаимодействия, расширяющегося в коллективном творчестве до полилога и ценность творчества, переходящего на уровень совместного творчества – сотворчества. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в анализе ценностного содержания индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности с позиций аксиологического, культурологического и деятельностного подходов.

Ключевые слова: ценности, культура, творчество, индивидуальная и коллективная музыкально-творческая деятельность, аксиологический подход, деятельностный подход.

Для цитирования: Милицина О. В., Шишкина С. В. Ценности индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 104–113. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-104-113>

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Сохранение культурного наследия в музыкально-образовательном процессе».

VALUES OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE MUSICAL AND CREATIVE ACTIVITY

Olga V. Militzina, CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Art and Music Education, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk, Russian Federation, e-mail: olga-curan@yandex.ru

Svetlana V. Shishkina, CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Art and Music Education, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk, Russian Federation, e-mail: sv430903@yandex.ru

Abstract: The article presents an analysis of the value content of individual and collective musical and creative activities. Based on the study of research in the field of axiology and philosophy of music, the idea is substantiated that it is the activity component of musical creativity that acts as the leading mechanism for discovering and appropriating the values of musical art by a person. The dualism of the axiological essence of musical and creative activity is revealed, due to which objectification, internalization and translation of values take place. One of the conditions for the interiorization of values, the authors consider the emergence of a situation of "meeting with value", when value relations should arise, value-semantic communication should occur. Particular attention is paid to the generally significant and specific values contained in individual and collective musical and creative activities. The research methodology is based on axiological, culturological and activity approaches, from the position of which the role of music as a means of a social instrument of education is considered from the position of music as a stimulus for human activity. The authors emphasize the need for a detailed consideration of the content-semantic aspects of musical practice and, in relation to individual musical and creative activity, such components of the process of objectification of values as musical and aesthetic experience, which is interpreted as a productive mastering of the values of musical art and creativity by the personality, and creativity as the ability and readiness of the individual to innovate, are actualized. Speaking about joint musical creativity, the article considers the value of dialogic interaction, expanding in collective creativity to polylogue and the value of creativity, moving to the level of joint creativity – co-creation. The theoretical and practical significance of the article lies in the analysis of the value content of individual and collective musical and creative activity from the standpoint of cultural and activity approaches.

Keywords: values, culture, creativity, individual and collective musical and creative activity, axiological approach, activity approach.

For citation: Militzina O. V., Shishkina S. V. Values of individual and collective musical and creative activity. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 104–113. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-104-113>

Проблема ценностной сущности музыкального искусства, культуры, исполнительства и образования получила разработку в различных направлениях гуманитаристики, среди которых следует назвать философию и аксиологию музыки, эстетику, герменевтику, семиотику, культурологию, социологию, музыкальную педагогику и психологию, музыковедение и др. Целый ряд отечественных (Б. В. Асафьев, В. В. Медушевский, М. С. Каган, Г. Г. Коломиец, А. Ф. Лосев, А. Н. Сохор, Ю. Н. Холопов, Т. В. Чередниченко, А. И. Щербакова и др.) и зарубежных (V. Brožík, Th. Regelski) исследователей обращались к разным граням этого важнейшего человековедческого вопроса. Вместе с тем, в более детальном рассмотрении нуждаются содержательно-смысловые стороны музыкальной практики, в которой получают деятельностное преломление ценностные ориентации музыкантов, а также аксиологические аспекты музыкального творчества в его индивидуальном и коллективном выражении, что и обуславливает актуальность представляемой работы.

Ценности выступают универсальной междисциплинарной категорией [10]. Как отмечает известный специалист в области педагогической аксиологии А. В. Кирьякова, «генезис понятия “ценность” показывает, что в нем были соединены три значения: характеристика внешних свойств предметов, выступающих как объект ценностного отношения; психологические качества человека, являющегося субъектом этого отношения; отношения между людьми, их общение, благодаря которому ценности обретают общезначимость» [6, с. 48].

Аксиологический «депозитарий» обширен. Ценности классифицируются на смысложизненные, универсальные и традиционные, которые, в свою очередь, подразделяют на витальные, социальные, нравственные, утилитарные, гедонистические, религиозные, познавательные, эстетические и другие подвиды [23].

В. Брожик утверждает, что «любая иерархизация ценностей, любая их типология является выражением вполне определенного, исторически достигнутого состояния общества. Помимо этого она выражает уровень развития оценочных средств и норм общества» [24, с. 28].

Поскольку ценности имеют не только субстанциональное значение, но и реализуются в субъект-объектных (М. С. Каган, Л. Н. Столович и др.) и субъект-субъектных (Г. П. Выжлецов, О. Г. Дробницкий и др.) отношениях, то они в значительной степени опосредуются индивидуально-психологическими качествами человека. Поэтому одной из важнейших характеристик ценностей выступает их эмоциональная основа: не случайно многие из ценностей употребляются с добавлением словом «чувство» – чувство любви, чувство Родины, чувство долга, чувство природы и др. «Ценности, если они пережиты личностью, приняты ею эмоционально», – утверждал М. С. Каган [5, с. 17]. Эмоции принимают участие в про-

цессе вчувствования в ценности, переживания и проникновения в их смысл, оценки и внутреннего присвоения.

В контексте обсуждаемой темы особым значением обладают эстетические ценности, основными из которых считаются красота, гармония и творчество. В свою очередь, применительно к искусству, исследователи говорят о художественных ценностях, и, соответственно, в рамках аксиосферы музыки – о ценностях музыкального искусства.

Одним из первых в отечественной науке¹ о необходимости осмысления и актуализации аксиологической сущности музыкального искусства заявил в середине XX в. А. Н. Сохор. В своей работе «Социология и музыкальная культура» он указывал на необходимость изучения «теории ценностей в музыке – музыкальной аксиологии» [13, с.46]. Ученый вводит понятие «музыкальные ценности», говоря о том, что они входят в систему музыкальной культуры общества, выступая «предметной основой» музыкального творчества и результатом творческой деятельности: «Творчество как деятельность рождает (а «блок» творчества вбирает в себя) ценности двоякого рода: духовно-материальные (музыкальные произведения или отдельные выразительные средства) и чисто духовные (творческие идеи, нормы стиля и жанра, музыкально-эстетические идеалы)» [14, с.7].

В свете темы настоящей публикации следует выделить докторские диссертационные исследования А. И. Щербаковой [21] и Г. Г. Коломиец [8], содержание которых охватывает проблемы аксиологической сущности музыкального искусства и музыки как источника формирования ценностных ориентаций личности в двуединстве этих ракурсов, в нерасторжимой целостности «философии музыки и философии человека» [22, с. 4].

Рассматривая музыку как «носитель ценности и объект познания», А. И. Щербакова трактует ценностное пространство музыки как особое «духовное пространство, в котором рождаются, самоутверждаются, функционируют и преображаются высшие духовные смыслы и ценности бытия» [22, с. 4].

Отталкиваясь от определения М. С. Кагана, что культура может рассматриваться как «мир воплощенных ценностей» [5, с. 18], логично утверждать, что в музыке осуществляется экспликация ценностной картины мира. «Если культура, – пишет Г. Г. Коломиец, – совокупность, система ценностей, выработанных человеком, то музыкальная культура – совокупность, система музыкальных ценностей, ценностей музыки, музыкального творчества» [9, с. 12]. При этом, по мнению исследователя, «культурным стержнем» ценностного взаимодействия музыки и человека выступает триада общечеловеческих ценностей «Красота, Добро, Истина» [9, с. 13].

Ценности составляют сущность музыкальной культуры, которая выступает «смысловым полем ценностного взаимодействия» (Г. Г. Коломиец)

¹ Первой работой музыкально-аксиологической направленности считается статья Б. В. Асафьева «Ценность музыки» (1923) [2].

и «возникает в стремлении человека утверждать ценности, воплощая их всё более полно, совершенно и значимо. В своей культурной деятельности, – писал М. С. Каган, – человек создает ценности, опредмечивая, закрепляет их и тем самым обеспечивает возможность их накопления и передачи последующим поколениям. Ценности – регулятор человеческого поведения и высшая цель его деятельности» [5, с. 18].

Таким образом, многими авторами подтверждается двусторонняя аксиологическая природа музыкального искусства и соответствующей ему деятельности: музыки как субстанциональной сущности, заключающей ценности художественно-эстетического порядка, и музыки как «способа ценностного взаимодействия человека с миром» [9, с. 5], воплощающей ориентиры и смыслы духовной культуры человека. Раскрывая дуализм этой ситуации, Г. Г. Коломиец поясняет: «Ценность музыки <...> предполагает “личностный смысл”, т. е. значимость для человека. Говорить о ценности музыки можно только в виде диалогической взаимосвязи: музыка – человек» [9, с. 24]. Постигание же ценности музыки, по мысли ученой, осуществляется в системе «человек – мир – музыка» [Там же].

Методология исследования опирается на аксиологический, культурологический и деятельностный подходы.

В центре многих аксиологических исследований (О. Ф. Асатрян, Н. А. Журавлева, А. Г. Здравомыслов, А. В. Лысенко, Б. М. Целковников, А. И. Щербакова, М. С. Яницкий и др.) находится проблема формирования ценностных ориентаций личности как системы закрепленных в сознании человека установок, предпочтений, идеалов, детерминирующих ценности в индивидуально определяемой иерархии. Говоря о важности становления «ценностного центра» личности молодого музыканта, Г. Г. Коломиец в то же время расставляет смысловые акценты в реализации аксиологического подхода, подчеркивая, что необходимо пересмотреть использование музыки как средства социального инструмента воспитания (закрытая система) и перейти к музыке как стимулу человеческой деятельности (открытая система) [9, с. 3].

В данном утверждении наиболее значимым нам видится акцент на *деятельностной составляющей* процесса ценностного взаимодействия личности и музыкального искусства. Ценности не обнаруживаются сами по себе и не усваиваются в готовом виде, на примере чужого опыта. Поэтому очевидно, что на первый план в процессе исследования ценностного потенциала музыкально-творческой деятельности выступает проблема механизмов обнаружения ценностей – их *опредмечивания* (в терминологии М. С. Кагана), ведущим из которых мы считаем деятельностный подход.

Способом существования личности является продуктивная деятельность, под которой понимается «либо создание новых ценностей, либо достижение, получение известного результата новыми, более эффективными способами и средствами» [19, с. 295]. В этой логике под музыкально-

творческой деятельностью с позиций аксиологического подхода можно понимать продуктивную созидательную деятельность, направленную, с одной стороны, на обнаружение и интериоризацию ценностей, заключенных в предмете этой деятельности – в произведениях музыкального искусства, а, с другой, непосредственно само творчество, порождающее в человеке новые духовные ценности. «Человек творит культуру и культура творит человека», – указывал на взаимообратимость культуротворческих процессов М. С. Каган [4, с. 110].

Одним из условий присвоения (интериоризации) ценностей является возникновение ситуации «встречи с ценностью». Выражаясь культурологическим языком, должны возникнуть ценностные отношения, произойти ценностно-смысловое общение. Музыкально-творческая деятельность в своей основе имеет художественно-диалогическое начало. В процессе осуществления контакта музыканта с произведением создается не только звуковой образ исполняемой музыки, но и реализуются механизмы диалога, художественного общения и переживания: «Потому контакт с произведением является одновременно его созерцанием, переживанием, пониманием, творческим воссозданием в воображении, личностной интерпретацией и наслаждением...» [4, с.299].

М. С. Каган высказывал мысль о том, что культура – это одновременно предметная деятельность и деятельность общения, при которой предметом выступает произведение искусства, а в деятельности по его освоению (в работе над ним) возникает художественное общение. Ученый подчеркивал, что именно в процессе деятельности и общения идет процесс приобщения к художественным ценностям – для познания предметов культуры важно понимание, важен диалогический контакт: «Именно диалогический характер постижения человеком искусства является его основой» [4, с. 294]. Иными словами, чтобы приобщиться к какой-либо ценности, заключенной в музыкальном искусстве, нужно вступить в *диалог* с ней. Раз это духовное общение, то здесь важны не только ценности самого произведения искусства, но важны и нравственные ценности: «Передать другому свои ценности можно лишь в процессе духовного общения» [4, с. 294]. Следовательно, система ценностей личности в процессе музыкально-творческой деятельности формируется на основе одновременного приобщения личности к художественным и нравственным ценностям.

Полнота ценностного обогащения личности зависит от степени личностного принятия ею ценности – то есть ценность присваивается тогда, когда человек переживает, размышляет и рефлексировывает. Такой процесс мы можем охарактеризовать как эмоционально-ценностное переживание. «Ценности – это внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности, и потому воспринимается им как его собственная, духовная интенция...» [5, с. 164].

Таким образом, можно обозначить следующую последовательность механизмов взаимодействия личности и ценностного мира музыкального искусства в процессе музыкально-творческой деятельности: ситуация встречи с ценностью – диалог – переживание – интериоризация ценности – введение ее в систему предыдущих ценностей.

Процессы общения с культурой и опредмечивания ценностей в ходе музыкально-творческой деятельности актуализируют категорию музыкально-эстетического опыта, который в русле аксиологического и деятельностного подходов может трактоваться как продуктивное освоение личностью ценностей музыкального искусства и творчества. При этом основными характеристиками данного опыта выступают его субъективность, эмоционально-смысловая осознанность, эстетическое переживание и оценка результата. Алгоритм становления индивидуального опыта творческой деятельности опирается на триаду «ценности духовной культуры – индивидуальность – творчество».

Мы полагаем, что наряду с приобщением к общезначимым ценностям, музыкально-эстетический опыт подразумевает создание и интериоризацию специфических ценностей, зависящих от осваиваемого вида музыкальной деятельности. Так, например, к числу подобных ценностей индивидуального исполнительского творчества могут быть отнесены искренность и проникновенность личностного выражения музыканта, глубина и содержательность его исполнения, развертывание диалога со слушателем, точность воплощения композиторского замысла, соизмеримость индивидуальной интерпретации авторскому тексту и др.

Очевидно, что помимо художественных ценностей, имманентно заключенных в произведениях музыкального искусства, доминантной ценностью музыкально-творческой деятельности выступает креативность. Говоря о креативности как о «ценностно-личностной созидательной категории», А. В. Кирьякова и В. В. Мороз подчеркивают, что это качество обладает не только общезначимым смыслом, приобретшим в последние годы тотальное распространение, но, прежде всего, представляет собой «феномен, связанный с культурой, который является результатом обмена социальными идеями, системами и ценностями» [7, с. 14]. Актуализация креативности как ценности, по мнению ученых, определяется тем, что «одной из ценностей современного общества является способность и готовность личности к инновациям, которые, в свою очередь, являются реализованной, воплощенной в жизнь креативностью» [7, с. 15]. Таким образом, именно благодаря ценностной сущности креативности, в музыкально-творческой деятельности осуществляется переход от *“Homo Faber”* («Человека делающего») – к *“Homo Creans”* («Человеку творящему»).

Коллективная музыкально-творческая деятельность аккумулирует ценностные смыслы и значения деятельности индивидуальной, но при

этом приобретает и новые аксиологические акценты. Рассматривая коллектив с социальной и культурной точек зрения, и указывая на то, что в понятии «совместная деятельность людей» соединяются общество и культура, М. С. Каган замечал: «Общество и культура встречаются здесь, <...> делая этот процесс двусторонним – одновременно социализацией и культуризацией индивида» [5, с. 105]. Следовательно, рассматривая музыкальный коллектив как социум, можно утверждать, что совместная музыкально-творческая деятельность порождает у ее участников такие социально-нравственные ценности, как общность, единство, сплоченность, взаимовыручку, способность понимать и чувствовать других (эмпатию), альтруизм, толерантность и др.

Ученый выделял в коллективе и другие характеристики: «Коллектив – это совокупный субъект, <...> но его качественное своеобразие состоит в том, что составляющие его индивиды объединены личными отношениями...» [5, с. 116]. Соответственно, взаимоотношения и коммуникация становятся важными составляющими коллективной творческой деятельности, выдвигающими на первый план в совместном музыкальном творчестве ценности диалогического взаимодействия. При этом, если в отношении индивидуальной музыкально-творческой деятельности мы говорили о диалоге, то применительно к коллективному творчеству он расширяется до *полилога* как полифонического пространства множественных личностных и художественно-эстетических позиций, объединяемых общим предметом деятельности. Особое значение и звучание в коллективной музыкальной деятельности приобретает и такая ценность, как творчество, переходящая в ней на уровень совместного творчества – сотворчества.

Таким образом, можно отметить определенную динамику ценностных отношений: в ходе индивидуальной музыкально-творческой деятельности личность проходит путь от общения с ценностями к *при*-общению к ним, а в коллективной творческой деятельности осуществляется движение от диалога к *полилогу* и от творчества – к *со*-творчеству.

Осуществленный анализ ценностного содержания индивидуальной и коллективной музыкально-творческой деятельности позволяет сформулировать некоторые выводы.

Аксиологический подход опирается на значимость общечеловеческих ценностей, воплощенных в музыкальном искусстве. Особое ценностное наполнение музыки, заключающей в себе взаимодействующие художественные и духовно-нравственные ценности, сообщает музыкальному творчеству культурные смыслы. Музыкально-творческая деятельность в своем аксиологическом содержании имеет двусторонний характер: с одной стороны, в ней опредмечиваются ценности музыкального искусства, а, с другой, музыканты, выступающие субъектами этой деятельности, становятся носителями и коммуникаторами этих ценностей.

В то же время, музыкальное творчество является механизмом присвоения личностью ценностей духовной культуры, воплощенных в музыкальном искусстве. Именно деятельностная составляющая музыкального творчества создает условия для обнаружения и интериоризации ценностей музыки, а также порождает в человеке новые духовные ценности. Ценности музыкально-творческой деятельности реализуются в диалогических взаимоотношениях человека с музыкой и между людьми и опосредуются эмоционально-ценностным переживанием, художественным общением и музыкально-эстетическим опытом.

Список литературы

1. *Асатрян О. Ф.* Теоретико-методологические основы сущностной природы социально-ценностных профессиональных ориентаций учителя музыки XXI века // Музыкальное искусство и образование. 2015. № 2 (10). С. 83–94.
2. *Асафьев Б. В.* (Игорь Глебов). Ценность музыки // De musica: сб. статей под ред. И. Глебова. Петроград: Петроградская государственная академическая филармония, 1923. С. 5–34.
3. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 148 с.
4. *Каган М. С.* Музыка в мире искусств. Санкт-Петербург: Изд-во Ut, 1996. 232 с.
5. *Каган М. С.* Философия культуры. Санкт-Петербург.: Петрополис, 1996. 416 с.
6. *Кирьякова А. В.* Теория ориентации личности в мире ценностей: монография. Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1996. 188 с.
7. *Кирьякова А. В., Мороз В. В.* Креативность сквозь призму аксиологии // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2 (92). С. 10–20.
8. *Коломиец Г. Г.* Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром: дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2006. 454 с.
9. *Коломиец Г. Г.* Ценность музыки: философский аспект: монография. 4-е изд. Москва: URSS, 2012. 536 с.
10. *Леонтьев Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 36–42.
11. *Никандров Н. Д.* Ценности как основа целей воспитания // Педагогика. 1998. № 3. С. 3–10
12. *Оболенская М. М.* Ценностный подход в музыке: опыт разработки методики // Южно-российский музыкальный альманах. 2016. № 2 (23). С. 22–27.
13. Педагогическая аксиология: ценностные доминанты современности: коллективная монография / М. В. Богуславский, Н. А. Асташова, Е. В. Бирюлина, Л. В. Садовая, О. В. Верхорубова. Брянск: Десяточка, 2013. 300 с.
14. *Сохор А. Н.* Социология и музыкальная культура. Москва: Советский композитор, 1975. 202 с.

15. *Столович Л. Н.* Красота. Добро. Истина. Москва: Республика, 1994. 464 с.
16. *Столович Л. Н.* Природа эстетической ценности. Москва., 1972. 272 с.
17. *Риккерт Г.* О системе ценностей. Москва: Логос, 1994. 182 с.
18. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. Москва; Нью-Йорк, 1973. 276 с.
19. *Фурсенко Т. Ф., Шевченко В. А.* Сущность понятия «ценностные ориентации личности в области музыкальной культуры» и его структура // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–1. С. 292–295.
20. *Чередниченко Т. В.* К проблеме художественной ценности в музыке // Проблемы музыкальной науки: сб. статей. Вып. 5. Москва: Советский композитор, 1983. С. 255–295.
21. *Щербакова А. И.* Аксиологическая подготовка учителя музыки на современном этапе: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2004. 568 с.
22. *Щербакова А. И.* Феномен музыкального искусства: в поиске духовных смыслов и ценностей бытия // Художественное образование и наука. 2015. № 4. С. 3–6.
23. *Яницкий М. С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. 204 с.
24. *Brožík Vladimír.* Hodnotové orientácie. Nitra: FFUKFvNitre, 2000. 125 p.
25. *Regelski Thomas.* Musical Values and the Value of Music Education // Philosophy of Music Education Review. 2002. № 10 (1). Pp.49–55.

СИСТЕМНОСТЬ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ КАК ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

УДК 378.1: 793.3

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-114-124>

Татьяна Виталиевна САБАНЦЕВА,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры режиссуры и хореографии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация,
e-mail: sabtv@mail.ru

Аннотация: В публикации конкретизируется понятие «хореографическая педагогика» как специализированного раздела профессиональной педагогики, осуществляющей танцевальную подготовку различного уровня образования. Определены ее основные методы, приемы и формы организации, а также описан принцип, основу которого составляет взаимодействие таких звеньев, как – «педагог – ученик – зритель – педагог». Обосновываются две основные задачи хореографической педагогики – техническая и творческая, как важные показатели успешности студента-хореографа, а далее и будущего педагога-хореографа. Техническая задача подразумевает воспитание, обучение и совершенствование методики исполнения движений в различных хореографических направлениях студента-хореографа, а творческая – совершенствование развития художественной выразительности различными приемами и формирование его индивидуальности в собственных хореографических композициях. Предложены модули и алгоритм сочетания профессионально – творческих и теоретических дисциплин, как основа системного подхода в хореографической педагогике. Обоснована значимость применения в современном образовательном пространстве системного подхода в хореографической педагогике.

Ключевые слова: хореографическая педагогика, задачи, студенты, педагогическая деятельность, компетенции, системный подход.

Для цитирования: Сабанцева Т. В. Системность в хореографической педагогике как фактор результативности обучения // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 114–124. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-114-124>

CONSISTENCY IN CHOREOGRAPHIC PEDAGOGY AS A FACTOR OF LEARNING EFFECTIVENESS

Tatiana V. Sabantseva, CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Directing and Choreography, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e-mail: sabtv@mail.ru

Abstract: The publication specifies the concept of “choreographic pedagogy” as a specialized section of professional pedagogy that provides dance training at various levels of education. Its main methods, techniques and forms of organization are defined, and the principle is described, the basis of which is the interaction of such links as “teacher – student – viewer – teacher”. Two main tasks of choreographic pedagogy

are substantiated – technical and creative, as important indicators of the success of a student choreographer, and then a future teacher-choreographer. The technical task implies education, training and improvement of the student-choreographer's methods of performing movements in various choreographic directions, and the creative task involves improving the development of artistic expressiveness using various techniques and the formation of his individuality in his own choreographic compositions. Modules and an algorithm for combining professional, creative and theoretical disciplines are proposed as the basis of a systematic approach in choreographic pedagogy. The importance of using a systematic approach in choreographic pedagogy in the modern educational space is substantiated.

Keywords: choreographic pedagogy, tasks, students, pedagogical activity, competencies, systematic approach.

For citation: Sabantseva T. V. Consistency in choreographic pedagogy as a factor of learning effectiveness. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 114–124. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-114-124>

Современное образовательное пространство находится в периоде поиска новых методологических ориентиров в связи с меняющимися условиями общественного развития. Педагогика, относящаяся к социальным наукам, испытывает все те же потребности и изменения, которые происходят во всех блоках общественных наук. Поэтому столь важно находить сегодня правильные методы и приемы обучения и организации образовательного пространства, которые, с одной стороны, будут интересны современному поколению студентов, а с другой – подготовят специалиста сегодняшнего дня с высокими показателями развитости общекультурных и профессиональных компетенций.

Вопрос преобразований, модернизаций и обновлений системы образования постоянно находится в поле интереса современных ученых. А. Г. Чурашов в своей работе делает акцент на том, что «традиционные парадигмы теории образования уже не удовлетворяют в полной мере требованиям, выдвигаемым обществом, система ценностных ориентиров испытывает сильное влияние постиндустриального информационного этапа своего развития» [11, с. 272].

Цель любой образовательной системы заключается в обучении, воспитании и развитии личности. «Показателем осуществления названной цели является достижение позитивного результата в процессе подготовки специалиста» [9, с. 674]. Таким образом, и образовательная система в хореографической педагогике должна в себя включать все эти же показатели результативности, применяя по возможности нестандартные педагогические приемы в организации обучения.

Общепринято в педагогике использовать предметный подход в обучении. Результативность его доказана, и имеет место быть в дошкольной и школьной образовательной системе. Вуз – это образовательное учреждение, в ко-

тором необходимо студенту помочь раскрыть свой потенциал, расширить сферу профессиональных знаний, умений и навыков. А особенность творческих направлений подготовки, к которым и относится хореографическая педагогика – это учебная деятельность, благодаря которой, студент выявляет свою индивидуальность и формирует художественный профессиональный индивидуальный стиль.

Как известно, одним из главных показателей успешности хореографического коллектива, и в частности, его педагогов и руководителя, которые и проходят первоначально школу творческого Вузу для формирования профессиональных навыков, является хореографические постановки. А ее успех (постановки) будет обусловлен правильно сформированным и выработанным за период обучения подходом, который студент-хореограф должен освоить в процессе обучения в творческом вузе.

Все эти аргументы рассматриваются с разных сторон современными педагогами – практиками и педагогами – теоретиками, но их суждения сводятся к тому, что «...в современных реалиях перед педагогическим составом стоит задача создания наиболее комфортных условий не только для развития личности обучающегося в целом, но и для формирования творческой индивидуальности каждого обучающегося» [10, с. 35].

Исходя из этого, следует говорить сегодня о необходимости обоснования комплексного (системного) современного подхода в хореографической педагогике, который позволит получить высокие показатели результативности обучения, что, в свою очередь, обеспечит подготовку специалиста–хореографа настоящего времени. Ведь сегодня постиндустриальное пространство выдвигает новые, современные ориентиры профессиональных требований к студентам, а далее и будущим педагогам–хореографам. Согласимся с Л. В. Маркиной и Н. М. Тимербаевой, которые отмечают, что «профессиональная особенность педагога–хореографа характеризуется способностью к восприятию многомерности и альтернативности продукта деятельности. Он (педагог-хореограф) должен владеть специфическими «языками» разных видов, стилей и жанров хореографического искусства, набором кодов, позволяющих дешифровать информацию, заключенную в художественном тексте, движении и «перевести» содержание языка искусства на язык человеческих эмоций и смыслов» [4, с. 205; 7. с. 172]. Таким образом, подготовка современного студента требует обновлений, а любое обновление приемов обучения и нововведения образовательной системы должны основываться на научных исследованиях, что подтверждает своевременность исследуемого нами вопроса.

В науке «система» определяется как совокупность элементов, которые связаны между собой и образуют некую полноту и единство. Системный же подход в педагогике рассматривает педагогику как систему – совокупность хорошо структурированных и тесно взаимосвязанных элементов. Этот под-

ход является более качественным и современным, в отличие от традиционного предметного подхода.

Современное хореографическое образовательное пространство сегодня построено по традиционному, выработанному временем принципу. По мнению О. В. Буксиковой [1, с. 72], к традиционным методам относятся: «изучение техники танца, танцевальных стилей и различных видов исполнения танца; изучение танцевальных движений и исполнение их шаг за шагом с увеличением сложности выполнения; построение и разучивание танцевальных комбинаций и композиций; изучение основных форм и средств направлений хореографии; педагогическая деятельность».

Такой принцип безусловно положителен и результативен для формирования исполнительских навыков студента, что является значимым в большом спектре профессиональных качествах будущего выпускника творческого вуза. Но, как мы уже отмечали выше, еще одним главным условием рабочей деятельности студента-хореографа после завершения обучения является создание своих собственных хореографических композиций, в которых он проявляет свой стиль и неповторимость. Сегодняшний педагог по хореографии – это человек, способный к решению различных креативно-творческих задач, а также прекрасный педагог-исполнитель, являющийся образцом для своих воспитанников.

Ввиду этого, по нашему мнению, следует сегодня в хореографической педагогике, основывающейся на комплексе танцевально-творческих дисциплин, опираться на современную (обновленную) систему, которая в конечном итоге покажет положительный результат. «Надо использовать все научные достижения для оптимизации процессов обучения и репетиций... для продолжительности профессиональной карьеры танцовщиков» [2, с. 12].

Учитывая выше обозначенные моменты, цель нашего исследования заключается в обосновании значимости системного подхода в хореографической педагогике как фактора результативности обучения и следствием чего является подготовка востребованного специалиста, способного на реализацию своих творческих тем и идей в собственных авторско-хореографических композициях.

Поставленная цель, предполагает следующие задачи:

- уточнить сущность понятия «хореографическая педагогика» и определить ее основные задачи;
- определение основных направления в системном подходе, применяемом в хореографической педагогике;
- обосновать значимость системного подхода в хореографической педагогике.

Мировая хореографическая школа за многие века собрала лучшие образцы исполнительского и педагогического мастерства, служащие сегодня основой в преподавании хореографических дисциплин различных танцевальных направлений, что составляет базу хореографической педагогики.

Она многоуровневая и отличается методами, подходами и самой формой организации проведения уроков педагогом-хореографом. Так, по-прежнему, применяется метод наблюдения (открытые уроки, проверка конспектов по теоретическим дисциплинам профильного блока и т. д.); затем отработка техники и совершенствование исполнительского мастерства ученика (хореографическое училище, колледж) и выработка навыков творческо-сочинительского мастерства у обучающихся путем выполнения заданий по составлению комбинаций и методического анализа того или иного танцевального движения (вуз).

Все эти формы организации образовательного процесса имеют свои положительные моменты, но сегодняшнее образовательное пространство требует актуализации с учетом вектора развития и тенденций современного мирового хореографического искусства.

Эффективная образовательная практика – это теория применения, поэтому она требует владения технологией. Кроме того, может быть одна идея и множество методов ее реализации. Практика может объединить сильные стороны каждой из них, предлагая несколько конкурирующих решений одной и той же проблемы. Другими словами, практика поднимает планку, которую требует научный подход.

Например, выдающийся ученый, доктор психологических наук, Н. В. Кузьмина пишет, что «...преподаватели – субъекты образования, осуществляющие его цели, носители учебной информации, использующие средства образовательной коммуникации. Если исследовать признаки мастерства, условия, факторы, стимулы, способствующие и препятствующие достижению вершин продуктивности и профессионализма деятельности, то можно прийти к созданию общей теории продуктивного образования» [3, с. 68].

Первоначально уточним, что под понятием «хореографическая педагогика» нами понимается специализированный раздел профессиональной педагогики, осуществляющий танцевальную подготовку различного уровня образования (дополнительного, среднего специального и высшего), методической базой которой является комплекс специально-творческих дисциплин, отвечающих за уровень физической подготовленности, танцевально-творческой выразительности и развитие балетмейстерско-постановочных навыков для дальнейшей профессиональной самореализации обучающихся.

Все выше аргументированные суждения, позволяют нам сформулировать основной принцип хореографической педагогики сегодня, сущность которого заключается в творческой дисциплине в условиях образовательного процесса как самого учащегося (участника хореографического коллектива, студента колледжа, вуза), так и самого педагога (преподавателя вуза) и установки на результат, осуществление которого возможно при взаимодействии – «педагог – ученик – зритель – педагог», что является фундаментальной основой методологии профессионального хореографического образования.

Современный диапазон хореографических композиций сегодня представлен настолько большим объемом тем и идей, и, иногда, даже столь непредсказуемыми воплощениями замысла балетмейстера, что подготовка студента–хореографа, чья будущая профессионализация может быть связана и с исполнительской деятельностью, непременно, должна учитывать и этот факт. В силу этих обстоятельств происходит взаимное проникновение смежных видов искусств и современная хореографическая постановка может включать и элементы актерского мастерства, и актерской игры, и трюковые спортивные элементы. Таким образом, основные принципы «хореографической педагогики» могут дополняться концепциями выдающихся театральных мастеров, спортивных тренеров – практиков и многолетними достижениями педагогов – хореографов.

К. С. Станиславский говорил: «Если нет порядка и правильной рабочей атмосферы, то коллективное творчество превращается в муку, и люди толкуются на месте, мешая друг другу. Ясно, что все должны создавать и поддерживать дисциплину... Важно установить правильное отношение к репетиции и понимать, что от нее можно требовать ... » [5, с. 334]. Однако Н. И. Тарасов в своей балетной педагогике развивает эту идею именно таким образом: «Надо сказать, что воспитание сознательной дисциплины – длительное дело. Поэтому проводить его в педагогической практике надо постепенно, из урока в урок – в доступной, но достаточно настойчивой форме. Тогда учащиеся со всей серьезностью проникнутся стремлением развивать в себе это качество. Ученик поймет, на чем основана сознательная дисциплина и каково ее значение для будущего артиста – настоящего мастера своего дела» [6, с. 127].

Учитывая достижения в смежных творческих областях, мы предполагаем, что хореографическая педагогика нацелена решать две основные емкие задачи – это техническая и творческая, где техническая подразумевает воспитание, обучение и совершенствование методики исполнения движений в различных хореографических направлениях, а творческая – совершенствование развития художественной выразительности различными приемами и формирование индивидуальности в собственных хореографических композициях. Таким образом, педагог-хореограф в своем учащемся должен воспитать умения и навыки технического и творческого мастерства, что сегодня находится в проблемном поле у современного поколения педагогов профессиональных дисциплин.

Пропорционально правильному соотношению воспитания и развития основных черт технической и творческой задач хореографической педагогике и поможет системный подход, который позволит, по нашему предположению, выступать основным методологическим принципом современного образовательного пространства в системе хореографического искусства.

Таким образом, системный подход в хореографической педагогике рассматривается нами как целостная система освоения двигательных умений и навыков, развитие танцевально-выразительных качеств обучающихся, при этом каждый элемент этой системы (профессионально-творческие и теоретические дисциплины) выполняет свои собственные функции внутри этой единой системы. Систематизация элементов определяется взаимосвязанностью содержательного компонента освоения учебного плана обучающимися.

Главными составляющими компонентами произведения хореографического искусства – танца, являются танцевальная техника и художественная выразительность. И, сегодня, в хореографической педагогике необходимо равноправно уделять работе обеим компонентам и рассматривать их в образовательном пространстве не изолировано, а в их взаимосвязи, развитии и движении. Таким образом, нами определены основные направления, на которые должен быть направлен системный подход в хореографической педагогике. Это:

- развитие исполнительского мастерства студента-хореографа;
- развитие художественной выразительности и формирование индивидуальности творческой мысли для осуществления самостоятельной балетмейстерско–постановочной деятельности, что, в конечном итоге и будет являться образовательным результатом и, соответственно, показателем результативности обучения студента-хореографа в вузе.

Соответственно, нами предлагается формирование модулей в учебном плане студентов–хореографов, содержащих взаимосвязанный комплекс профессионально-творческих и теоретических дисциплин, системное освоение которых будет продуктивно обосновано.

Первое направление – развитие исполнительского мастерства студентов-хореографов прекрасно разработано и в полном объеме представлено в учебном плане разнообразными дисциплинами на различные танцевальные техники. Но, сегодня техника сценического танца становится все сложнее, и совершенствуя ее, танцоры порой ищут эффекты и спортивный азарт в танцевальных элементах и игнорируют все то, что характерно для танца, например, музыкальность и одухотворенность пластики. Педагоги первоочередной задачей считают оснащение учеников виртуозной техникой, что нередко осуществляется в ущерб развития артистичности и выразительности. В результате – “хореографический текст перестает быть языком, на котором говорят (танцуют) исполнители” [8].

Проведем анализ профессионально-творческой дисциплины, входящей в обязательную часть базового учебного плана студентов направления подготовки «Хореографическое искусство» и «Народная художественная культура (руководитель любительского хореографического коллектива)» – «Танец и методика преподавания народно-сценического танца».

Практический урок, который является обязательной формой организации учебного процесса по этой дисциплине является общепринятой для студентов Вузов и колледжей. Это можно и сказать про структуру содержания практического занятия. Она тоже традиционна – экзерсис у станка из учебно-танцевальных комбинаций, строго регламентированных методикой народно-сценического танца и отличающиеся по манере и стилистике разных народностей и работа на середине зала, представленная в виде этюдных форм программного содержания.

Исходя из наблюдения и педагогического опыта, главная проблема студентов при итоговом практическом занятии семестра, где как раз прослеживается основной методологический принцип хореографической педагогики – «педагог-ученик-зритель-педагог» заключается в сосредоточении на исполнительское и техническое мастерство основных элементов народно-сценического танца. При этом, они забывают, что каждая учебно-танцевальная комбинация экзерсиса – это маленький танец, обладающий своей манерой, стилем, жестом, мимикой, свойственной той или иной народности. Изучение танцевальных движений не означает овладение языком танца как средством метафорического хореографического мышления. Необходимо овладеть смысловыми понятиями лексики. Это главный принцип обучения языку танца, которым часто пренебрегают в хореографической педагогике.

В виду всех этих проблемных моментов образовательной системы хореографической педагогики нами предполагается конкретизировать основу системного подхода на учебно-практических занятиях, составляющих базовую часть образовательных программ подготовки студентов-хореографов в Вузе. Так, по-нашему мнению, изучая учебно-танцевальную комбинацию экзерсиса народно-сценического танца, необходимо уделять внимание не только методики основного элемента этой комбинации (например, *battement tendu*, флик-фляк и т. д.), но и самой манере исполнения того характера, в которой предполагается исполнять саму комбинацию (положению руки, головы, работе корпуса, исполнению танцевальных движений именно определенного танца в комбинации и т. д.).

Такой подход поможет студентам – хореографам представить на итоговом занятии по дисциплине «Народно-сценический танец» в конце семестра экзерсис не только методически грамотным, но и обладающим художественной выразительностью как целостной, так и индивидуальной, потому что каждая комбинация по-своему своеобразна и стилистике различных народностей.

Этот же системный подход поможет педагогу и в работе на середине зала по народно-сценическому танцу, как главной составляющей урока и демонстрирующей основные результаты обучения. Отработав минимальные движения разных народностей в комбинации экзерсиса и добившись художественной выразительности их исполнения, при разучивании и испол-

нении этюдной формы на середине зала студент-хореограф уже имеет сформировавшийся навык выразительности.

Указав на сложные рабочие моменты при проведении дисциплин практической направленности, нами предлагается создание модуля, в который будут входить такие дисциплины, как: «Танец и методика преподавания классического танца», «Танец и методика преподавания народно-сценического танца». «Танец и методика преподавания современного танца» и «Актерское мастерство в хореографии».

Такое сочетание дисциплин в одном модуле позволит решить главные задачи хореографической педагогики – техническую (исполнительскую) и творческую (выразительность, образность).

Значимым образовательным результатом студента-хореографа при обучении в вузе является создание его собственного творческого продукта – танца, обусловленного индивидуальностью творческой мысли. В своей работе студент должен соединить все элементы – танцевальный язык, средства выразительности, показать уровень исполнительского мастерства, применяя при этом совокупность всех знаний и умений для успешности постановки. При индивидуальной работе студенту следует обращать внимание на нестандартные приемы в изложении лексического материала, не использовать чрезмерную стилизацию выразительных средств, ведущую к нивелированию национальной самобытности танцевального языка, а значит и вида искусства в целом. Например, при работе над созданием русской пляски или хоровода необходима комплексная работа по нескольким аспектам: первое – это изучение фольклорных первоисточников той областной особенности, основа которой будет заложена в композиции танца. И в решении этого вопроса возможно, по-нашему мнению, поможет формирование навыка исследовательской работы студентов-хореографов в процессе обучения в Вузе путем обращения и тесной взаимосвязи с фольклорными центрами своего региона и, возможно, смежных регионов, организующих сбор фольклора и его теоретическое исследование. Давно осознано значение фольклора для сценического искусства, и как источника творческих балетмейстерских воплощений, и как генетического кода, определяющего возможность и меру развития его языка в новых сценических формах с целью сохранения национальной идентичности. Эту деятельность представляется возможным проводить и в рамках практики, которая у студентов является обязательной при освоении образовательной программы и в рамках лекционно-практических занятий по дисциплине «Этнография и танцевальный фольклор России», входящей во многие учебные планы вузов, осуществляющих подготовку творческих направлений.

Следовательно, второе направление хореографической педагогики возможно успешно реализовать, применяя модуль, состоящий из таких дисциплин, как «Композиция и постановка танца», «Этнография и танцевальный фольклор народов России» и «Областные особенности русского танца».

Апробация практического применения модульного процесса организации обучения была внедрена в учебный процесс студентов первого года обучения направления подготовки «Хореографическое искусство» ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (n=23). По итогам семестров студентами были представлены свои собственные творческие задания (танцевальная композиция собственного сочинения) и по итогам работы над ними, нами был проведен опрос, в ходе которого, 100% опрошенных отметили положительное сочетание дисциплин, входящих в модуль и указали на сочетание тем разных дисциплин, но при этом, отраженных в их работах.

Как видим, из всего вышеизложенного, системный подход прослеживается в организации самих уроков по практическим дисциплинам студентов-хореографов, а далее применяется и в постановочной деятельности самим студентом, что в будущем представляют большие возможности для создания, непрерывного обновления творческих идей и обогащения своих постановок оригинальными приемами.

В настоящее время необходимо корректировать методологические подходы обучения в хореографической педагогике, использовать системность и в самой взаимосвязи дисциплин, и внутри самой дисциплины. Это реалии сегодняшних тенденций, продиктованные меняющимися поколениями студентов и изменениями, происходящими в хореографическом искусстве. Необходимо постоянно развивать науку, являющуюся фундаментом для педагогов-практиков.

Список литературы

1. *Буксикова О. Б.* Традиционные и инновационные подходы к обучению специалистов в области хореографического искусства в ВУЗЕ культуры и искусств // Вестник восточно-сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 1. С. 70–73.
2. *Зайцферг Д.* Педагогика и психология танца. Санкт-Петербург: Лань, 2012. 128 с.
3. *Кузьмина Н. В.* Способности, одаренность и талант учителя. Ленинград: Знание, 1985. 233 с.
4. *Маркина Л. В.* Психологическое содержание профессиональной деятельности студента–хореографа // Вестник Башкирского университета. 2007. № 3. С. 204–207.
5. *Станиславский К. С.* Этика и дисциплина. Москва: Культура, 1982. 510 с.
6. *Тарасов Н. И.* Основные принципы преподавания классического танца. Москва: Кафедра ГИТИСа: вчера, сегодня, завтра. 1996. 255 с.
7. *Тимербаева, Н. М.* Психологическая готовность будущих педагогов-хореографов к профессиональной деятельности / Н. М. Тимербаева, Р. М. Фатыхова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2017. № 1(41). С. 171–183.

8. *Уральская В. И.* Как необходимы такие встречи. Москва: Советский балет, № 5. 1990.
9. *Фомкин А. В.* Проблема изменения требований к преподавателю балета в связи с предстоящим введением образовательных стандартов третьего поколения в системе подготовки артистов балета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3 (3). С. 671–677.
10. *Фетисова Н. Е., Митрофанова М. А.* Специфика подготовки студентов-хореографов в вузах культуры на современном этапе // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Хореографическое образование в сфере народной художественной культуры». Санкт-Петербург: СПбГИК, 2020. Т. 221. С. 33–42.
11. *Чурашов А. Г.* Хореография как эффективное средство формирования и развития «я-концепции» будущего учителя / А. Г. Чурашов, Л. А. Клыкова, Е. Б. Юнусова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 7. С. 259–276.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–1999 ГГ.)

УДК 02(091)

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

Михаил Николаевич ГЛАЗКОВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук МГИК, академик Международной академии информатизации, почетный работник сферы образования РФ, Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация: В статье впервые в отечественном библиотековедении системно исследуется библиотечная политика указанного времени. Показаны основные тенденции в библиотечной деятельности 1990-х гг. Подробно изучен новый закон «О библиотечном деле в Российской Федерации» 1994 г. Сравниваются значимые положения российского и бывшего советского библиотечных законодательств. Отмечено заметное снижение финансирования библиотечной деятельности в стране. Приведены статистические данные по основным библиотечным показателям. Эти данные свидетельствовали о кризисе библиотечной отрасли. Показано сокращение библиотечных кадров. Рассмотрена история первых лет компьютеризации в библиотеках. Анализируются процессы внедрения в российское библиотечное дело западных ценностей и приоритетов. Дается сводная оценка состояния библиотечной сферы в России в указанный период. В заключение делаются обобщающие выводы по теме исследования.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, история отечественного библиотечного дела.

Для цитирования: Глазков М. Н. Библиотечная политика в Российской Федерации в постсоветский период (1992–1999 гг.) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 125–140. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

LIBRARY POLICY IN RUSSIAN FEDERATION IN POSTSOVIET PERIOD (1992–1999)

Mikhail N. Glazkov, DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Academician of International informatization academy, Honorary worker of RF education, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: mguci@mail.ru

Abstract: In article library policy of specified period systematically investigated for the first time. We show the main trends of library activity in 1990th. New Law «About librarianship in Russian Federation» is studied in detail. Significant provisions of Russian and ex-soviet library legislations are analyze. Decrease in funding of library activity was note. Statistical data are provides on the period under review. This data indicate the crisis of library area. Library staff reduction is shows. First computerization history years are review. The implementation processes of western values in Russian librarianship are analyze. The article gives consolidated assessment of librarianship state in Russia in specified period. Generalizing summary about research topic made in conclusion of the article.

Keywords: state library policy, history of native librarianship.

For citation: Glazkov M. N. Library policy in Russian federation in postsoviet period (1992–1999). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 125–140. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

Спустя треть века, отечественное общество вполне осознало, что разрушение СССР стало не только геополитической, но и общекультурной трагедией. Собственно, кому-то это было понятно и в режиме «онлайн», еще накануне 1991 г. Но многие испытывали в то время некую эйфорию свободы и открывающихся личных перспектив, пусть даже в ущерб остальному населению и своей стране. Данный период называют сейчас «лихими девяностыми». Попробуем начать научное изучение истории библиотечного дела РФ последнего десятилетия XX в. Оговоримся, что нам придется часто опираться на собственные оценки, поскольку никаких актуальных публикаций, системно анализирующих библиотечную историю 1990-х гг., не существует.

Как мы отмечали [8, с. 266–283], уже в годы горбачевской перестройки проявились основные библиотечные тенденции постсоветской эпохи. Это, прежде всего, поступательное снижение финансирования и материального обеспечения библиотек, а также фактическое игнорирование правительством насущных потребностей библиотечного дела. По сравнению с последними годами советской власти, данные кризисные тенденции после 1991 г. только усилились.

Не менее важным по своим последствиям явился отказ от отечественных библиотечных приоритетов и ценностей и замена их на чуждые западные. Так, например, библиотеки в СССР справедливо считались воспитательными и социализирующими учреждениями, что закладывалось в государственную библиотечную политику и реализовывалось на практике.

В 1990-е гг. в РФ под предлогом деидеологизации и децентрализации, предоставления «большей самостоятельности» учреждениям культуры на местах, библиотеки все больше удаляют от выполнения воспитательных функций. Отметим, что «процесс» навязывался сверху, хотя «на земле» бывшие советские библиотекари пытались продолжать работать по прежнему. Однако теперь власть им не помогала, а, напротив, шельмовала как «ретроградов» и «противников инноваций».

В результате, роль «воспитателей» в обществе взяли на себя иные учреждения, от ночных клубов и казино, до желтой и голубой прессы и т. п. Это явилось одним из последствий капитуляции советской идеологии при М. С. Горбачеве.

Переходя к рассмотрению собственно библиотечной политики, начнем с изменений в библиотечном законодательстве. Исходя из внутренней логики и интересов новой политической системы, была проведена соответствующая работа. К началу постсоветского периода в нашей стране формально существовало «Положение о библиотечном деле в СССР» от 13 марта 1984 г. [5; 15, с. 9–20] При некоторых недостатках, этот закон включил в себя все достижения эпохи социализма, имел целый ряд мировых передовых установлений, был ориентирован на благо советского народа. [7]

29 декабря 1994 г. издается новый Федеральный закон «О библиотечном деле». [17] Он был подписан президентом РФ Б. Н. Ельциным. Сравнение его с последним аналогичным документом советского времени весьма показательно.

В «Положении...» 1984 г. утверждались «общедоступность и бесплатность библиотек», «плановое развитие» библиотечной сети и т. п. как основные принципы организации библиотечного дела в СССР (статья 4). Совокупный фонд государственных и библиотек общественных организаций объявлялся «социалистической собственностью» и охранялся государством. В то время подобные постулаты казались советским людям формальностью. Потребовалось 30 лет капитализма, чтобы народ осознал подлинные социально-экономические ценности.

В законе 1994 г. ничего не говорилось о совокупном библиотечном фонде как об общенародной собственности. Вместо этого, в нескольких статьях использовалась фраза «культурное достояние народов Российской Федерации», что юридически совсем не одно и то же. Перераспределение собственности, осуществлявшееся после разрушения СССР, охватило и библиотечную отрасль. Подчеркивалось, что «Права граждан в области библиотечного обслуживания приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных объединений, религиозных и других организаций» (статья 5, п. 3).

Напротив, «Положение...» 1984 г. закрепляло государственный характер библиотечного дела в Советском Союзе, приоритетную государственную заботу о библиотеках и их обязательном развитии, что должно закладываться «...в планах соответствующих министерств, государственных комитетов, ведомств, центральных органов общественных организаций» (статья 28). Надежное финансирование библиотек в СССР обеспечивалось ассигнованиями из государственного бюджета, а также из средств государственных предприятий и организаций, профсоюзов, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций, имеющих библиотеки (статья 29).

Ельцинский библиотечный закон предусматривал «невмешательство государства» в профессиональную деятельность библиотек, «за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (статья 14). Это явилось безусловной политической демагогией, ведь в других абзацах 14 и 15 статьях федеральным органам власти давались очень значительные полномочия для контроля над любыми библиотечными процессами.

Там же подчеркивалось, что «Не допускается государственная или иная цензура, ограничивающая право пользователей библиотек на свободный доступ к библиотечным фондам... Библиотеки, находящиеся на полном или частичном бюджетном финансировании, должны в своей деятельности отражать сложившееся в обществе идеологическое и политическое многообразие» (статья 12, п. 1, п. 2).

Особо отметим, принципиальную разницу в важнейшем вопросе платности библиотечного обслуживания. «Положение...» 1984 г. однозначно утверждало бесплатность пользования библиотеками (статья 4). В постсоветском же законе все было сформулировано хитрее: «Порядок доступа к фондам библиотек, перечень основных услуг и условия их предоставления библиотеками устанавливаются в соответствии с уставами библиотек, законодательством об охране государственной тайны и законодательством об обеспечении сохранности культурного достояния народов Российской Федерации» (статья 7, п. 2).

Однако в следующих статьях закона 1994 г. все становилось на свои места. В общедоступных библиотеках граждане «получили право» пользоваться разными видами услуг, «в том числе, платными, перечень которых определяется правилами пользования библиотекой» (статья 7, п. 4). При этом названные правила утверждаются библиотеками «по согласованию с учредителями» (статья 13, п. 2). Таким образом, не только разрешалось, но и законодательно провоцировалось широкое введение платного библиотечного обслуживания в стране.

Среди новых возможностей, которые получили библиотеки в РФ, было право «осуществлять хозяйственную деятельность в целях расширения перечня предоставляемых пользователям библиотек услуг и социально-творческого развития библиотек...» (статья 13, п. 5). Также любые библиотеки теперь могли «осуществлять в установленном порядке сотрудничество с библиотеками и иными учреждениями и организациями иностранных государств, в том числе вести международный книгообмен, вступать в установленном порядке в международные организации, участвовать в реализации международных библиотечных и иных программ» (статья 13, п. 9).

Еще одним существенным отличием двух анализируемых законов стало отношение к библиотечной системе страны. В «Положении...» 1984 г. целый ряд его статей посвящен именно построению единой централизованной

библиотечной системы Советского Союза. Так, в статье 10 утверждалось: «Библиотеки в СССР, независимо от подчиненности, составляют единую систему библиотек, объединенных общностью основных задач и принципов деятельности.» В эту единую систему вошли библиотеки Министерства культуры СССР, библиотеки союзной и республиканских Академий наук, библиотеки систем Министерства высшего и среднего специального образования, Министерства просвещения СССР, других министерств, государственных комитетов, ведомств, предприятий, учреждений, организаций, профессиональных союзов, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций и т. д.

В статье 11 отмечалось, что «Единая система библиотек организуется, развивается и функционирует на основе объединения библиотек в ведомственные (отраслевые) или межведомственные (межотраслевые) централизованные библиотечные системы, возглавляемые соответствующей центральной библиотекой». Внутри системы предусматривались централизованное комплектование фондов библиотек, централизованная обработка произведений печати, согласование профиля комплектования фондов, совместная организация научно-методической, справочно-библиографической и научно-исследовательской работы и использование технических средств, осуществление иных форм координации и кооперации деятельности библиотек, независимо от подчиненности.

Во главе единой системы была поставлена Государственная межведомственная библиотечная комиссия (статья 12). Она существовала при Министерстве культуры СССР, а ее председателем являлся сам союзный министр. На ГМБК возлагались рассмотрение основных направлений развития единой системы библиотек, координация деятельности министерств, госкомитетов, ведомств по руководству библиотечным делом, а также решение иных крупных вопросов в соответствии с Положением о Комиссии, «утверждаемым Советом Министров СССР». Подчеркивалось, что решения ГМБК являются обязательными для всех организаций, имеющих в своем ведении библиотеки.

Показательно, что в ельцинском законе о единой библиотечной системе, централизации библиотечной деятельности в стране не было сказано ни слова. Присутствовали лишь слова о «взаимоиспользовании ресурсов», «организации взаимодействия библиотек» (Глава IV, статья 19). Хотя никакого конкретного механизма взаимодействия прописано не было. Фактически провоцировалось усиление дезинтеграции в отрасли, произошел полный законодательный уход от соответствующих советских достижений.

Обращают на себя внимание популистские фразы закона 1994 г. Вообще, популизм и политическая демагогия стали типичными приметам рассматриваемого времени. Так, в статье 14 заявлялось, что «Государство поддерживает развитие библиотечного обслуживания наименее социально

и экономически защищенных слоев и групп населения (детей, юношества, инвалидов, пенсионеров, беженцев, безработных, жителей сельской местности, жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей)». Мы, очевидцы событий 1990-х гг., хорошо помним, в каких ужасных условиях оказались перечисленные категории граждан «свободной России». Мы знаем, как обрушилась, например, сеть сельских библиотек (подробнее см. ниже) и т. д.

Прямой издевкой звучали фрагменты закона о «гарантированном финансировании комплектования и обеспечения сохранности фондов государственных и муниципальных библиотек» со стороны органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления (статья 15, п. 2). Или чего стоит положение, по которому «Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления не вправе принимать решения и осуществлять действия, которые влекут ухудшение материально-технического обеспечения действующих библиотек, находящихся на бюджетном финансировании, их перевод в помещения, не соответствующие требованиям охраны труда, хранения библиотечных фондов и библиотечного обслуживания». Причем, решения указанных органов и их должностных лиц, «ущемляющие законные интересы библиотек и их пользователей», могли быть обжалованы «в судебном порядке!» (статья 15, п. 3).

Итак, библиотечное законодательство в РФ изменило свой вектор из социалистического и народного в сторону сугубо либерального. В этом контексте официальное установление правительством в 1996 г. нового «праздника» – «общероссийского Дня библиотек» (27 мая) [1, с. 159] представляется лицемерной, не подкрепленной действительной поддержкой акцией.

Характернейшая черта 1990-х гг. – недостаток финансирования государственных учреждений. Исключение составляли разве что государственные органы управления и СМИ, которые активно их поддерживали. Отсюда типичным явлением стало закрытие целого ряда библиотек, особенно в регионах, свертывание многих библиотечных проектов и направлений работы даже в крупнейших библиотеках, сокращение штата профильных специалистов и т. д.

На состояние библиотечной деятельности крайне отрицательно отразился начавшийся перевод библиотек с федерального на местные бюджеты, которые и так были скудны и не надежны. В середине 1990-х гг. Министерство культуры РФ отпускало средства на содержание только 9 библиотек федерального значения. [1, с. 142] Остальные библиотеки отдавались на откуп провинциальным бюджетам, то есть фактически обрекались на бедность, полуничто или закрытие.

Одновременно произошел обвал в области комплектования библиотек и книгораспространения в стране. Резко удорожалась стоимость печатной

продукции, снизилось количество изданных названий произведений печати. К середине рассматриваемого десятилетия их выпуск сократился в три раза! Поступление в библиотеки новой литературы уменьшилось с 59,4 млн экз. в 1990 г. до 25,1 млн экз. в 1996 г. [1, с. 142] Из 89 субъектов Российской Федерации 37 вообще не получали средств на комплектование библиотечных фондов! На парламентских слушаниях в Совете Федерации в апреле 1998 г. отмечалось, что до 80% российских изданий не попадают в региональные библиотеки. [14, с. 3–11]

Вообще, сократились все статистические параметры библиотечной деятельности. К 1998 г. в России насчитывалось чуть более 150 тыс. библиотек всех типов и видов (на начало «перестройки» в РСФСР их было 164,8 тыс.). Из них наиболее значимых для народа публичных / массовых библиотек – 52,9 тыс. (в 1990 г. – 62,2 тыс.). [13, с. 10–11, с. 14]

Их библиотечный фонд уменьшился с 1,2 млрд экз. в 1990 г. до 1,1 млрд экз. в 1997 г. Книговыдача соответственно с 1505,6 млн экз. до 1347,8 млн экз. Важнейший показатель охвата населения РФ библиотечным обслуживанием тоже снизился с 48,5% до 40,3%. [13, с. 10–11, с. 14] И это данные официальной статистики, которая в то время не вызывала доверия, пыталась, исходя из установки властей, «приукрасить» бедственное положение в стране.

Особо следует отметить сокращение числа читателей в «самой читающей державе мира». Только за 5 лет с 1987 по 1992 гг. их отток из библиотек составил более 3 млн. [1, с. 142] Процесс продолжился и далее. Так, в 1990 г. в РФ насчитывалось 71,9 млн читателей общедоступных библиотек. А в 1997 г. уже только 59,3 млн. [1, с. 143], на 12,6 млн человек меньше! Учитывая, что именно для читателей существуют библиотечная политика и практика и сама Библиотека, данный факт очень красноречив.

В последние годы перестройки и в начале 1990-х гг. в России государственное финансирование стало отчасти замещаться деятельностью разных благотворительных фондов и структур. К примеру, в 1991 г. был образован относительно небольшой Библиотечный благотворительный фонд, учрежденный Московской библиотечной ассоциацией и рядом крупных московских библиотек. В РФ пришли и гораздо более богатые Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Фонд Форда и т. д. Кто-то считает их развертывание позитивным явлением для отечественной библиотечной сферы.

Действительно, с одной стороны, эти фонды выделяли некоторые суммы на реализацию библиотечных проектов в нашей стране. В условиях, когда высшая власть фактически бросила библиотеки на произвол судьбы, финансы, поступавшие от зарубежных «партнеров», подчас, представлялись спасительными. Однако совершенно ясно, что эти деньги давались не просто так, за них приходилось расплачиваться «учетом интересов» западных спонсоров, прочими сомнительными услугами.

Для нас очевидно, что российское библиотечное дело в итоге отдало Западу гораздо больше, чем получило от названных «дарителей». То есть, «благотворительные акции» оказались для них очень выгодным коммерческим проектом. Помимо того, они, пользуясь своим статусом в РФ, внедряли те самые западные ценности и в библиотечной, и в широкой идеологической сфере. Ждут своего документального подтверждения многочисленные утверждения наших современных политиков и публицистов о прямой связи «благотворительных» западных структур с их же спецслужбами, выполнении ими соответствующих заданий. Когда архивы ФСБ, наконец, будут открыты, мы, не сомневаясь, узнаем интересные подробности «благотворительных операций», осуществлявшихся у нас зарубежными фондами в 1990-е и другие годы.

Возвращаясь к сокращению и закрытию множества библиотек, подчеркнем, что естественным образом увольнялись библиотечные работники. За семь лет сокращение кадров в общедоступных библиотеках РФ составило, по меньшей мере, 14 тыс. человек (с 142 тыс. в 1990 г. до 128 тыс. в 1997 г.). [1, с. 143]

Последнее обстоятельство стоит отметить отдельно. Сокращение персонала – всегда очень болезненный процесс. Приходится резать «по живому», фактически выбрасывая людей, нередко заслуженных и квалифицированных, на улицу. В Советском Союзе население слышало об ужасах безработицы и социальной невостребованности только в новостях из стран капитализма. Теперь мы на собственном опыте начали ощущать все свойства новой политико-экономической системы.

Причем, в Российской Федерации, в отличие от ведущих западных государств, не эффективно работали функции социальной защиты. Статистика тех лет зафиксировала рост числа самоубийств, смертей от алкогольной интоксикации, депрессивных заболеваний и т. п. [См. подробнее: 3, с. 707–714; 6, с. 142–144, 165–173; 9, с. 107, 116–117, 119] В «лучшем» случае уволенные квалифицированные сотрудники устраивались на работу сторожами, гардеробщиками, менеджерами по продажам в сюрреалистической корпорации «Гербалайф».

На упомянутых слушаниях в Совете Федерации РФ (24 апреля 1998 г.) звучали требования предусмотреть повышение заработной платы библиотекарей, подчеркивалось, что библиотечное дело нуждается в серьезном государственном протекционизме и т. п. Однако даже сами сенаторы вряд ли верили в реализацию подобных заявлений. Было признано, что само «государство не выполняет существующие библиотечные законы...». [1, с. 145]

Кадровая ситуация в библиотечном деле, естественно, негативно отражалась и на отечественном библиотечном образовании. В профессию приходило меньше талантливых и заинтересованных людей. Сильно упал престиж библиотечной работы, как и других созидательных сфер чело-

веческой деятельности. Расширилось платное обучение, причем, за счет бюджетной составляющей, хотя в соответствующих заинтересованных министерствах это старались не афишировать и на словах опровергать. Средства массовой информации в режиме 24/7 пропагандировали новые жизненные ценности и приоритеты, главными из которых являлись уже не просвещение и служение Родине и народу, а крайний индивидуализм и заветные доллары.

Процесс библиотечного образования еще держался на советском профессорско-преподавательском составе. Наверное, в будущем многих из них справедливо назовут подвижниками. Именно они в 1990-е гг. смогли удержать профессиональное обучение на достойном уровне, несмотря на системный кризис в стране. Однако и здесь все больше проявлялись негативные следствия эпохи рынка. Часть преподавателей, особенно молодых, уходила в коммерческие структуры или иные лучше оплачиваемые отрасли. Кто-то уехал зарубеж в поисках более спокойной и сытой жизни. Трудно сосчитать человеческие потери, понесенные Россией с конца 1980-х и до настоящего времени.

Тем не менее, даже лучшие высококвалифицированные преподавательские кадры не могли полностью компенсировать слабую материально-техническую базу библиотечных вузов и техникумов. Резкое ухудшение оснащения их новым оборудованием, отсутствие персональных компьютеров и актуального программного обеспечения, заставляло педагогов многое объяснять студентам «на пальцах», что иногда походило на сюжет в стиле Н. В. Гоголя или М. М. Зощенко.

Между тем именно компьютеризация библиотечной деятельности являлась едва ли не главнейшим трендом 1990-х гг. в мире. Отставание в этой области вело к превращению нашей библиотечной сферы из недавно первенствующей во второразрядную. Но широкое внедрение компьютерных технологий в библиотеках в обязательном порядке требовало значительных финансовых средств и ресурсов, которых мы оказались лишены.

Кроме того, на мой взгляд, в течение ряда лет у большого числа российских библиотекарей имелась психологическая неготовность и даже неприятие компьютерных технологий. Такое явление регулярно случается в истории. Можно вспомнить, например, продвижение книгопечатания в России в XV–XVI вв., когда во многом именно человеческий фактор, религиозное сознание людей препятствовало распространению «бездушного» печатного станка, который должен был заменить классического монаха-переписчика.

Если в ту эпоху потребовалось более 100 лет, чтобы осознать неизбежность технологических преобразований, потребовались усилия многих выдающихся лиц, включая митрополита Макария и Ивана Федорова, то в 1990-е все совершалось, конечно, гораздо быстрее. Но даже несколько потерянных лет из-за человеческой предубежденности и психологических барьеров ста-

ли очень существенным негативным обстоятельством. Его можно было бы избежать, если бы в РФ сохранилась эффективная система массового повышения квалификации библиотекарей, с доступным разъяснением новых методологических проблем.

Тем не менее, постепенно библиотечная сфера России подключалась к позитивным мировым тенденциям. Выявились свои лидеры в освоении компьютерных технологий. Так, одним из первых здесь стал доктор педагогических наук, профессор МГИК В. В. Скворцов (1939–2005). В основном, новые технологии стали применяться в ведущих научных и некоторых крупных общедоступных библиотеках. Этого было явно недостаточно для такой страны как Россия.

Надо заметить, что особенно на первых порах определенную помощь в компьютеризации библиотек оказали зарубежные спонсоры. Разумеется, они делали это не бескорыстно. Компетентным людям известно, что оцифрованные (с помощью иностранных «благотворителей») наиболее ценные разделы фондов наших лучших библиотек затем «перекачивались» на Запад за символические деньги, а порой и бесплатно, во имя «общечеловеческих ценностей». Надо ли повторять, что информация, информационные ресурсы имеют стратегическое значение. Тот, кто владеет ими, владеет миром. Спонсоры приобретали и иные значимые преференции и возможности влияния.

Однако помимо прочего, внедрение новых технологий под кураторством Запада имело принципиальное идеологическое значение для библиотечной сферы РФ. В нашу библиотечную политику и образование стала жестко внедряться идеологема о главенстве информационной функции во всей библиотечной деятельности. Соответственно, вся она перестраивалась под новые интернациональные стандарты.

В реальной библиотечной жизни это часто означало, что российские библиотеки должны отказаться от того, в чем они превосходили западные аналоги: от просветительских и образовательно-воспитательных направлений деятельности. При этом всецело ориентироваться на информационно-библиотечные услуги, в чем мы по объективным обстоятельствам уступали ведущим зарубежным конкурентам. Многие отечественные достижения таким образом должны были самоликвидироваться. Все это осуществлялось под лозунгом включения обновленной России в «единую мировую библиотечную семью».

К сожалению, в данном направлении в 1990-х – 2000-х гг. многое было сделано. Это очевидно даже из смены названий вузовских библиотечных учебников. Вместо «Библиотечное обслуживание» – «Библиотечно-информационное обслуживание», вместо «Организация и управление библиотечным делом» – «Библиотечный менеджмент» и т. д. Конечно, образование нуждается в регулярной актуализации. Здесь важно соблюсти золотую середину между традициями и инновациями, при обязательном приоритете

собственных национально-государственных интересов. Увы, в рассматриваемое время простые истины оказались сознательно забыты и отброшены теми, кто курировал и направлял процесс. Ну а на средне-низовом уровне хватало тех, кто готов был ради карьеры, грантов, оплаченных заграничных командировок и иных подачек «работать по новому».

Всех поставленных целей на данном направлении властям РФ и западным кураторам и советникам достичь не удалось по нескольким причинам. Одна из важнейших – наличие созданной в СССР кадровой базы, в значительной части противостоявшей названным «обновленческим процессам». Что касается государственной библиотечной политики, она оказалась невнятной и противоречивой. Если отбросить популистские декларации, она фактически способствовала дезорганизации библиотечной отрасли.

Еще одной катастрофой 1990-х гг. стал демонтаж централизованной системы библиотек в стране. За все время существования советской власти ее ключевой отраслевой идеей было построение эффективной единой библиотечной сети. [8, с. 47–66, 229–250] Несмотря на серьезные проблемы и недоработки, создание централизованной библиотечной системы накануне «перестройки» подходило к завершению, что законодательно закрепило «Положение о библиотечном деле в СССР» 1984 г. Благодаря длительной соответствующей государственной работе, наша библиотечная сфера достигла выдающихся мировых рекордных статистических показателей. [2, с. 325–326; 12, с. 262–263]

После прихода команды М. С. Горбачева к власти эта работа сошла на нет. В 1990-е гг. стало активно разрушаться то, что уже было построено. Причем, удары наносились по системообразующим конструкциям. Так, новый Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29 декабря 1994 г., подписанный Б. Н. Ельциным [16], вводил систему как бесплатных, так и платных обязательных экземпляров. Многие библиотеки, раньше надежно снабжавшиеся согласно прежнему закону через госбюджет, утратили способность выкупать платные экземпляры. Появились и другие почти непреодолимые барьеры.

Ввиду взлета стоимости почтовых тарифов, обрушились показатели пересылки литературы по межбиблиотечному абонементу (МБА) [1, с. 143], – еще одному ключевому звену функционирования единой библиотечной сети страны. Сама система МБА оказалась на грани и даже за гранью разрушения.

Отметим общеполитический фактор, демонтировавший существовавшую библиотечную практику. В знаменитой речи президента РФ Б. Н. Ельцина, обращенной к региональным элитам, было недвусмысленно сказано: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Естественным следствием такого политического указания стал широкий рост сепаратизма в стране. Это неизбежно вело к ухудшению связей между библиотеками разных субъектов Федерации, игнорированию на местах общероссийских инициатив, своему самостоятельному «законотворчеству» и т. п.

Перестала согласовываться библиотечная деятельность не только разных субъектов РФ, но и разных ведомств. Напомню, что именно с ведомственной разобщенностью, дублированием и параллелизмом в работе библиотек долго боролись в СССР, считая эту проблему одной из первостепенных. Именно она приводила к большим излишним государственным тратам средств и ресурсов. [8, с. 229–250]

Теперь же всякая борьба осталась в прошлом. Быстро терялись конструктивные библиотечные связи и контакты не только между бывшими республиками СССР, ставшими суверенными государствами, не только между территориальными образованиями внутри России, но и между разными министерствами и ведомствами, имевшими собственные сети библиотек.

Все старались выживать в условиях дикого рынка самостоятельно, руководствовались лишь своими узковедомственными, местническими интересами. Оставались, конечно, несистемные личные контакты между директорами библиотек, библиотечными специалистами. Но этого было крайне мало для огромной страны. Едва ли не тотальная регионально-ведомственная разобщенность 1990-х гг., спровоцированная сверху, подрывала многие достижения советского библиотечного прошлого.

Выделим еще одну катастрофу – слом функционирования сети сельских библиотек. В силу своей специфики библиотеки на селе всегда являлись слабым звеном советской библиотечной системы, имели перманентный финансовый, книжный и кадровый дефицит. Одновременно они были очень значимым ее элементом. Ведь в сельской провинции проживало большинство населения страны. Их библиотечное обслуживание имело важное идеологическое значение. Развитие сельского хозяйства являлось наравне с промышленным производством первоочередной задачей, решение которой лежало и в области повышения уровня образования и культурного досуга сельских тружеников и т. д.

Разрушение системы книгораспространения в РФ, сокращение финансирования особенно больно ударили по сельским библиотекам. Если в городах оставались какие-то возможности для выживания библиотек, то в сельской провинции ситуация была катастрофической. На нее накладывалось вынужденное бегство сельских жителей, прежде всего, молодежи в города. Работать в местных библиотеках часто становилось некому.

Любопытно, что если в рассматриваемый период межбиблиотечное взаимодействие внутри страны рушилось, то одновременно увеличивались международные библиотечные связи России, что, как правило, записывают в несомненные плюсы тех лет. Однако и здесь все было сложнее и неоднозначнее. Конечно, взаимодействие с ведущими библиотечными державами имело свои очевидные положительные стороны. Но еще в конце «перестройки» здравомыслящим людям стало очевидно, что международное сотрудничество происходит не на равноправной основе. СССР отдавал больше, чем получал от зарубежных стран.

Тем более, в постсоветский период данная тенденция только усилилась. Да, руководители библиотечного дела, часть специалистов и даже некоторые молодые кадры, студенты получили возможность участвовать в международных мероприятиях за счет принимающей стороны, стажироваться, воочию знакомиться с зарубежным библиотечным опытом, общаться и обмениваться информацией с иностранными коллегами. Это, безусловно, расширяло их интеллектуальный кругозор, повышало профессиональный уровень.

Но имелась и явная обратная сторона. Даже не говорю сейчас о «подсаживании на гранты» и т. п. как на форму подкупа, выкачивания из специалиста тех знаний, которые были интересны грантодателям. Не говорю о молодежных стажировках как эффективном канале утечки мозгов и талантов из России. Не говорю о неравноценном обмене библиотечной литературой (документами), справочно-библиографической и фактографической информацией с западными «партнерами» и прочее, и прочее.

В целом, РФ в 1990-е вышла на международную арену не как самостоятельная держава с богатейшей историей и великими достижениями, а как слабый ученик, заискивающий перед иностранными учителями, доподлинно знающими, что и как надо делать. И нашу страну стали учить, какие библиотечные законы надо принимать, какие цели, задачи и функции должны выполнять библиотеки, как надо готовить библиотечные кадры и т. д.

Организованные в РФ разные библиотечные общественные объединения, по сути, принялись исполнять «рекомендации» ИФЛА (Международной Федерации библиотечных ассоциаций), базирующиеся на либеральных западных ценностях. Дело доходило до почти дословного копирования туземными структурами положений и регламентов ИФЛА, согласно которым должны работать российские библиотеки и библиотекари. Ведь этого требовала «единая мировая библиотечная семья»!

Одновременно ряд специалистов критиковали бывшую библиотечную систему СССР за крайнюю централизацию и регламентацию деятельности библиотек. Но почему-то отсутствовала критика наступившей жесткой интернациональной глобализации, отрицавшей культурно-национальные особенности множества стран, ставших политическими, экономическими и культурными вассалами единственной сверхдержавы – США.

Ни в коем случае не хочу сказать, что вся деятельность российских библиотечных обществ и ассоциаций была бесполезной или даже вредной. Сам несколько лет в середине 1990-х гг. участвовал в работе Московской библиотечной ассоциации. Однако хорошая в принципе идея не дала серьезных положительных результатов. Библиотечные ассоциации не получили реальных полномочий и ресурсов, которые необходимы для эффективной деятельности. Рассчитывать же только на энтузиазм библиотечных активистов было не дальновидно, хотя им и удавалось что-то делать.

В рамках «международного сотрудничества» продолжился процесс, начатый в годы горбачевской «перестройки». Мы говорим о реституции перемещенных в результате Великой Отечественной войны библиотечных коллекций. [8, с. 280–281] Фактически реституция при Б. Н. Ельцине свелась к односторонней передаче Российской Федерацией уникальных библиотечных ресурсов Германии и некоторым другим странам.

Мы уже писали о законности вывоза в Советский Союз некоторых библиотечных фондов из гитлеровской Германии после Победы 1945 г., что было утверждено договоренностями великих держав на Ялтинской и Потсдамской международных конференциях. Перемещенные в Советский Союз коллекции явились справедливой, хотя далеко не полной, компенсацией гигантского ущерба, нанесенного агрессией Третьего Рейха против нашей родины. Еще раз следует напомнить, что военные потери совокупного советского библиотечного фонда составили по разным оценкам от 150 до 200 млн экз. В то же время в победивший СССР поступило из Германии около 8–10 млн экз. [10, с. 80, с. 119; 11, с. 4–120] Немалую часть из них уже безвозмездно отдали немецкой стороне при Н. С. Хрущеве и М. С. Горбачеве.

Поскольку реституция в 1990-е гг. стала вызывать все большее возмущение в нашем обществе, власти осуществляли выдачу культурных ценностей зарубежным «партнерам» без информирования в СМИ, что противоречило не только государственным интересам, но и «святым принципам демократии». Лишь в редких случаях об этом становилось известно общественности (например, большой скандал, связанный с передачей американским хасидам из Российской государственной библиотеки книжной коллекции Шнеерсона [18, с. 50–53; 4]).

К сожалению, против реституции в рассматриваемый период открыто выступили не представители государственной власти, облеченные соответствующими полномочиями, ресурсами и обязанностями, а отдельные равнодушные лица. В библиотечной сфере одним из самых ярких и последовательных противников реституции стал доктор педагогических наук, в то время декан и проректор МГИК А. М. Мазурицкий.

Как он справедливо подчеркивал, «...тех, кто занимается этой проблемой у нас в стране, можно пересчитать по пальцам. Небольшой группе российских исследователей противостоят мощные научные центры, которые ведут активную работу по поиску данных об утраченных Германией культурных ценностях» [10, с. 128]. Известно, что система всегда сильнее одиночек. Многие в справедливом решении «трофейной проблемы», перекочевавшей в XXI столетие, продолжает зависеть от политической воли высшей власти.

Из относительно положительных явлений 1990-х гг. можно назвать официальное устранение цензуры, в частности, в библиотечной сфере. Собственно, «гласность» в СССР объявил еще М. С. Горбачев. Действительно, множеству читателей библиотек предоставлялись новые возможности для знакомства с самым широким спектром идей и духовно-интеллектуальных

достижений цивилизации. Специалисты, исследователи могли вести свободное изучение разнообразных вопросов, в том числе, «закрытых» при советской власти. Лично от себя скажу, что 80–90% трудов автора, вероятнее всего, не получили бы разрешение на публикацию при советской цензуре. Для творческого человека свобода творчества всегда имеет ключевое, первостепенное, жизненное значение.

Однако и тут необходимо сделать оговорки. После отмены цензуры в стране появилось немало недобросовестных авторов, публиковавших все, начиная от околonaучного бреда до прямо деструктивных сочинений. Одним из подобных жанров, кстати, стал перевод иностранных учебных материалов безо всякой адаптации к очень специфичным российским условиям. Появились учебные пособия с модными названиями (например, с популярными словами «менеджмент» или «маркетинг» в оглавлении) и т. п. произведения, скорее мешающие отечественному образовательному процессу.

Что касается массового читателя, то у многих от обилия новых идей, версий и гипотез, ставших доступными без цензуры, буквально «зависало» мировоззрение. Его никак нельзя было назвать цельным и научным. Обычные люди, которых в любой стране значительное большинство, просто терялись перед изобилием часто противоположных друг другу идей и утверждений. «Каша в головах» – одно из следствий тотального постсоветского бесцензурья.

Дезориентация масс населения в политико-идеологическом и даже бытовом пространстве была на руку высшей власти, ломавшей советскую систему и возводившей на ее руинах дикий и, по сути, антинародный капитализм.

В заключение повторим основные выводы. Политика государства в указанный период свелась к заметному недофинансированию библиотечной отрасли. Ее насущные потребности игнорировались. Библиотечной теории и практике навязывались чуждые, не соответствующие нашим интересам, традициям и приоритетам западные ценности. Кризис обостряли ухудшение подготовки библиотечных кадров, «утечка» талантливых специалистов за рубеж. Мы потеряли часть ценных отраслевых ресурсов, под разными предлогами выводившихся на Запад. Произошел слом целого ряда позитивных советских достижений, что провоцировалось и закреплялось новым библиотечным законодательством.

Нельзя не признать неадекватность и деструктивность библиотечной политики, реализовывавшейся в РФ в 1990-е гг. Исторический опыт тех лет учит нас, как не надо осуществлять руководство библиотечным делом. Данный период по своим разрушительным последствиям для библиотек вполне сопоставим с трагическими годами Великой Отечественной войны.

Но история учит и оптимизму. Даже после самых страшных смутных времен наша страна возрождалась, начиная созидательное творчество. И мы профессионально и идеологически должны быть лично готовы к Созиданию.

Список литературы

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России: учеб. пособие. Ч. 2. Москва: Либерия, 2001. 160 с.
2. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. Москва: Книга, 1980. 352 с.
3. *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917–2004: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2005. 816 с.
4. Библиотека Шнеерсона // Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0_%D0%A8%D0%BD%D0%B5%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0
5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 12. Ст. 173.
6. *Герасимов Г. И.* История России (1985–2008 годы): учеб. пособие. Москва: РИОР, 2022. 315 с.
7. *Глазков М. Н.* Последний системный документ советской эпохи // Культура: теория и практика. 2022. Вып.2. (март–апрель): URL: <http://www.theoryofculture.ru>
8. *Глазков М. Н.* Эволюция государственной библиотечной политики в Советскую эпоху (1917–1991 гг.): монография. Орел: Изд. «Орловский государственный институт культуры», 2022. 288 с.
9. История России в новейшее время. 1985–2009 гг.: учебник / А. Б. Безбородов, Н. В. Елисеева [и др.]; отв. ред. А. Б. Безбородов. Москва: Проспект, 2014. 448 с.
10. *Мазурицкий А. М.* Библиотеки в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2020. 139 с.
11. *Мазурицкий А. М.* Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии: в 2 ч. Ч. 1. Книжные потери в военные годы. Москва: МГУКИ, 2010. 149 с.
12. Народное образование и культура в СССР. Стат. сборник. Москва: Финансы и статистика, 1989. 432 с.
13. Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах за 1998 год / Мин-во культуры РФ. Москва: ГИВЦ, 1999. 132 с.
14. Общедоступные государственные библиотеки Российской Федерации в 1995–1998 годах (Аналитический обзор). Москва: Главный информационно-вычислительный центр Мин-ва культуры РФ, 1999. 146 с.
15. Руководящие материалы по библиотечному делу: справочник. Москва: Книжная палата, 1988. 288 с.
16. Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 1.
17. Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 2.
18. *Хвостова С. Ю.* Непростая судьба библиотеки Шнеерсона // Библиотекосведение. 2013. № 4. С. 50–53.

РОЛЬ ПОЛЬСКИХ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В ПРОДВИЖЕНИИ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ПОЛОНИСТИКИ, ПОЛЬСКО- УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛОНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

УДК 02

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-141-155>

Сергей Валерьевич СОКОЛОВ,

заведующий научно-исследовательским отделом библиотековедения,
Институт научной информации по общественным
наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: beholder73@gmail.com

Аннотация: В статье дан анализ систем научной, библиометрической и библиографической информации по полонистике как составной части программы информационно-библиотечной и геокультурной экспансии Польши по отношению к западным регионам Украины. Представлен обзор аналитических материалов о польско-украинских отношениях Центра Восточных исследований (Center for Eastern Studies), Института по связям с общественностью (IPA – Institute of Public Affairs), Института западных исследований (Institute for Western affairs), Института стратегических исследований (Institute for Strategic Studies), Европейского центра Natolin (Natolin European Center), Института Костюшко (Kosciuszko Institute), Института Собеского (Sobieski Institute), Фонда «Открытый диалог» (ODF – The Open Dialogue Foundation), Фонда «Институт Леха Валенсы» (Fundacji «Instytut Lecha Wałęsy») и Фонда Казимира Пуласки (The Casimir Pulaski Foundation). На основе анализа запросов в электронном каталоге Библиотеки Ягеллонского университета раскрыта роль университетской библиотеки и ее филиалов в информационно-аналитическом продвижении публикаций ведущих польских аналитических центров; при помощи приложения Яндекс-карты составлен геоинформационный сервис Think tanks Польши (Think tanks of Poland).

Ключевые слова: полонистика, полоника, научные библиотеки, аналитические центры, информационное противоборство, Польша, Украина, «мягкая сила», Львов, обзорная статья.

Для цитирования: Соколов С. В. Роль польских научных библиотек в продвижении публикаций по вопросам полонистики, польско-украинских отношений и полонизации Западной Украины // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 141–155. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-141-155>

THE ROLE OF POLISH SCIENTIFIC LIBRARIES IN PROMOTING PUBLICATIONS ON POLONISTICS, POLISH-UKRAINIAN RELATIONS AND POLONIZATION OF WESTERN UKRAINE

Sergei V. Sokolov, Head of Research Department of Library Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: beholder73@gmail.com

Abstract: The article analyzes the systems of scientific, bibliometric and bibliographic information on polonistics as an integral part of the program of information-library and geocultural expansion of Poland in relation to the western regions of Ukraine. The review of analytical materials on Polish-Ukrainian relations of the Center for Eastern Studies, Institute of Public Affairs (IPA), Institute for Western Affairs, Institute for Strategic Studies, European Center Natolin, Kosciuszko Institute, Sobieski Institute, The Open Dialogue Foundation (ODF), the Foundation «Lech Walesa Institute» and The Casimir Pulaski Foundation. Based on the analysis of queries in the electronic catalog of the Jagiellonian University Library, the role of the University library and its branches in the information and analytical promotion of publications of leading Polish analytical centers is revealed; the geographic information service Think tanks of Poland is compiled using the Yandex Map application.

Keywords: polonistics, polonica, scientific libraries, analytical centers, information confrontation, Poland, Ukraine, «soft power», Lviv, review article.

For citation: Sokolov S.V. The role of Polish scientific libraries in promoting publications on polonistics, Polish-Ukrainian relations and polonization of Western Ukraine. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 141–155. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-141-155>

Введение

Ситуационные и информационно-аналитические центры являются активными субъектами международной культурной и информационно-библиотечной политики. Важнейшими факторами эффективного включения фабрик мысли в национальную систему политически-значимой информации является как расширение их ресурсного обеспечения со стороны научных библиотек, так и продвижение их аналитических материалов самими библиотеками. Интеграция национальных информационных ресурсов особенно важна в рамках решения актуальных геополитических задач как, например, имеющая длительную историю информационно-библиотечная и геокультурная экспансия Польши по отношению к западным регионам Украины. Рассмотрим институциональную базу продвижения документного потока крупнейших аналитических центров Польши на основе библиотечной системы Ягеллонского университета, представим на основе польского опыта возможные решения для развития сотрудничества между библиотеками и Think tanks.

Библиотека Ягеллонского университета в системе национальных исследований по полонистике. Современная полонистика в зарубежных изданиях в наибольшей степени представлена в польской наукометрической базе «Польская наука» ([auka-polska.pl](http://auka.polska.pl)) поддерживаемая Центром

переработки информации (польск. Ośrodek Przetwarzania Informacji, OPI), подведомственного Министерству науки и высшего образования Польши [12]. По ключевому слову «полонистика» поисковый портал выдает 3109 результатов по 1674 исследователям и 62 научным организациям. Согласно польской научной классификации Комитета научных исследований (KBN) дисциплина «Библиотечное дело и информатика», согласно указанному наукометрическому порталу, связана с 4 национальными польскими институтами, занимающихся полонистикой: кафедрой польской библиографии на факультете полонистики Ягеллонского университета в Кракове; Центром польской библиографии имени Эстрайхера факультета полонистики Ягеллонского университета в Кракове; гуманитарным факультетом Краковского педагогического университета и филологическим факультетом Лодзинского университета. На сайте исследовательского центра польской библиографии имени Эстрайхера Ягеллонского университета [1] перечислены украинские научные деятели, сотрудничающие с центром: магистр Марина Боброва (Харьков), доктор Ирина Сиборовска-Рымарович (Киев), доктор Ирина Качур (Львов), Магистр Ирина Кононенко (Харьков), доктор Елена Полевщикова (Одесса), доктор Светлана Зинченко (Львов). С учетом значимости Ягеллонского университета в исследовании как полонистики, так и библиотечно-информационных наук, рассмотрим библиотеку Ягеллонского университета как основу продвижения зарубежных информационных материалов ведущих польских Tink tanks по вопросам польско-украинских отношений и полонизации Западной Украины.

Библиотека Ягеллонского университета – наиболее крупная научная библиотека Польской республики по социально-гуманитарным дисциплинам с объемом фондов 6 970 045 единиц хранения. В каталоге библиотеки содержится информация о фондах филиалов университетской библиотечной системы, в которых представлены работы экспертов ведущих информационно-аналитических центров Польши в том числе по вопросам полонизации Западной Украины [6]. На основе электронного каталога Библиотеки Ягеллонского университета создадим карту продвижения информационных материалов ведущих экспертных центров Польши в пространстве электронной политически значимой информации [19].

Центр Восточных исследований (Center for Eastern Studies) – польский аналитический центр, который проводит исследования политической, экономической и социальной ситуации в Центральной и Восточной Европе, на Балканах, на Кавказе и в Центральной Азии. Центр имеет полностью государственное финансирование, работы центра пересекаются с официальной правительственной позицией по рассматриваемым вопросам. Исследование, посвященное украинской миграции в Польшу [2] показало, что отношение жителей западноукраинских регионов к Польше фундаментально отличается от отношения представителей восточной или центральной Украины. Так назы-

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	64
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	5
3.	Юридическая библиотека	5
4.	Библиотека института иудаики	4
5.	Библиотека института истории	2
6.	Библиотека филологического факультета	2
7.	Библиотека института философии	1
8.	Библиотека института религиоведения	1
9.	Библиотека факультета управления и социальных коммуникаций	1
10.	Институт истории искусств	1
11.	Библиотека фонотеки института музыковедения	1
	Общее количество	87

Таблица № 1. Публикации Центра Восточных исследований в библиотечной системе Ягеллонского университета

ваемая «старая циркулярная миграция» из Западной Украины» замещается уже в 2016 году на миграцию на длительный срок [2, р. 77]. На срок более 18 месяцев в Польше предпочитали оставаться жители Львовской, Тернопольской, Ровенской и других западной областей. В главе «Почему Польша?» авторы отвечают на данный вопрос, указывая на языковую, историческую и ментальную близость западных регионов с Польшей, а также мягкую иммиграционную политику [2, р. 79]. В качестве политических рекомендаций авторы призывают продолжать проводить такую же открытую политику по интеграции украинских мигрантов, но с большим вниманием к региональному фактору. Публикации Центра Восточных исследований находятся в следующих библиотеках институтов Ягеллонского университета (см. таблицу № 1):

Институт по связям с общественностью (IPA – Institute of Public Affairs) «независимый» аналитический центр по вопросам государственной политики в Польше. Институт был создан в 1995 году «для поддержки модернизационных реформ и обеспечения форума для дебатов по социальным и политическим вопросам». В демоскопическом исследовании о региональных различиях на Украине по отношению к различным цивили-

лизационным моделям автор констатировала: «когда люди вынуждены делать единственный выбор между европейской интеграцией и возглавляемым Россией Таможенным союзом, региональные различия всплывают на поверхность. Население на западе и в центре предпочитает ЕС а восток предпочитает российскую модель интеграции» [3, р. 18].

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	383
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	128
3.	Библиотека факультета управления и социальных коммуникаций	92
4.	Библиотека института социологии	87
5.	Юридическая библиотека	47
6.	Библиотека института педагогики	32
7.	Библиотека института истории	6
8.	Библиотека института этнологии и культурной антропологии	4
9.	Библиотека института полонистики	2
10.	Библиотека филологического факультета	2
11.	Библиотека института философии	1
12.	Библиотека института глоттодидактики и полонистике	1
13.	Библиотека института религиоведения	1
14.	Институт истории искусств	1
15.	Библиотека фонотеки института музыковедения	1
	Общее количество	788

Таблица № 2. Публикации Института по связям с общественностью в библиотечной системе Ягеллонского университета

Институт западных исследований (Institute for Western affairs) в Познани позиционирует себя как ведущий научно-аналитический центр в Польше в области немецких исследований. Пятым по значимости пунктом из списка активностей института указано «исследо-

вание процессов, связанных с формированием коллективной памяти и исторической политики, а также с проведением полонийской политики» [11]. Вопросам культурного наследия исторических регионов Польши посвящены монографии 2022 года по истории «западных и северных земель» Польши после 1945 г. [21; 23]. Сборник, посвященный наследию Восточной Пруссии, раскрывает возможности укрепления связей Польши с Литвой и Калининградской областью через небольшие поселения этнических вармийцев и мазуров на границе с Россией [17]. Украинская тематика рассматривается в рамках общего исторического прошлого в совместной польско-немецкой истории.

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	416
2.	Библиотека института истории	84
3.	Юридическая библиотека	84
4.	Библиотека факультета международных и политических исследований	53
5.	Библиотека института этнологии и культурной антропологии	24
6.	Библиотека филологического факультета	23
7.	Библиотека естественных наук	21
8.	Библиотека факультета педагогики	5
9.	Библиотека факультета управления и социальных коммуникаций	5
10.	Библиотека института истории искусств	2
11.	Библиотека института полонистики	1
12.	Библиотека института философии	1
13.	Библиотека института иудаистики	1
14.	Библиотека института социологии	1
15.	Библиотека педагогического института	1
	Общее количество	722

Таблица № 3. Публикации Института западных исследований в библиотечной системе Ягеллонского университета

Институт стратегических исследований (Institute for Strategic Studies) имеет акцент исследований на международные отношения и интеграцию Польши в Европейский Союз. На сайте института приоритетно представлены аналитические работы в области защиты геокультурного отношения к польской истории: размещена «Карта памяти» [9] – геолокационный сервис по полякам, репрессированных нацистами за помощь лицам еврейской национальности (завершен в 2008 году), размещен справочник «Книга праведников» по 22 тысячам поляков, оказывающих помощь евреям в в годы Второй мировой войны.

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Библиотека факультета международных и политических исследований	75
2.	Ягеллонская библиотека	50
3.	Юридическая библиотека	5
4.	Библиотека факультета управления и социальных коммуникаций	2
5.	Библиотека филологического факультета	2
6.	Библиотека естественных наук	2
7.	Библиотека института социологии	1
	Общее количество	137

Таблица № 4. Публикации Института стратегических исследований в библиотечной системе Ягеллонского университета

Европейский центр Natolin (Natolin European Center) специализируется на аналитической деятельности и распространении знаний о европейской интеграции. В отношении Украины реализуются следующие исследовательские программы: восточное измерение европейской политики соседства и культурное и историческое наследие Европы. Центр известен своими гуманитарными ресурсами, участием в проектах ночь музеев и сотрудничеством с итальянскими культурными организациями. Характерен политический акцент в разработке культурных программ с постановкой задачи «использовать гуманитарные науки для поддержки государства в совершенствовании эффективной стратегии борьбы с кризисом с учетом таких факторов, как культура, история и геокультурный контекст» [22, р. 42]. «Геокультурный контекст» отражает значимость культурной экспансии для большинства указанных политических исследований о взаимоотношении Польши с регионами Украины. На сайте центра представлены в основном проекты по созданию электронных библиотек – репозиториев знаний по истории Польши с небольшим количеством аналитических материалов.

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	120
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	34
3.	Библиотека факультета управления и социальных коммуникаций	10
4.	Юридическая библиотека	16
5.	Библиотека института истории	5
6.	Библиотека института глоттодидактики и полонистики	1
7.	Библиотека филологического факультета	1
8.	Библиотека факультета полонистики	1
9.	Библиотека института социологии	1
10.	Библиотека педагогического института	1
11.	Библиотека института этнологии и культурной антропологии	1
	Общее количество	191

Таблица № 5. Публикации Европейского центра Natolin в библиотечной системе Ягеллонского университета

Институт Костюшко (Kosciuszko Institute) в Кракове был создан как Институт европейской интеграции на базе Ягеллонского университета и занимается в настоящее время преимущественно вопросами отношениями Польши с Европейским союзом. В докладе «Сопротивление дезинформации в странах Люблинского треугольника» [13], представлены механизмы борьбы в Польше, Украине и Литве с «российской дезинформацией». Особенно тщательно анализируется тезис «российской пропаганды», что Польша планирует вторгнуться в Украину, чтобы захватить ее исторические территории [13, р. 26]. Данный информационный блок анализируется в разделе «Исторические нарративы и сообщения» и полностью связан со сферой «исторической памяти», к которой относится и деятельность библиотечных учреждений. Само внимание в этом аналитическом материале к Люблинскому треугольнику – институциональному диалогу между Польшей Литвой и Украиной по интеграции последней в ЕС и НАТО, подчеркивает зону приоритетных геостратегических и геокультурных интересов Польши.

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	22
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	2
3.	Библиотека института истории	1
4.	Библиотека института социологии	1
5.	Библиотека института философии	1
6.	Библиотека института этнологии и культурной антропологии	1
	Общее количество	28

Таблица № 6. Публикации Института Костюшко в библиотечной системе Ягеллонского университета

Институт Собеского (Sobieski Institute) – аналитический центр, основанный в Польше в 2004 году, известный своей политической пропагандой польского консервативного политического движения, например, Социально-консервативной партии Закона и справедливости Польши. Авторы доклада «Безопасность Польши после саммита НАТО в Мадриде» [14], опираясь на современных экономистов [15], констатируют, что «в Польше сейчас, возможно,

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	33
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	3
3.	Медицинская библиотека	2.
4.	Библиотека естественных наук	2
5.	Библиотека филологического факультета	1
6.	Библиотека педагогического института	1
7.	Библиотека института искусств	1
8.	Библиотека института сестринского дела	1
	Общее количество	42

Таблица № 7. Публикации Института Собеского в библиотечной системе Ягеллонского университета

самая благоприятная ситуация за несколько сотен лет» [15, р.15]. Институт Собеского рекомендует лицам, принимающих ответственные решения в области внешней и внутренней безопасности не только комплекс мероприятий, традиционно связанных с инфраструктурной, интеллектуальной, политической и экономической безопасностью, но и активизацию политики на культурном фронте, особенно в направлении стран постсоветского пространства. По мнению автора монографии «Польша в новом золотом веке...», политика Польши будет особенно эффективной с опорой на основного союзника – США в организации и вдохновителя действий стран всего Запада на Украине (Poland as an inspiration for Western policy towards Ukraine) [15, р. 19].

Фонд «Открытый диалог» (The Open Dialogue Foundation (ODF)) был создан украинскими гражданскими активистами в 2009 году и продолжает максимально фокусироваться на вопросах «демократизации» стран постсоветского пространства, в том числе и Украины. Тем не менее отдельных крупных аналитических материалов, посвященных польско-украинским отношениям, на странице фонда не представлено. Наиболее яркое отношение экспертов фонда к польско-украинской проблематике было высказано в докладах главы правления фонда Бартошем Крамек в Кембриджском университете 30 июня и 1 июля 2015 года. Докладчик призвал польское государство нести на фоне пассивной Европы новую миссию «Antermurale Christianitatis» – образа, используемого ранее для Речи Посполитой – главы «Содружества, защищающего границы христианской Европы и западной цивилизации на протяжении веков» [8]. Критичное отношение к сдержанной позиции западных стран подчеркивается и в информационно-аналитическом материале этого автора при описании гуманитарной миссии Польши во Львове и Дрогобыче в октябре 2022 года. Бартош Крамек пишет, что по помощь западным регионам Украины оказывают преимущественно такие польские организации как Социально-культурная ассоциация «Польша-Украина» (Познань), Польская гуманитарная команда (Жегестув/Мушина), организация «Каритас» и миссия братьев-госпитальеров больницы Святого Иоанна Божьего. Бартош Крамек, как и другие эксперты фонда, не известны Библиотеке Ягеллонского университета своими научными публикациями.

Фонд «Институт Леха Валенсы» (Fundacji «Instytut Lecha Wałęsy») был создан в 1995 году, как написано на главной странице сайта, «для поддержки ценностей децентрализации и самоуправления, способствовать открытости и честности в политике и распространять традиции солидарности и независимости. Институциональный опыт позволил президенту Валенсе эффективно действовать в Польше и за пределами страны». Это антисоветское и русофобское учреждение прежде всего направлено на продвижение атлантических цивилизационных ценностей в противовес консерватизму и национализму. В монографии «Пути к свободе. Пути к единой Европе. 1945–2007» [5] автор пишет о диаметрально противополо-

ложных интересах «путинской России» и Польши по отношению к Украине, особенно после оранжевой революции на Украине 2004 года [5, р. 144]. Решающая роль в «укреплении украинской и польской демократии» была связана, по мнению автора, с размещением в Польше «американской базы» (системы противоракетной обороны (ПРО)) в 2008 г [5, р. 145]. Публикации Института Леха Валенсы находятся в следующих польских библиотеках (см. таблицу № 8):

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	11
2.	Библиотека факультета международных и политических исследований	1
	Общее количество	12

Таблица № 8. Публикации Института Леха Валенсы в библиотечной системе Ягеллонского университета

Фонд Казимира Пуласки (The Casimir Pulaski Foundation) проводит междисциплинарный анализ актуальных проблем в области обороны и безопасности, стоящих перед Трансатлантическим альянсом с особым акцентом на Центральную и Восточную Европу. С 2022 года фонд выделяет большую часть своих ресурсов на анализ возможных последствий полномасштабного российского вторжения в Украину для европейской безопасности, включая анализ и прогноз польско-украинских отношений. Доклад «Польша, изображенная в официальном сообщении Российской Федерации в первые месяцы войны на Украине (24 февраля – июль 2022 г.)» [7] посвящен «разоблачению» официальной оценки действий Польши со стороны Российской Федерации в печатных, телевизионных и интернет СМИ, опровержению тезиса российских властей, что Польша «хотела воспользоваться кризисом, разработав планы вторжения, а затем аннексировать некоторые районы Западной Украины, Калининградской области и даже части Беларуси» [16, р. 19]. Угрозы

№	Библиотека	Кол. заголовков
1.	Ягеллонская библиотека	9
2.	Библиотека института истории	1
	Общее количество	10

Таблица № 9. Публикации Фонда Казимира Пуласки в библиотечной системе Ягеллонского университета

этой «пропаганды» для польской стороны минимальны, по мнению авторов исследователя, так как материалы распространялись на русском языке, в русскоязычных информационных сетях и без единого российского центра агитации и пропаганды, что заставляет уже русскую сторону, по нашему мнению, пересмотреть свой подход к расширению пространства достоверной информации на зарубежную аудиторию через реформированные органы массовой информации, включая библиотечные учреждения.

Сравнивая ведущие «фабрики мысли» Польши, в публикациях которых рассматривается Украина и, особенно, регионы Западной Украины отметим их географическую близость. На основе геополитического позиционирования составим геоинформационный сервис Think tanks Польши (Think tanks of Poland) [19] с указанием 7 из 11 аналитических центров Польши, которые находятся в Варшаве. Центры в других регионах Польши не идентифицируются на карте. При сравнении аналитических центров отметим их весомые различия по объему продвижения информационных материалов. Количество публикаций по количеству заголовков в библиотеке Ягеллонского университета представлено в таблице № 10.

№	Аналитический институт	Кол-во материалов
1.	Институт по связям с общественностью	788
2.	Институт западных исследований	722
3.	Европейский центр Natolin	191
5.	Институт стратегических исследований	137
6.	Центр Восточных исследований в Варшаве	87
7.	Институт Собеского	42
8.	Институт Костюшко	28
9.	Фонд «Институт Леха Валенсы»	12
10.	Фонд Казимира Пуласки	10
11.	Фонд «Открытый диалог»	0

Таблица № 10. «Фабрики мысли» Польши в библиотечной системе Ягеллонского университета

Некоторой особенностью данного предметного ряда будет определенная корреляция между количеством информационных материалов организаций и политической ангажированностью последних. Все общественно-политические фонды имеют с одной стороны минимум выпуска научной продукции и с другой – наиболее радикальные политико-агитационные ма-

териалы по реализации информационной повестки в отношении регионов Украины. Наибольшее количество информационных материалов в польских научных библиотеках связано с крупнейшими экспертными центрами.

Заключение

Таким образом, высокая степень продвижения библиотекой Ягеллонского университета – второй по величине библиотекой в стране, аналитических материалов современных экспертных центров свидетельствует о сложившейся в Польше единой системе научной политически-значимой информации. Научные университетские библиотеки в данной системе играют активную роль как репозитории и как активные пропагандисты политической информационной продукции. Украина в работах экспертных центров фигурирует не как самостоятельный субъект международных отношений, а как объект военного, культурного и информационного противостояния России со странами западного мира. Рассматривая основных стейкхолдеров продвижения политических информационных материалов отметим, что основными субъектами в этом процессе является не только факультет полоники или Институт глоттодидактики и полонистики Ягеллонского университета, но и факультет международных и политических исследований; факультет управления и социальных коммуникаций и, особенно, Институт истории. Именно борьба за оценку исторического наследия является основным направлением такого социально-политического феномена как цивилизационное противостояние. Значимость библиотек в выстраивании политического национального культурно-исторического медийного фона подтверждается как программами указанных «фабрик мысли», так и ролью библиотек в информационно-аналитическом обеспечении польской геокультурной доктрины.

Список литературы

1. Centrum Badawcze Bibliografii Polskiej Estreicherow: URL: <https://www.estreicher.uj.edu.pl/centrum/?dzial=41>
2. *Drbohlav D., Jaroszewicz M.* (ed.). Ukrainian migration in times of crisis: Forced and labour mobility. Charles University, Faculty of Science, 2016: URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/projekty/ukrainian_migration_in_time_of_crisis.pdf
3. *Fomina J.* Language, Identity, Politics-the Myth of Two Ukraines / Bertelsmann Foundation, 2014: URL: https://aei.pitt.edu/74064/1/Language_Identity_Politics_the_Myth_of_Two_Ukraines.pdf
4. International Cooperation // Biblioteka narodowa: URL: <https://bn.org.pl/en/about-us/international-cooperation>
5. *Jerzy Eisler.* Drogi do wolności, drogi do wspólnej Europy 1945-2007, 2008. 173 p.

6. Katalog Bibliotek UJ: URL: https://katalogi.uj.edu.pl/discovery/search?vid=48OMNIS_UJA:uja
7. *Kozłowski A., Szelka G., Gollob T.* Poland as depicted in russian federation's official communication in the first months of the war in Ukraine (february 24th-july 2022). published: 24 january 2023: URL: <https://pulaski.pl/en/poland-as-depicted-in-russian-federations-official-communication-in-the-first-months-of-the-war-in-ukraine-february-24th-july-2022-2/>
8. *Kramek Bartosz.* Speech delivered at the Cambridge University: «The development of Polish-Ukrainian Relations since the Beginning of the Maidan». published: 23 July 2015: URL: <https://en.odfoundation.eu/a/6724,speech-delivered-at-the-cambridge-university-the-development-of-polish-ukrainian-relations-since-the-beginning-of-the-maidan/>
9. Mapa Pamięci // Instytut Studiów Strategicznych: URL: <http://mapapamieci.pl>
10. Miejsce wydania: Dąbrówno, 2017, 310 p.
11. Misja / Instytut Zachodni: URL: <https://www.iz.poznan.pl/o-instytucie/misja>
12. NAUKA POLSKA: URL: nauka-polska.pl (дата обращения: 09.08.2023).
13. Odporność na dezinformację w krajach trójkąta lubelskiego: URL: https://ik.org.pl/wp-content/uploads/Resilience-to-Disinformation0612_4.pdf
14. *Pawłuszko T.* The security of Poland after the NATO summit in Madrid // Instytut Sobieskiego. Report. published: October 2022: URL: https://sobieski.org.pl/wp-content/uploads/NATO_E_BOOK_EN.pdf
15. *Piatkowski M.* Poland's New Golden Age. Shifting from Europe's Periphery to Its Center. The World Bank.Policy. Research Working Paper. №. 6639, October 2013: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2336349
16. Poland as depicted in Russian Federation's official communication in the first months of the war in Ukraine (February 24th-July 2022): URL: https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2023/02/Pulaski-Report_Poland-as-depicted-in-Russian-Federations-official-communication-in-the-first-months-of-the-war-in-Ukraine.pdf
17. *Sakson Andrzej.* Dziedzictwo Prus Wschodnich. Socjologiczne i historyczne studia o regionie: URL: <https://www.iz.poznan.pl/publikacje/monografie-i-prace-zbiorowe/andrzej-sakson-dziedzictwo-prus-wschodnich-socjologiczne-i-historyczne-studia-o-regionie>
18. Centre for eastern studies: URL: <https://www.osw.waw.pl>
19. Think tanks Польши (Think tanks of Poland): URL: <https://yandex.ru/maps/?um=constructor%3A004a07da7a3aadf2d4bbccd31f34c2589418272bc12e61c426d2b55db1066651&source=constructorLink>
20. Ukraine (February 24th-July 2022): URL: https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2023/02/Pulaski-Report_Poland-as-depicted-in-Russian-Federations-official-communication-in-the-first-months-of-the-war-in-Ukraine.pdf
21. Z badań nad stosunkiem mieszkańców Ziemi Zachodnich i Północnych do historycznego dziedzictwa kulturowego. Raport ze spotkań środowiskowych (1995-1996) // Seria Ziemi Zachodnie. Studia i Materiały № 30: URL: <https://www.iz.poznan.pl/publikacje/monografie-i-prace-zbiorowe/z-badani-nad-stosunkiem-mieszkanctwa-ziemi-zachodnich-i-polnocnych-do-historycznego-dziedzictwa-kulturowego>

- iz.poznan.pl/publikacje/monografie-i-prace-zbiorowe/z-badan-nad-stosunkiem-mieszkancow-ziem-zachodnich-i-polnocnych-do-histerycznego-dziedzictwa-kulturowego-raport-ze-spotkan-srodowiskowych-1995-1996
22. Zasoby humanistyki dla budowania i doskonalenia zintegrowanego modelu zarządzania państwem w świetle dynamiki kryzysów i zagrożeń. Dialog humanistyki i administracji a wyzwania dla Polski: URL: <https://www.natolin.edu.pl/projekty/zasoby-humanistyki/>
 23. Ziemie Zachodnie i Północne (1945-2020). Nowe konteksty Ziemie Zachodnie i Północne (1945-2020) // Nowe konteksty Seria. Ziemie Zachodnie – Studia i Materiały: URL: <https://www.iz.poznan.pl/publikacje/monografie-i-prace-zbiorowe/ziemie-zachodnie-i-polnocne-1945-2020-nowe-konteksty>

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи от 20 000 до 40 000 знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
 - б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-L C)), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;
5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.
2. The scope of article must be from 20,000 characters to 40,000 characters, including spaces.
3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.
4. You should add to the article:
 - a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;
 - b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard ISO 9:95 (GOST 7.79–2000) or the system of transliteration of American Library Association and the Library of Congress (ALA-LC), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;
5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

Для заметок

Для заметок

Scientific academic journal "Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts" is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of major scientific results of dissertation research for the award of a scientific degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them:

- 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical Sciences),
- 5.8.2. Theory and Methodology of Training and Education (by areas and levels of education) (Pedagogical Sciences),
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Training (Pedagogical Sciences),
- 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences),
- 5.9.2. Literature of the Peoples of the World (Philological Sciences), 5.9.3. Theory of Literature (Philological Sciences),
- 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Art History), 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Cultural Sciences),
- 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Philosophical Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Cultural Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Pedagogical Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Philological Sciences).

It is published since 2008. It is issued four times a year.

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE**»

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

Editorial board of the scientific journal

"Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts"

CHIEF EDITOR:

KUDRINA Ekaterina Leonidovna,

DSc in Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Acting Rector
(Moscow State Institute of Culture)

DEPUTY EDITOR:

MAREEVA Elena Valentinovna,

DSc in Philosophy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

DEPUTY EDITOR:

YAROSHENKO Nikolai Nikolaevich,

DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Research (Moscow State Institute of Culture)

EXECUTIVE EDITOR:

VOEVODINA Larisa Nikolaevna,

DSc in Philosophy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

EDITORIAL BOARD

Astafieva Olga Nikolaevna, DSc in Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Culture (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Gendina Natalya Ivanovna, DSc in Pedagogy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation
(Moscow State Institute of Culture)

Dorofeeva Lyudmila Grigoryevna, DSc in Philology, Professor (Immanuel Kant Baltic Federal University)

Zorilova Larisa Sergeevna, DSc in Cultural Studies, CSc in Pedagogy, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Gnessin Russian Academy of Music)

Kolomiytseva Elena Yurievna, DSc in Philology, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)

Litvak Rimma Alekseevna, DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation (Chelyabinsk State Institute of Culture)

Lopatina Natalya Viktorovna, DSc in Pedagogy, Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Mazuritsky Alexander Mikhailovich, DSc in Pedagogy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

Maykovskaya Larisa Stanislavovna, DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Sadovskaya Valentina Stepanovna, DSc in Pedagogy, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Seregin Nikolai Vasilyevich, DSc in Pedagogy, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Altai State Institute of Culture)

Sinyavina Natalya Vladimirovna, DSc in Cultural Studies, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)

Slepokourov Vitaly Sergeevich, DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector,
Vice-Rector for Educational and Methodological Activities (Moscow State Institute of Culture)

Suminova Tatyana Nikolaevna, DSc in Philosophy, Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor (Moscow State Institute of Culture)

Tikhonova Valeria Aleksandrovna, DSc in Philosophy, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Khristidis Tatyana Vitalievna, DSc in Pedagogy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

Sharkovskaya Natalia Vladimirovna, DSc in Pedagogy, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)